ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт Шекли

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 3

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

Galaxy Science Fiction, September 1954
Milk Run •
interior artwork by Dick Francis

Galaxy Science Fiction, October 1954
Ghost V •
interior artwork by Sanford Kossin

Galaxy Science Fiction, November 1954
The Laxian Key •
interior artwork by Ed Emshwiller

Galaxy Science Fiction, January 1955
Squirrel Cage •
interior artwork by Ed Emshwiller

Galaxy Science Fiction, April 1955
The Lifeboat Mutiny •
interior artwork by Sanford Kossin

Galaxy Science Fiction, June 1955
The Necessary Thing •
interior artwork by Dick Francis

Galaxy Science Fiction, October 1955
A Ticket to Tranai •
interior artwork by Cavat

Space Science Fiction, September 1953
The Hour of Battle •
interior artwork by Roy G. Krenkel

Galaxy Science Fiction, December 1953
One Man's Poison •
interior artwork by Ed Emshwiller

Astounding Science Fiction, May 1953
Operating Instructions •
interior artwork by Schecterson

Astounding Science Fiction, November 1953
Potential •
interior artwork by Art Sussman

Future Science Fiction, November 1952
We Are Alone •
interior artwork by uncredited

Galaxy Science Fiction, February 1957
The Martyr •
interior artwork by Ray Nelson

Galaxy Science Fiction, December 1954
Skulking Permit •
interior artwork by Mel Hunter

Galaxy Science Fiction, July 1957
A Wind is Rising •
interior artwork by Turpin

Galaxy Science Fiction, August 1952
Proof of the Pudding •
interior artwork by Ed Emshwiller

Imagination, May 1952
Final Examination •
interior artwork by uncredited

Galaxy Science Fiction, November 1952
Warrior Race •
interior artwork by Scattergood

Galaxy Science Fiction, April 1953
Seventh Victim •
interior artwork by Ed Emshwiller

Galaxy Science Fiction, December 1952
Cost of Living •
interior artwork by Ed Emshwiller

Galaxy Science Fiction, February 1953
Watchbird •
interior artwork by Ed Emshwiller

Future Science Fiction, November 1953
Ultimatum! •
interior artwork by Paul Orban, Alex Schomburg

Galaxy Science Fiction, November 1955
Warrior's Return •
interior artwork by Thomas

Galaxy, November 1973
A Suppliant in Space •
interior artwork by Jack Gaughan

Imagination, May 1954
Off-Limits Planet •
interior artwork by W. E. Terry

Astounding Science Fiction, July 1955
Earth, Air, Fire and Water •
interior artwork by H. R. Van Dongen

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Перевод: В. Вебер, Т. Шинкарь, Г. Косов, А. Вавилов, М. Штольц, Н. Евдокимова, Н. Абдуллин, М. Черняев, А. Лотарев, С. Гонтарев, Э. Кабалевская, А. Волнов, В. Гопман, Н. Галь, В. Баканов, М. Черняев.

Работа с текстом и иллюстрациями: by formally

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени: это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна твоя безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака V от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах.

Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет оборудования для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И, прежде чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородные баллоны.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейл» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставили еще несколько дней назад.

— Отлично. «Это мой компаньон», — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

Грегор медленно спросил:

— Арнольд, что ты там вытворяешь?

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также

право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никаких проблем не возникало. На корабль погрузили нужные корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто, я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой поговорки не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были уже на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил

подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу. Вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кофе был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Форели были живы и не вышли из спячки.

Смоги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квёла потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — Queelis Tropicalis — мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем.»

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть им в глотку и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: «Подходи!»

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения, и так далее и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени для того, чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают, — заметил Грегор. — Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было

разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Ты говоришь, размножились? — с неподдельным интересом спросил Арнольд по радио.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок

семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был уже виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот что думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрыты изморозью, — сказал Арнольд. — Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило. Кроме того, они бы продолжали спать, если бы ты не валял дурака с тяготением и давлением.

— Фиргели едут на Вермойн I. А как насчет смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилы?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его. — Арнольд, — проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати

семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Говорит спутник, — ответил ему чей-то голос. — Сообщите о себе подробнее.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с Центрального пакгауза «Тригейл», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю оставшуюся жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грегор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет малого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грегор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд. Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит. Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка. Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «ААА-ПОПС» — Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды — не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр. — Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выряженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грегор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для житья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. —Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира. — Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодила планета? Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ-5. Но все называют се просто Призрак-5.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлестче. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бессчетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор. Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми, да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона-6. На Призраке-5 высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала-2. Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак-5 сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак-5 вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет вязаться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь. Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю. Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. —Расщелкаем этот орешек — и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случаи успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой. — Всего наилучшего.

Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку-5. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке-5 не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака-5, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить...

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты

два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке-5 один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером наизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак-5 отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу.

Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озерца и зашелестел в высокой траве. Как нельзя более мирное зрелище. Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками.

Скорее всего они сами, впав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно. Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала, да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут... Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам. В углу комнаты кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх. Незнакомец не шелохнулся. Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился.

Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног. Пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли

не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения, не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идейка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грегор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-кл-и-т. Для Грегора слово это было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака-5. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо. А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, те сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера система охраны не сработала.

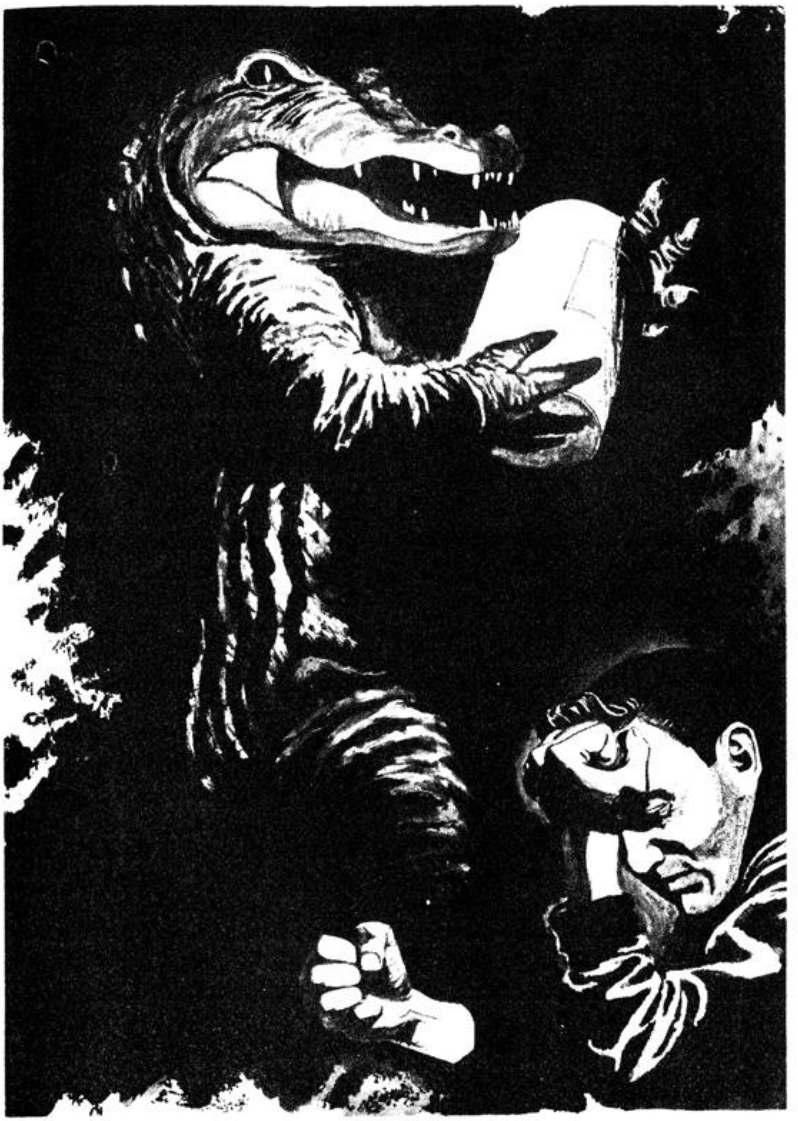
Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грегор, сглотнув слюну. Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если потянуться за бластером — Как тебя звать? — спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват — Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — рука Грегора поползла в сторону бластера.



— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грегор, — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад „Смига“ — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так не проймешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором... — Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу! С этими словами полосатое чудище исчезло. Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот, — Хват — Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было ведено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к рации, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак».

Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грегор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает? Грегор призадумался. — Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата — Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор. — Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем... — Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак-5 нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы скорее всего посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек — другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака-5 раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват — Раковая Шейка. Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку. Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь.. взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горящей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся — Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер. Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и... Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд. Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком-5, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ; Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке-5: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались... Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5!

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков, да еще двумя крылышками в придачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то н неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул —Арнольд почти в панике. Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто, — признался Арнольд. —Он что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова проделывало это, отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч? Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-все вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор. Вновь начинало явственно вырисовываться красно-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом, корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенало, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако

зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучела как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.

ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды — и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась и Арнольд, партнер Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Тащите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно ответил Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо, той самой, где он держит всякий инопланетный хлам, — и обнаружил там эту штуку. Сторговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знал, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грегор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и в правду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница, что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, с Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы на этом ни заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд, — наконец произнес он, — я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных машинах.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И, кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрными...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: «Мелджский Бесплатный Производитель. Очередной Триумф Лаборатории Глоттена. Неразрушимый Бездефектный Производитель. Не Требует Энергетических Затрат. Чтобы, Включить, Нажмите Кнопку Номер Один. Чтобы,

Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом. В Случае Обнаружения Неисправности, Пожалуйста, Верните Производитель В Лабораторию Глоттена».

— Ты, наверное, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. — Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, — озабоченно произнес Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Куча серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали компанию «ААА-ПОПС», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная

работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

По крайней мере, думал Грегор, иногда получалось смешно. Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сандвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело, поглядывая на растущую кучу серого порошка.

Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангир!

— Тенгри?

— Совершенно, верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно, если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная Продуктовая Корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору.

— Эти корпорации... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах, так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся, и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться, выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер строительной компании Толедо — Марс и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут

предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю, по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не сможем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать, когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку.

— Перевозка нам обойдется...

— ... гораздо больше, чем пятнадцать центов за тонну, закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы Выключить, Воспользуйтесь Лаксианским Ключом».

— Ну, так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет? — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь.

— Поди попробуй...

— А в чем проблема?

— В том, что у нас нет Лаксианского Ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский Ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча уставились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грегор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгрести часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовощекими полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И, кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грегор. — Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда этот мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский Ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И, похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Вчера, начиная с полудня, мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она сама будет хапать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно, — продолжал издеваться Грегор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского Ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату они наняли людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Возить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь

корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянье закричал Грегор. — Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашеные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватало глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский Ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

БЕЛИЧЬЕ КОЛЕСО

— Лучшие земли в Галактике — погублены, — горестно простонал клиент, верзила семи футов ростом с интенсивно голубым цветом лица. Из отверстий, напоминающих смазочные, катились крупные слезы и падали на щеголеватую и, похоже, дорогую сорочку. В течение целых пятнадцати минут он невразумительно бормотал о постигшем его несчастье.

— Успокойтесь, сэр, — с участием промолвил Ричард Грегор, весь подобравшись на стуле. Он сидел за огромным старинным письменным столом из орехового дерева. — Астронавтическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды, сокращенно «ААА-ПОПС», с готовностью решит все ваши проблемы.

— Не объясните ли нам, сэр, характер ваших проблем, — в свою очередь учтиво справился Арнольд.

Клиента все еще переполняли эмоции. Наконец он осушил слезы огромным носовым платком и с надеждой посмотрел на компаньонов фирмы «ААА-ПОПС».

— Разорение! — вскричал он. — Вот что меня ждет. Мои лучшие поля...

— Мы понимаем вас, сэр, — ободрил его Грегор, — но объясните, почему вас ждет разорение?

— В Биттер-Лаге, на планете Сир, у меня есть ферма, — наконец, взяв себя в руки, начал рассказывать сирянин. — Я засеял зерновыми и другими культурами около восьмисот акров. И жду всходов в этом месяце. Но как только поля зазеленеют, проклятые крысы начисто сожрут всходы.

— Крысы? — удивился Арнольд.

— Да, так у нас называют этот вид грызунов семейства альфикс дрекс. — Слезы снова заставили беднягу полезть за платком. — В этом году настоящее крысиное нашествие. Мои поля кишат ими. Я перепробовал уже все средства, но эти твари плодятся быстрее, чем подыхают. Сняв урожай, я стану богатым и хорошо заплачу, если вы избавите меня от этой дряни, джентльмены.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — заверил его Арнольд. — Разумеется, предварительно необходимо познакомиться с обстановкой. Мы предпочитаем знать заранее, с чем придется иметь дело.

— То же самое я слышал и от других фирм. Но время не терпит, — с горечью промолвил сирянин. — Я вложил в землю весь свой капитал. Через пару недель появятся всходы, и все они тут же будут уничтожены крысами. Вы должны покончить с этой напастью до того, как зазеленеют поля, джентльмены.

Длинное худое лицо Грегори не выражало особой радости. Он был весьма консервативен в своих решениях и

действиях, и ему не нравился такой подход. Из-за самоуверенности и бахвальства Арнольда их фирма почти всегда несла убытки, заключая практически невыполнимые контракты. Грегори противился этому как мог. Но, видимо, без риска не обойтись, если затеваешь такое дело, как антиэнтропийное агентство, и не имеешь ни гроша в кармане. Однако в последнее время им везло, образовалась даже кое-какая прибыль, и Грегори не хотелось рисковать. Вот почему подозрительный блеск в глазах компаньона настораживал его.

Сам клиент не вызывал у Грегора недоверия, но кто знает, как все это может обернуться. Вдруг на самом деле крысы окажутся семифутовыми детинами с бластерами в руках. У фирмы «ААА-ПОПС» уже бывали подобные непредвиденные сюрпризы.

— Вам раньше приходилось бороться с вредителями полей? — спросил он у сирянина.

— Конечно. Но то были случаи, не представляющие проблемы, например, летучие висюки, ползущие скегли или гниль обыкновенная. Это привычные заботы фермера.

— А почему сейчас с крысами возникли проблемы?

— Откуда мне знать, — сердито буркнул сирянин. — Говорите прямо, хотите заработать или нет?

— Конечно, хотим, — поспешил согласиться Арнольд. — Мы готовы начать хоть сейчас...

— Нам с партнером сначала надо посоветоваться, — решительно вмешался Грегор и вытащил Арнольда в коридор.

Коротышка и толстяк Арнольд, как всегда, был полон энтузиазма. Его, дипломированного химика, интересовало абсолютно все. Он был напичкан самой невероятной информацией, почерпнутой из десятков научных и технических журналов, которые выписывал не без ущерба для бюджета фирмы.

Добытая таким образом информация не приносила

практической пользы. Мало кого интересовало, зачем аборигены планеты Денеб-Икс упорно ищут наилучший способ массового самоубийства или, например, почему в созвездии Дрея животный мир представлен только летающими видами.

Но если бы кому-нибудь захотелось узнать это, Арнольд охотно поделился бы информацией.

— Интересно, во что мы впутаемся на этот раз, — сказал Грегор другу. — Что это за семейство альфикс дрекс?

— Это вид грызунов, — тут же пояснил Арнольд. — Чуть поменьше наших земных крыс и не такие агрессивные. Они питаются растительной пищей, живут на полях, в траве и в мелколесье. Как вид ничего особенного из себя не представляют.

— Гм. А если их там десятки миллионов?

— Тем лучше. Я говорю вполне серьезно, если бы клиент попросил нас доставлять ему каждую пятидесятую из уничтоженных крыс, я бы не взялся за это дело. Ведь тогда бы нам грозило потратить весь остаток жизни на поиски последних пяти или шести зверюг. Но, как я понял, от нас требуется вернуть популяцию крыс к обычной, «доэпидемической» численности. А этого мы вполне можем добиться, если оговорим все условия в контракте.

Грегор понимающе кивнул. У его компаньона хотя и очень редко, но все же появлялась деловая хватка.

— А мы сумеем вовремя справиться с ними? — все же переспросил он.

— Без всякого сомнения. Имеется несколько способов борьбы с грызунами. Морганизация — один из них, и неплохой. Или, например, система Турнье. Нам понадобится не более нескольких дней, чтобы уничтожить этих грызунов.

— Ладно, — сказал Грегор, — в контракте надо уточнить, что мы будем заниматься только крысами семейства альфикс дрекс. Для полной ясности.

— Хорошо.

Они снова вернулись в контору. Незамедлительно был составлен договор, в котором фирма «ААА-ПОПС» бралась за месяц истребить как можно большее число крыс на ферме заказчика. За каждый сэкономленный день компаньонам полагалось дополнительное вознаграждение, а в случае задержки — штраф за каждый просроченный день.

— Пока вы будете этим заниматься, — сказал сирянин, — я отправлюсь в отпуск. Вы действительно считаете, что удастся спасти урожай?

— Не беспокойтесь, — заверил его Арнольд. У нас есть оборудование для проведения морганизации и аппараты для обработки зараженных мест по системе Турнье. И тот и другой способы весьма эффективны.

— Я знаю, — ответил клиент, — я тоже пользовался ими. Но, возможно, я что-то не так делал. Всего вам хорошего и желаю удачи, джентльмены.

Грегор и Арнольд еще долго молча смотрели на закрывшуюся за клиентом дверь.

На следующий день, загрузив в корабль оборудование, кипы руководств, ядохимикаты, ловушки и прочую аппаратуру для уничтожения грызунов, друзья направились на планету Сир.

После четырех дней путешествия без каких-либо приключений они наконец увидели под собой зеленеющие поля планеты Сир и береговую линию Биттер-Лага. Справившись по карте, определили место посадки.

Берни-спирит, ферма их клиента, была действительно прекрасным уголком: аккуратно распаханные поля и сочные луга, вековые деревья с густыми кронами, величественно чернеющие на фоне вечернего неба. А небольшой, но, очевидно, глубокий пруд поражал своей синевой.

Однако признаки запустения и нашествия крыс сразу бросались в глаза. Лужайки пестрели пятнами голой земли, листья деревьев, росших вокруг дома, казались увядшими и неухоженными. Внутри дома на мебели и стенах повсюду

виднелись следы крысиных зубов, изгрызенными оказались даже массивные потолочные балки.

— Да, не повезло бедняге, — посочувствовал клиенту Арнольд.

— Это нам не повезло, — поправил его Грегор.

Обход дома сопровождался неумолкающим писком невидимых грызунов, попрятавшихся в щелях и норах. Когда Арнольд и Грегор приближались к дверям комнат, там сразу поднимался шум в панике разбегающихся тварей. Но друзьям так и не удалось увидеть ни одной крысы, паразиты успевали разбежаться до появления непрошеных гостей.

Наступил вечер, и уже не было смысла приступать к работе, однако Арнольд и Грегор расставили все виды ловушек, чтобы проверить, какие из, них наиболее удачны против этих грызунов. Затем друзья достали спальные мешки и приготовились ко сну.

Арнольд умел засыпать в любых условиях, но для Грегора ночь выдалась малоприятной: целые полчища крыс проявляли невиданную активность. Было слышно, как они бегают по полу, натыкаются на ножки столов и стульев, грызут двери, прогуливаются по стенам. А едва Грегор задремал, тройка самых наглых зверьков оказалась у него на груди. Смахнув их рукой и поплотнее завернувшись в спальный мешок, он все же смог на несколько часов отключиться.

Утром компаньоны произвели осмотр ловушек и убедились, что все они пусты.

Несколько часов ушло на выгрузку из корабля, сборку и установку громоздкого оборудования Моргана. Пока Арнольд заканчивал последнюю пригонку деталей, Грегор извлек аппараты Турнье и опоясал дом электропроводами. Наконец друзья уселись и стали ждать массового истребления грызунов.

Наступил полдень. Прямо над их головами висело горячее маленькое солнце планеты Сир. Оборудование Моргана гудело и ворчало, словно разговаривало само с собой. Над

проводами аппаратов Турнье то и дело вспыхивали синие разряды.

А больше ничего интересного не происходило.

Медленно тянулись долгие часы ожидания, Арнольд успел прочитать все руководства по борьбе с грызунами. Грегор вытащил колоду потрепанных карт и мрачно раскладывал пасьянс. Оборудование работало и монотонно жужжало, как и было обещано в прилагаемой инструкции. А электроэнергии оно съедало столько, что хватило бы на освещение небольшого городка.

Однако в результате не появилось ни одного крысиного трупа.

К вечеру стало окончательно ясно, что этим крысам не страшны ни морганизация, ни турньеризация. Пришло время ужинать и решать, что делать дальше.

— Как им удается избежать опасности? — спросил озадаченный Грегор, сидя на стуле и держа в руках открытую банку саморазогревающихся мясных консервов.

— Мутация, — не задумываясь ответил Арнольд.

— Да, вполне возможно. Уникальный ум, адаптация... — Грегор механически жевал рубленое мясо. В кухне, где они сидели, слышалось беспрестанное царапанье коготков по полу, шорох тушек, трущихся о стены нор, но ни одной из крыс так и не удалось увидеть.

Арнольд снял упаковку с яблочного пирога.

— Произошла мутация, и притом потрясающе хитрая, черт побери! Нам надо во что бы то ни стало поймать хотя бы одну крысу, иначе не разобраться, с чем мы столкнулись.

Но поймать даже одну крысу оказалось ничуть не легче, чем уничтожить тысячу. Крысы не показывались, не попадались в крысоловку, обходили приманки, западни и одурманивающие наживки.

В полночь Арнольд решительно заявил:

— Это невероятно.

Грегор рассеянно кивнул. Он заканчивал установку нового типа ловушки — большого металлического ящика, зазывающе открытого с двух сторон, если сюда забредет какая-нибудь глупая крыса, то по сигналу от фотоэлемента дверцы молниеносно закроются.

— А теперь посмотрим, — закончив подготовку, удовлетворенно сказал Грегор. Оставив ящик на ночь в кухне, они перешли в гостиную.

В половине третьего ночи дверцы ящика громко захлопнулись.

Арнольд и Грегор поспешили в кухню. В ящике слышен был шум, отчаянное царапанье и писк. Грегор зажег свет и поставил ящик стоймя. Хотя он знал, что ни одна крыса не сможет подняться по скользкой, отшлифованной стенке, он все-таки начал открывать верхнюю дверцу медленно, с большой осторожностью, дюйм за дюймом.

Писк усилился.

Оба компаньона с интересом заглядывали внутрь ловушки, надеясь наконец увидеть крысу в полной форме побежденного врага с белым флагом в лапах. Но они не увидели ничего. Ящик был пуст.

— Она не могла убежать! — разочарованно воскликнул Арнольд.

— Или прогрызть металлический ящик... Эй! Слышишь?

В ящике продолжались возня и писк, казалось, что крыса скребет лапами стенку ящика, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Грегор сунул руку в ящик и осторожно провел пальцами по стенкам.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку. На указательном пальце были видны два небольших следа от зубов.

Шум в ящике усилился.

— Кажется, мы поймали крысу-невидимку, — мрачно изрек Грегор.

Клиент с планеты Сир отдыхал в Катакинни-кластер, в отеле Маджестик. Потребовалось два часа, чтобы связаться с ним по межпланетному телефону.

Свой разговор Грегор начал с крика:

— Вы ни словом не упомянули, что ваши крысы невидимки!

— Неужели? — удивился сирянин. — Это досадная оплошность с моей стороны. Ну и что дальше?

— А то, что вы нарушили контракт, — орал Грегор.

— Ничуть. Мой адвокат, который случайно тоже отдыхает в одном отеле со мной, утверждает, что невидимость животных подпадает под определение естественного свойства защиты, как, например, изменение окраски, и упоминать об этом в контракте как о чем-то исключительном не требуется; кстати, в юридической практике судьи не принимают во внимание состояние невидимости, даже если есть возможность доказать, что оно имеет место. Судьи называют такой феномен «относительной видимостью». В общем, это никак не может считаться нарушением контракта.

От подобной наглости Грегор лишился дара речи.

— Нам, бедным фермерам, приходится защищать себя, вы же знаете, — продолжал меж тем сирянин. — Но я верю в вашу способность справиться с порученной работой. До свидания.

— Он-то сообразил, как защитить себя, черт побери, — проворчал Арнольд, кладя трубку. — Если нам удастся уничтожить это невидимое полчище крыс, он окажется в большом выигрыше. А если нет, просто возместит расходы, оштрафовав нас за невыполнение контракта.

— Невидимки они или нет, — упорствовал Грегор, — но морганизация должна сделать свое дело.

— Однако ничего не получилось, — возразил Арнольд.

— Я знаю. А почему не получилось? Почему не сработали ловушки? Или система Турнье?

— Потому что это крысы-невидимки.

— Какое это имеет значение? Крысиный нюх у них остался, правильно? Они же обыкновенные крысы, и сами сознают это. Думаешь, нет?

— Что ж, — промолвил Арнольд, — если их невидимость — следствие мутации, то их обоняние и другие чувства тоже могли претерпеть изменения.

Грегор сосредоточенно нахмурился.

— А изменение в их органах чувств потребует от нас соответствующих изменений в борьбе с ними. Нам прежде всего надо узнать, чем этот вид крысы отличается от других, нормальных грызунов.

— Кроме того, что он невидим глазу, — добавил Арнольд.

Но как можно проверить органы чувств невидимой крысы? Грегор решил начать с построения некоего лабиринта из лучших экземпляров мебели в доме фермера. По замыслу стенки лабиринта должны были ярко освещаться, когда мимо пробегала крыса. Таким образом предполагалось отслеживать маршруты передвижения грызунов.

Арнольд же экспериментировал с красителями в поисках такого, который вернул бы крысам их видимость. Одно из красящих веществ оказалось настолько сильным, что на несколько мгновений вернуло крысе ее естественный облик. Словно по взмаху волшебной палочки перед глазами возник экземпляр удивленно моргающего грызуна с подвижным чутким носом. Тварь с возмутительным равнодушием посмотрела на Арнольда и бесстрашно повернулась к нему хвостом. Затем уникально быстрый процесс обмена веществ поглотил краситель, и крыса снова исчезла из поля зрения.

Грегору все-таки удалось, погоняв по лабиринту, поймать десяток экземпляров крыс-невидимок, но те оказались крайне непослушными. Большинство из них не желали двигаться предложенным маршрутом, пренебрегали едой — только играли с нею, а попробовать решительно отказывались. Даже электрошок не действовал.

Однако в целом опыт дал кое-какие результаты. Он подтвердил полную непригодность для данного случая той аппаратуры, которую компаньоны привезли с собой.

Как и всякое громоздкое оборудование, системы Моргана и Турнье были рассчитаны на «нормальных» грызунов, которых можно завлечь в ловушку и истребить, руководствуясь их основными инстинктами: голодом и страхом. Только для таких животных и подходила эта аппаратура.

Все шло своим чередом, пока в популяции преобладал обычный вид грызунов. А как только животные стали меняться, потребовался и новый способ борьбы с ними. Крысы на этой ферме свыклись с тем, что они невидимки.

Отныне им не был присущ панический страх, ибо никто теперь их не преследовал. Исчезла необходимость спасаться бегством и набрасываться на пищу, они находили ее, где угодно и когда угодно. Таким образом всегда были сыты. Их больше не прельщал аппетитный запах, или предмет необычной формой, или новый звук.

С помощью систем Моргана и Турнье можно уничтожать лишь отдельных крыс, которые не успели или не смогли адаптироваться к новому состоянию невидимости, это лишь заставляло всех остальных адаптироваться быстрее в новых условиях.

Что же произошло с извечными врагами крыс, призванными сохранять естественный баланс в природе? Чтобы узнать это, Арнольду и Грегору предстояло немедленно, в самом срочном порядке изучить фауну Биттер-Лага.

Мало-помалу, факт за фактом они восстановили все, что, по-видимому, здесь произошло. На планете Сир у крыс были свои враги: летучие висюки, дрыги, древесные скурлы и оменюги.

Все эти неимоверные твари не смогли, однако, в одночасье измениться. Прежде всего они принадлежали к миру видимых существ, для которых нюх — лишь вспомогательное средство, и, хотя запах крыс весьма силен, их противник в охоте за пищей больше полагался на зрение и верил лишь

глазам. Поэтому вскоре вместо грызунов они стали пожирать себе подобных, оставив в покое невидимых животных.

Это позволило крысам плодиться и плодиться...

Так фирма «ААА-ПОПС» оказалась неспособной остановить крысиное нашествие.

— Мы начали не с того конца, — спустя неделю, не давшую результатов, глубокомысленно заметил Грегор. — Прежде надо выяснить, почему крысы здесь стали невидимыми. Тогда мы сможем понять, как с ними справиться.

— Мутация, — упрямо стоял на своем Арнольд.

— Я не верю в это. Ни одно существо пока еще не стало невидимым в результате мутации. Почему это началось именно с крыс?

Арнольд пожал плечами.

— Вспомни хамелеона. Есть гусеницы, похожие на ветки деревьев, другие принимают окраску и форму листьев. У некоторых видов рыб естественная окраска настолько похожа на морское дно, что...

— Да, да, это всем известно, — нетерпеливо прервал его Грегор. — Это называется мимикрия в целях защиты. Но стать невидимыми...

— Некоторые виды медуз бывают настолько прозрачны, что сквозь них видно морское дно, а сами они как бы становятся невидимыми, — продолжал упорствовать Арнольд. — Быстрый полет колибри делает тоже почти невидимой маленькую птичку, а землеройка прячется так искусно, что почти никому не попадается на глаза. Все эти виды уже на пути к превращению в невидимок.

— Это ерунда. Природа наделила всех живых существ средствами защиты, но она никогда не давала преимущества лишь одному какому-то виду.

— Это смахивает на телеологию, — возразил Арнольд, — ты полагаешь, что у природы есть определенная цель во всем, как у хорошего садовника. Я же утверждаю, что это слепой процесс усреднения. Конечно, в конце концов

преобладает нечто среднее, но есть шанс и для крайностей. Природа, в конце концов, придет к проблеме невидимого.

— Это ты рассуждаешь с позиции телеологии и пытаешься убедить меня в том, что целью мимикрии в природе является желание быть невидимым.

— Так мне кажется. Вот подумай...

— К черту эти рассуждения, — устало сказал Грегор. — Я не совсем точно знаю, что такое телеология, но мы находимся здесь десять дней и за это время поймали около пятидесяти крыс из нескольких миллионов. И ни одна холера их не берет. Что будем делать дальше?

Они сидели молча, прислушиваясь к крику кружащего над полями висюка.

— Если бы этим глазастым охотникам за грызунами еще и мозги в придачу! — печально заметил Арнольд.

— Да, это охотники за видимой целью. Вот если бы они...

Грегор неожиданно умолк и уставился на Арнольда. Тот какое-то мгновение недоуменно смотрел на компаньона, а потом его мрачное лицо осветилось пониманием.

— Конечно! — воскликнул Арнольд.

Грегор бросился к телефону и вызвал Галактическую экспресс-службу по доставке грузов.

— Алло! Примите срочный заказ...

Экспресс-служба превзошла саму себя. Через два дня на плешивой лужайке фермы Берни-спирит лежали доставленные с Земли десять небольших ящиков. Грегор и Арнольд перетаскали их в дом, а затем открыли первый. Из него с достоинством вышла большая великолепная и гордая кошка с лоснящейся шерстью и желтыми бесовскими глазами. Это была специальная порода, выведенная на Земле, ее охотничий инстинкт удалось обострить путем скрещивания с инопланетными разновидностями.

Кошка мрачно посмотрела на мужчин и принюхалась.

— Не надо питать особых надежд, — осторожно сказал Грегор, следя за тем, как животное пересекает комнату. — Она ведет себя не так, как нормальные кошки.

— Тсс, — прошипел Арнольд. — Не отвлекай ее.

Кошка остановилась и, чуть склонив набок голову, настороженно прислушивалась к писку и возне сотен невидимых крыс, без всякого страха пробегавших мимо нее. Кошка принюхивалась и щурила глаза.

— Ей здесь не нравится, — прошептал Грегор.

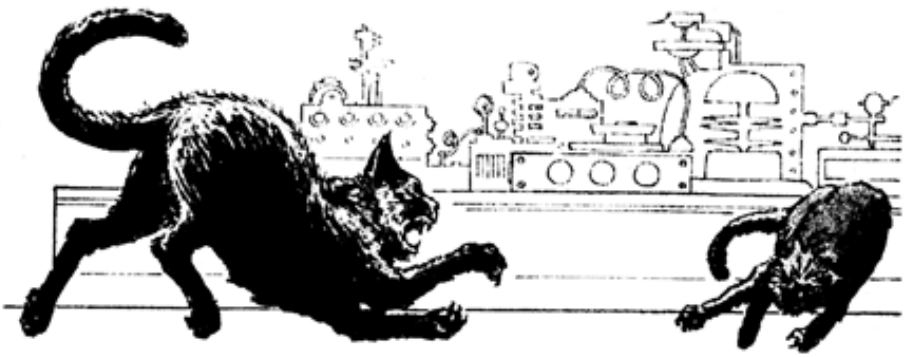
— А кому здесь может понравиться? — тоже шепотом ответил Арнольд.

Кошка сделала осторожный шаг. А подняв переднюю лапу для следующего, вдруг опустила ее.

— Она и не собирается охотиться, — разочарованно промолвил Грегор. — Может, лучше выписать сюда терьеров...

Но кошка внезапно прыгнула. Раздался отчаянный писк, похоже, она кого-то держала в лапах. Затем, сердито мяукнув, впилась зубами в невидимую плоть, и писк прекратился.

Зато он значительно усилился по всем углам. Кажется, крысы были в панике. И тогда Грегор не колеблясь выпустил еще четырех кошек, оставив пятерых про запас. На несколько минут комната превратилась в бойню. Друзьям пришлось покинуть ее: нервы могли не выдержать такого.



— Самое время отпраздновать, — сказал Арнольд, открывая одну из припасенных им бутылок бренди.

— Пожалуй, рановато... — нерешительно промолвил Грегор.

— Отчего же? Кошки знают свое дело, все идет отлично. Кстати, напомни мне, чтобы я заказал еще несколько сотен этих замечательных зверюг.

— Хорошо, напомню. А что, если крысы снова станут осторожничать?

— В этом-то и весь смак! — заметил Арнольд, наливая в стаканы бренди. — Какими бы хитрыми ни были крысы, для кошек они всегда мясо. А если вдруг вернутся в прежнее, видимое состояние, испробуем на них оборудование Моргана.

Грегори не возражал. Крысы не выживут, если их взять в клещи: с одной стороны когти и зубы, с другой — морганизация. Через неделю здесь все будет в полном порядке, и фирму ждет неплохая прибыль.

— Предлагаю тост за земных кошек, — поднял стакан Арнольд.

— Присоединяюсь, — поддержал его Грегор. — Пью за храбрую, простую и разумную земную кошку.

— Крысы-невидимки не могут сбить с толку нашу кошку.

— Она поймает и съест любую крысу, видит она ее или нет, — удовлетворенно заявил Грегор, прислушиваясь к душераздирающим воплям и писку за стеной, — вся эта какофония звучала для компаньонов как самая сладкая музыка.

Тостов было много, и все в честь многочисленных и достойнейших качеств земной породы кошек. Потом пошли тосты за саму планету Земля и, наконец, за другие родственные ей миры по алфавиту, начиная с Абака.

Бренди кончился где-то на Глострее. К счастью, у хозяина фермы оказалась неплохая коллекция местных вин.

Арнольд отключился на тосте в честь Уонликса, Грегор же, совсем чуть-чуть не дотянув до конца алфавита, положил руки на стол, уронил на них голову и заснул.

Проснулись они поздно с неизбежной головной болью, неприятным ощущением в желудке и болью в окоченевших суставах. Вдобавок ко всему вскоре выяснилось, что их храбрые, умные и разумные кошки с планеты Земля куда-то исчезли.

Друзья обыскали весь дом, все амбары, лужайки и даже поля. Разрыли крысиные норы и даже заглянули в заброшенный колодец.

Кошек не было, они исчезли, не оставив после себя даже клочка шерсти.

А тем временем крысы все так же весело и беззаботно бегали по дому, чувствуя себя в полной безопасности, ведь они по-прежнему были невидимы глазу.

— И это после столь отлично проделанной работы! — сокрушался Арнольд. — Ты думаешь, крысы дали кошкам хороший отпор?

— Не думаю, — ответил Грегор. — Это противоречило бы их крысиной сути. Скорее похоже на то, что кошки сами разбежались.

— Но здесь у них столько отличной еды! — недоумевал Арнольд. — Такого просто не бывает с кошками!

— Кис-кис-кис, — в последний раз позвал Грегор, но вместо знакомого мяуканья услышал лишь довольный писк попрежнему беззаботного полчища крыс.

— Мы должны узнать, что произошло, — решительно сказал Арнольд, подходя к ящикам с оставшимися пятью кошками. — Мы повторим эксперимент, но на сей раз будем все держать под контролем.

С этими словами он, вытащив из ящика новую кошку, надел на нее ошейник с колокольчиком. Потом Грегор закрыл в доме все двери, и охота началась.

Кошка яростью кинулась на добычу, и вскоре компаньоны фирмы «ААА-ПОПС» наконец-то собственными глазами увидели тех, кто побывал в острых кошачьих зубах. Вместе с жизнью крыс покидала и их загадочная способность к невидимости.

— И все же это не ответ на наши вопросы, — возразил Арнольд.

— Потерпи и продолжай наблюдать, — велел ему Грегор.

Немного вздремнув, кошка попила воды и снова принялась за работу. Теперь Арнольда сморил сон, но Грегор продолжал наблюдать, и его посещали мысли одна мрачнее другой.

Он отлично понимал, что полмесяца они уже потеряли, а крысиное полчище не уменьшилось. Кошки в принципе могли справиться, но если после нескольких часов они теряют к охоте интерес, то во сколько же фирме обойдется полное уничтожение крыс? Возможно, терьеры справятся с этим лучше, или с ними произойдет то же самое?..

И вдруг... Охнув, он стал тормошить Арнольда.

— Эй, ты что? — сердито огрызнулся тот, просыпаясь и оглядываясь вокруг.

Там, где только что друзья могли видеть решительную, занятую ловлей крыс кошку, теперь остался только ее ошейник, повисший в воздухе над полом. Колокольчик продолжал весело позвякивать.

— Кошка тоже превратилась в невидимку! — взвыл Арнольд. — Как это могло случиться? Почему?

— Должно быть, что-то сожрала, — промолвил Грегор, в испуганном недоумении наблюдая за перемещениями ошейника по комнате.

— Кошка ела только крыс.

Приятели посмотрели друг на друга так, будто одна и та же мысль внезапно осенила их.

— Значит, умение крыс становиться невидимыми не имеет никакого отношения к мутации! — воскликнул Грегор. — Сколько раз я твердил тебе это! Подобное свойство так не передается. Следовательно, крысы тоже чего-то поели.

Арнольд кивнул в знак согласия.

— Я подозревал. Очевидно, это произошло, когда кошка вдоволь наелась крысами.

По тому, что творилось в комнате, они догадались: невидимая кошка продолжает пожирать невидимых крыс.

— Все они, должно быть, где-то здесь, в доме, — заметил Грегор. — Только почему не откликнулись на зов?

— Кошки — существа независимые, — высказал предположение Арнольд.

Позвякивал колокольчик. Ошейник опустился пониже к полу и продолжал рывками перемещаться из стороны в сторону. Грегор уж было подумал, что им не стоит так огорчаться, раз кошка продолжает ловить крыс.

Но пока он размышлял об этом, колокольчик умолк.

Ошейник неподвижно лежал на полу посреди комнаты, а затем и он стал как бы растворяться, пока окончательно не исчез.

На полу не осталось ничего.

Грегор обескуражено смотрел на то место, где только что лежал ошейник.

— Этого не было. Этого не могло произойти, произнес он еле слышно.

К сожалению, он видел, что это произошло.

Он больше не знал ничего о кошке: прыгает она или крадется, наступает или отступает. Невидимая кошка просто исчезла.

Хотя времени у компаньонов почти не осталось, они понимали, что все придется начинать сначала. Им необходимо узнать, почему крысы и кошки становятся невидимками. Арнольд закрылся в лаборатории, которую сам себе соорудил, и стал брать пробы почти всего, что окружало дом. Глаза у него покраснели от напряжения и долгих часов, проведенных над микроскопом, он порядком осунулся и вздрагивал при каждом звуке.

А Грегор продолжал эксперимент с кошками. Прежде чем выпустить седьмую, вмонтировал ей в ошейник крохотный радар, подающий сигналы. Но произошло все то же, что с ее предшественницей. После нескольких часов активной охоты на крыс кошка стала невидимой, а затем вовсе исчезла. Умолк и радар.

Теперь Грегор сосредоточил все свое внимание на оставшихся трех кошках. Восьмую и девятую он поместил в отдельные клетки и кормил строго дозированными кусочками крысиного мяса. Когда по прошествии нескольких часов кошки стали невидимыми, Грегор перестал класть корм в клетку восьмой, но по-прежнему продолжал давать крысиное мясо девятой. Кошка номер 9 исчезла без следа, как и все до нее, а вот кошка номер 8 хотя и была невидимой, но продолжала существовать.

У Грегора, в связи с этим состоялся долгий, на высоких тонах, телефонный разговор со своим клиентом, фермером с Сира. Тот попросил фирму «ААА-ПОПС», уплатив

небольшую неустойку, прекратить дальнейшую работу и уступить ее более солидной и опытной компании, Грегор наотрез отказался.

Потом, правда, засомневался в правильности решения. Разгадать загадки фермы Берни-спирит — дело, конечно, не из легких, может затянуться на многие годы. Одна тайна невидимости зверей чего стоит! Но хуже всего было полное их исчезновение. Оно практически не оставляло шансов на успех.

Грегор ломал голову над этими проблемами, когда в комнату вошел Арнольд. Вид у него был какой-то ошалелый, на губах играла улыбка идиота.

— Вот, смотри, — сказал он, протянув Грегору руку ладонью вверх.

Грегор посмотрел на пустую ладонь Арнольда.

— Что это? — спросил Грегор.

— Всего лишь секрет наших невидимок, — торжествующе хихикнув, ответил Арнольд.

— Я ничего не вижу, — осторожно сказал Грегор, пытаясь вспомнить, как в таких случаях следует вести себя с сумасшедшими.

— Конечно, не видишь, — торжествовал Арнольд. — Это невидимка.

Грегор продолжал пятиться от него до тех пор, пока не убедился, что их разделяет стол.

— Отличная работа, старина, — успокаивающе произнес он. — Твоя ладонь войдет в историю! Может, расскажешь, что все это значит.

— Перестань высмеивать меня, идиот, — огрызнулся Арнольд, продолжая стоять с протянутой рукой. — Ты ничего не видишь, но в моей ладони кое-что есть. Потрогай.

Грегор нерешительно протянул руку. На ладони Арнольда лежало нечто, казавшееся на ощупь кучкой жестких листьев.

— Невидимое растение! — догадался Грегор.

— Именно. Вот он, виновник наших бед и неудач.

Арнольд тщательно обследовал все вокруг дома и сделал массу проб, но безрезультатно. Но однажды, прогуливаясь, увидел на лужайке голое пятно без признаков растительности, а потом заметил, что такие пятна повторяются во многих концах лужайки. И обратил внимание на расположение пятен. Было похоже, что они аккуратно размечены.

Нагнувшись, Арнольд стал внимательно разглядывать странную «плешь». На ней ничего не росло — почти голый грунт. Почти.

Арнольд потрогал его рукой и тут обнаружил: на голой земле росло нечто. И это нечто было невидимым.

— Насколько я понимаю, это совершенно незнакомое нам растение-невидимка.

— Откуда оно попало сюда?

— Из тех мест, где пока еще не ступала нога человека, — уверенно ответил Арнольд. — Полагаю, что предок этого растения когда-то летал в космосе в виде микроскопической споры, и в конце концов его занесло на орбиту планеты Сир. Спора упала на лужайку фермы Берни-спирит, пустила корни, растение расцвело и дало семена. Вот и все. Мы знаем, что эти крысы травоядные, с достаточно хорошим обонянием. Видимо, растение пришлось им по вкусу.

— Но оно невидимо!

— Крыс это мало беспокоит. Невидимость слишком сложное понятие для разума грызунов.

— Ты считаешь, что они все ели его?

— Нет, не все, но у тех, кто ел, оказалось больше шансов выжить, их не могли увидеть такие хищники, как летучие висюки и дрыги. Свое пристрастие к этому растению крысы передавали потомству.

— Затем появились наши кошки, которые стали поедать крыс-невидимок в таких количествах, что сами стали невидимыми. Отлично. Но почему они вдруг исчезли?

— Это же совершенно ясно, — сказал Арнольд. — Крысы кроме невидимой ели и другую, нормальную пищу, а кошки

— только крыс. Они получили слишком большую дозу этого таинственного препарата.

— Большая доза приводит к исчезновению? Но куда?

— Возможно, когда-нибудь мы узнаем, но сейчас нам предстоит работа. Надо выжечь эти участки. Когда организм крыс избавится от яда, они снова превратятся в нормальных грызунов. Там уж наши кошки доведут свое дело до конца.

— Надеюсь, так оно и будет, — неуверенно согласился Грегор.

Они решили применить переносные огнеметы. Отыскать участки травы-невидимки на густых зеленых лугах Бернисспирит было проще простого. На этот раз невидимость растений сделала их легкой добычей.

К вечеру Грегор и Арнольд выжгли дотла все участки с проклятой травой.

А на следующее утро, обходя пепелища, были удивлены новыми всходами.

— Не следует тревожиться, — успокоил друга Арнольд. — Видимо, трава дала семена до того, как мы ее выжгли. Но это будет последний урожай.

Еще один день ушел на повторное уничтожение. Лужайка была выжжена почти вся. К вечеру Галактическая экспресс-служба доставила новую партию кошек. Поместив их в клетки, друзья решили оставить свой боевой резерв на тот день, когда крысы снова обретут видимый облик.

Утром следующего дня на выжженном грунте лужаек появились новые всходы. Компаньоны межпланетной службы «ААА-ПОПС» устроили срочное заседание.

— Это идиотская затея, — заявил Грегор.

— Но это наш единственный выход, — настаивал Арнольд.

Грегор упрямо мотал головой.

— Тогда что нам делать? — наседал Арнольд.

— Ты можешь что-то предложить?

— Нет.

— У нас осталась всего неделя до истечения срока контракта. Мы и так уже потеряли часть гонорара. А если совсем не справимся с работой, нас просто вышвырнут из этого бизнеса.

Арнольд поставил на стол миску с невидимым растением.

— Мы должны знать, куда исчезают кошки, съевшие крыс, которые нажрались этой дрянной травы.

Грегор вскочил и зашагал по комнате.

— Они могут оказаться внутри какого-нибудь солнца, если на то пошло.

— Тогда придется рискнуть, — сурово промолвил Арнольд.

— Хорошо, — вздохнув, смирился Грегор. — Начинай!

— Что?

— Я сказал — начинай.

— Я?

— А кто же еще? Я не стану есть эту дрянь. Это была твоя идея.

— Но я не могу! — Арнольд даже вспотел от испуга. — Я единственный исследователь в нашей фирме. Я должен остаться здесь, собирать и сопоставлять данные. Кроме того, у меня аллергия на зелень.

— На этот раз собирать и сопоставлять буду я.

— Но ты не умеешь! Я должен работать над новыми красителями. Мои записи понятны только мне, ты в них не разберешься. Кроме того, в ретортах готовятся новые смеси. Я собираюсь провести опыты с цветочной пыльцой на...

— Ладно, ты разжалобил меня, — устало промолвил Грегор. — Сдаюсь. Но это будет в последний раз, по-настоящему в последний.

— Обещаю, старина. — Арнольд быстро вытащил из миски пригоршню невидимой травы. — Вот, жуй. Отлично, бери еще. Какая она на вкус?

— Похожа на капусту, — пробормотал жующий Грегор.

— В одном я уверен, — промолвил Арнольд. — В таком теле, как твое, эффект не может быть длительным. Организм избавится от яда довольно быстро. Ты почти сразу снова станешь самим собой.

Меж тем Грегор уже почти растаял, видимой оставалась только его одежда.

— Как ты себя чувствуешь? — допытывался Арнольд.

— Как всегда, никаких изменений.

— Съешь еще.

Грегор отправил в рот последние две щепотки травы. И тут же исчез, вместе с одеждой и прочим.

— Грегор! — испуганно позвал Арнольд. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Он исчез, — промолвил Арнольд. — А я даже не пожелал ему доброго пути.

Арнольд вернулся к своим ретортам и чуть уменьшил под ними пламя. Поработав минут пятнадцать, он вдруг все бросил и обвел глазами пустую комнату.

— Это ничего, что я не успел пожелать ему доброго пути, — сказал он вслух. — Ему ничто не грозит.

Потом приготовил себе ужин. Поднося вилку ко рту, вдруг остановился.

— И все же жаль, что я не попрощался с ним, — пробормотал он виновато.

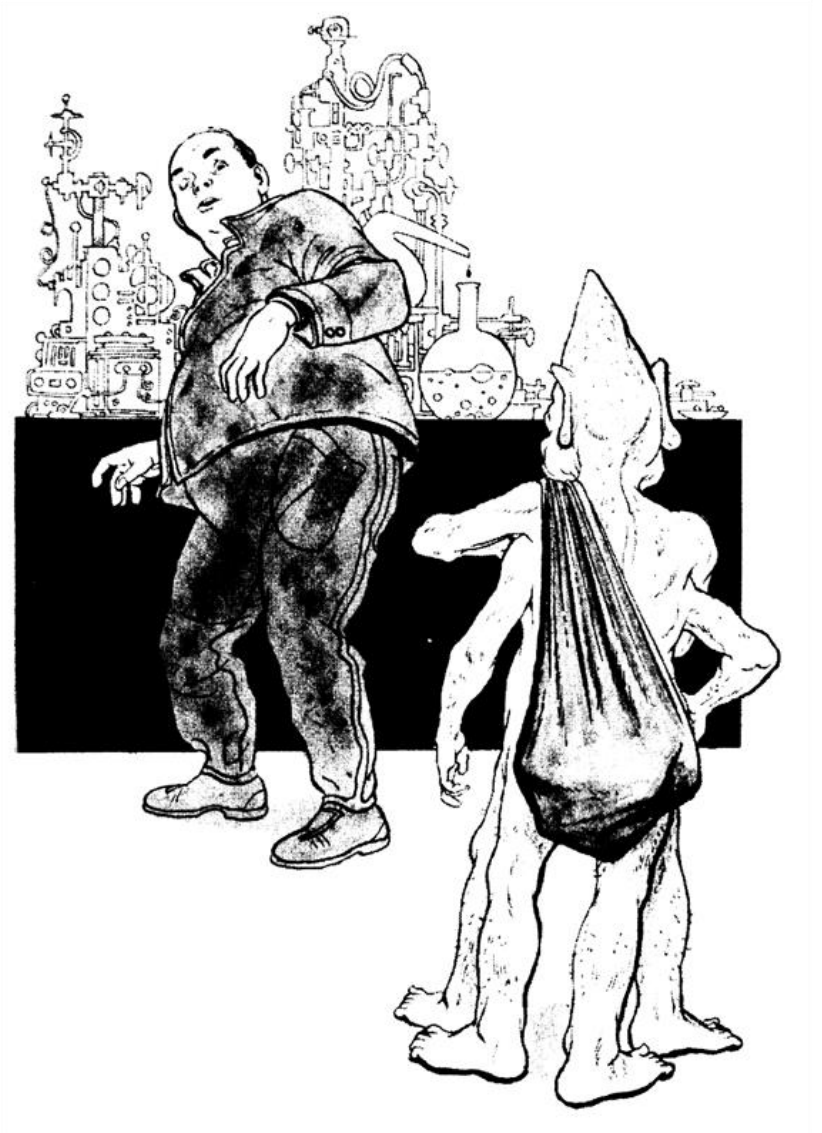
Но тут же решительно прогнал все мрачные мысли и вернулся к своим опытам.

Арнольд провел в лаборатории всю ночь, а на рассвете смертельно усталый рухнул на кровать и тут же уснул. Проснувшись после полудня и наспех поев, он снова занялся опытами.

После исчезновения Грегори прошли сутки.

Вечером позвонил сирени, и Арнольд заверил его, что крысы под контролем и окончательная победа — это лишь вопрос времени.

Затем Арнольд заново перечитал все руководства по истреблению грызунов, проверил оборудование, заменил кое-где проводку в морганайзере, обдумал еще одну идейку по поводу нового вида крысоловок, прошелся огнем по свежим порослям чертовой травы и, наконец, лег спать.



А когда вновь проснулся, первое, о чем подумал, было: с момента исчезновения Грегора прошло семьдесят два часа. Может случиться так, что он уже никогда не вернется.

«Грегори принес себя в жертву науке, — успокаивал себя Арнольд. — Я поставлю ему памятник».

Но это казалось такой мизерной данью памяти друга. Он должен был сам съесть эту «капусту». Грегор всегда терялся в трудных обстоятельствах. Да, он был храбр, этого у него не отнять, а вот приспосабливаться не умел.

Впрочем, внутри неведомого солнца никакое умение приспособиться не поможет. Или попробуйте выжить, например, в космическом вакууме или...

Тут Арнольд услышал за собой какой-то шорох и быстро обернулся.

— Грегори! — радостно закричал он.

Но это был не Грегори.

Существо, стоявшее перед ним, оказалось не выше четырех футов, но имело много рук и ног. Оно было розовато-серым от изрядного слоя грязи, а за спиной у странного гостя болталась котомка, судя по всему, довольно тяжелая. Странно вытянутую и сужающуюся к макушке голову незнакомца венчал островерхий головной убор. Впрочем, это и была вся его одежда.

— Вы, надеюсь, не Грегор? — робко справился Арнольд, слишком потрясенный, чтобы действовать разумно.

— Конечно, нет, — ответило существо. — Я Хэм.

— О... А вы случайно не встречали моего партнера? Его зовут Ричард Грегор. Он на добрый фут выше меня ростом, худощав и...

— Конечно, я встречал его, — подтвердил Хэм. — А разве он не здесь?

— Нет.

— Странно. Надеюсь, с ним ничего не случилось. — Гость сел и тут же принялся скрести себя под тремя подмышками.

Чувствуя легкую дурноту от подступающего страха, Арнольд спросил:

— Вы откуда?

— С планеты Оол, конечно, — ответил Хэм. — Мы там сеем наш скомп. А здесь он дает свои всходы.

— Простите, одну минуту. — Арнольд тяжело опустился на стул. — Прошу вас, начните сначала.

— Все очень просто. Испокон веков жители планеты Оол выращивали скомп. На ранних стадиях своего созревания это растение исчезает на несколько недель. А потом уже в зрелом состоянии снова появляется на полях нашей планеты. Мы собираем его и употребляем в пищу.

— Вы говорите слишком быстро, я не все понимаю. Где находится ваша планета?

— Грегор считает, что Оол находится в параллельном мире. Я ничего об этом не знаю. Ваш Грегор появился на моем поле месяца два тому назад. Это он обучил меня английскому языку. А затем...

— Два месяца назад? — растерянно повторил Арнольд и призадумался. — Разница во времени, я полагаю. Ладно, рассказывайте дальше.

— Нет ли у вас чего-нибудь поесть? — неожиданно спросил Хэм. — Я не ел три дня. Не мог, сами понимаете. — Арнольд безмолвно протянул ему ломоть хлеба и подвинул банку с джемом. — Когда была открыта Новая Территория, — продолжал Хэм, — я первым решил рискнуть. Собрал всю свою живность, купил три жены класса «Б» и отправился в путь. Прибыв на место, я...

— Остановитесь! — умоляюще промолвил Арнольд. — Какое это имеет отношение к моим вопросам?

— Именно так все и произошло. Не перебивайте.

Почесывая одной рукой зудящее плечо, а двумя другими запихивая в рот хлеб с джемом, Хэм продолжил:

— Я прибыл на Новую Территорию и посеял здесь скомп. Посевы взошли, скомп зацвел и исчез, как и положено. Но когда скомп снова появился на моем поле, он оказался изгрызенным какими-то вредителями. Что ж, фермеров часто ждут неудачи. Я посеял скомп еще раз. Урожай вновь

оказался никудышным. Это разозлило меня. Но я решил продолжать посевы. Мы, пионеры, народ упорный, вы это знаете. Но я был уже готов отступить, бросить свою затею и вернуться к цивилизации, как вдруг и появился ваш партнер...

— Подождите, дайте разобраться, — перебил его Арнольд. — Вы из параллельного мира. Значит, для того чтобы получить урожай вашего скомпа, его надо выращивать до полной зрелости в двух параллельных мирах.

— Совершенно, верно. По крайней мере так объяснил нам ваш Грегор.

— Странный способ выращивать сельскохозяйственные культуры.

— А нам подходит, — обиженно сказал пришелец с планеты Оол. Теперь он одновременно чесал себя под четырьмя коленками. — Грегор объяснил нам, что семена могут попасть на любую, даже незаселенную планету вашей Вселенной. На сей раз, когда я высадил скомп на Новой Территории, он взошел здесь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Арнольд.

— Что значит «ага»? Грегор не говорил, что есть такое слово. Ладно, он все равно помог мне. Сказал, что незачем бросать свои поля на Новой Территории, просто я должен засевать скомп на других участках. Грегор объяснил, что между параллельными мирами нет сходства один к одному. Хотя я и не понимаю, что это значит. А то, что я принес, это плата за другую услугу.

С глухим стуком он уронил свою тяжелую котомку на пол. Арнольд развязал ее и заглянул внутрь. Там были желтые слитки, похожие на золото.

И в это время зазвонил телефон. Арнольд схватил трубку.

— Алло, — услышал он голос Грегора. — Хэм еще у тебя?

— Да...

— Он все тебе объяснил? О параллельных мирах, о том, как выращивают скомп?

— Мне кажется, я начинаю понимать, но... — промолвил Арнольд.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — перебил его Грегор. — Перед тем как мы уничтожили всходы скомпа на нашей лужайке, Хэм успел посеять его вновь на своей планете. Поскольку в его мире время тянется медленнее, у нас на Сире всходы появились в течение одной ночи. Но этого больше не случится. Хэм будет сеять скомп на других полях. И если ты уничтожишь всходы, они уже никогда не появятся. Пережди недельку, а там и выпускай кошек с морганайзером на пару.

Арнольд крепко зажмурился. Грегору понадобилось два месяца, чтобы все это продумать и проверить. А ему не удалось. Просто не хватило времени.

— А как быть с Хэмом? — спросил он Грегора.

— Он пожует своего скомпа и вернется домой. Нам пришлось немало поголодать, пока эта дрянь вышла из нас, и мы оба сумели попасть в наш мир.

— Хорошо, — покорно сказал Арнольд. — Но мне кажется... Эй, где же ты сейчас?

Грегор довольно хохотнул.

— Ты же знаешь, между параллельными мирами нет сходства один к одному. Я стоял на краю поля, когда действие скомпа на мой организм прекратилось, и я таким образом оказался на планете Тул.

— Но это же на другом конце Галактики!

— Знаю. Встретимся на Земле. Не забудь привезти золотые слитки.

Арнольд повесил трубку. Хэма уже и след простыл.

Только тогда Арнольд вспомнил, что не спросил у Грегора, что это за «другая услуга», за которую инопланетянин заплатил чистым золотом.

Об этом Арнольд узнал позднее, когда они с Грегором вернулись на Землю в свою фирму «ААА-ПОПС». Крысы на планете Сир, как и ожидалось, снова обрели привычный

облик и были соответственно уничтожены с помощью кошек и морганайзера. Условия контракта фирма выполнила. Пришлось, конечно, поступиться частью прибыли и уплатить штраф за двухнедельную просрочку. Но эта потеря была с лихвой восполнена золотыми слитками пришельца с планеты Оол.

— Его поля пострадали от наших кошек, — рассказал Арнольду Грегор. — Они будоражили и даже пугали скот. Я отловил всех кошек и продал их Центральному зоопарку планеты Оол. Там никогда не видели подобных зверей. Мой клиент и я разделили выручку.

— Что ж, — задумчиво промолвил Арнольд и почесал в затылке, — все сложилось как нельзя лучше.

— Я тоже так считаю.

Сказав это, Грегор энергично поскреб зудящее плечо. Арнольд внимательно посмотрел на него, но тут же почувствовал, как и у него зачесалась грудь, затем голова, нога, и вообще чесалось все тело!

— Боюсь, не все еще кончилось, — заметил Грегор.

— Почему ты так считаешь? — спросил Арнольд и начал яростно чесать левое плечо. — Что случилось?

— Хэма нельзя назвать чистюлей, это верно, да и сама планета Оол довольно грязное место.

— Ну и что из этого?

— А то, что, похоже, я набрался там вшей, — ответил Грегор, отчаянно скребя живот. — Вшей-невидимок, как ты сам догадываешься.

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ

— Выкладывайте, по совести, видели вы когда-нибудь машину, лучше этой? — спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что компании «Межпланетная служба обеззараживания ААА Ас» невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо, — процедил Грегор.

Фирма «ААА Ас» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия.

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

— Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — послышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от

многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что, суша не выступала из воды, и компания «ААА Ас» была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку «один».

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в

такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

— Ну что ж... Все равно неплохо, если она поработает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь похоже на дело, — сказал Арнольд.

— Я, спасательная шлюпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам

чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война — жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что нам придется как следует ее проверить, — решил Арнольд, — невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. — Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — отвечала шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам

хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. — Его мутило от спора с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы теперь направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, как только я найду его, — добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

— Ты слышал что-нибудь об этих дромитах? — поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

— Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

— А хгены?

— Тоже ящеры, та же история, — Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. — Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

— А мы? — напомнил Грегор. — Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. — Он устало вздохнул. — Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

— Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

— Возможно, она и сейчас нас слушает, — сказал Грегор.

— Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.

— Йес, сэры, — горько передразнил Грегор, — теперь таких больше не строят!

Как ему хотелось, чтобы Джо — Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.

— В самом деле, положение довольно интересное, — произнес Арнольд. — Я мог бы сочинить хорошую статью для «Популярной кибернетики». Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно

сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.

Грегор зевнул.

— Думаю, шлюпка просто свихнулась, — сказал он довольно грубо.

— Факт. Думаю, что самый правильный диагноз — паранойя. Однако это скоро кончится.

— Почему? — спросил Грегор.

— Это же очевидно, — сказал Арнольд. — Главная задача лодки — сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сандвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем есть это!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты! — Арнольд заговорил с лодкой. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя гайка за гайкой!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка с простительной гордостью. — Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.

Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А сейчас я направлюсь к острову. И я уверяю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер». «Ага... — понимающе произнес главный. — Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно, — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень

серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что это за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — отвечал Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе, чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а, — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее, как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубине сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я

направлюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. «Ведь ты не больше, чем простая спасательная шлюпка», — сказал ей Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Это война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал за это! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но в конце концов и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И, прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома! — Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — простонала лодка. — Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... — Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

— Что она хочет сейчас, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала:

— «Покойтесь в мире», — сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды, — тупо уставившись на список, включающий ни много, ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2305 предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии IV у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай Бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и

запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода… Сигареты… Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «ААА-ПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на…

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь!

Грегор поднялся. Он был намного выше своего компаньона. Ему представилась сцена с нанесением тяжких телесных повреждений, но он сдержал себя.

— Арнольд, — сказал он, — я не знаю, что ты там нашел, но лучше бы ты погрузил эти 2305 предметов на борт корабля. И как можно быстрее!

— Я не могу этого сделать, — ответил Арнольд, нервно хихикнув. — Деньги кончились. Но эта штука себя окупит.

— Какая штука?

— Единственная, действительно необходимая вещь. Поехали на корабль, я тебе ее покажу.

Больше Грегори не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегори вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— Погоди, — взмолился Арнольд. — Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит, из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

Он нажал на кнопку:

— Графитовый стержень. Длина четыре фута, диаметр два дюйма.

На этот раз панель открылась больше — и появился стержень.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Это Конфигуратор! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти

новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

Он задумался, затем снова нажал на кнопку:

— Транзистор серии E1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признал Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял в слух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля.

Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку:

— Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — решил Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре абсолютно идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

— Надеюсь.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных команд и производит предмет в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес и хочет произвести что-нибудь еще.

Такое объяснение снова повергло Грегора в апатичную дремоту.

— Реализовать весь заложенный в нее потенциал, — продолжал Арнольд, — вот чего хочет машина. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Заменители... — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины

из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

Конечно, пластины из благородных металлов могли расплавиться, однако при хорошем охлаждении была надежда, что они продержатся до Земли.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли, — судя по голосу Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

Машина без колебаний изготовила одну деталь, но тем дело и кончилось. К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется есть консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

—Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс.

После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно ответил Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так не по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел периодически мигал лампочками, показывая, что все еще слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но

она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. «А из чего она сделана?» — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер II закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он снова ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II.

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреоборимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал.

В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэл-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьёзного вида, скромно одетый молодой человек вошёл в контору Межзвёздного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошёл мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошёл к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звёздный каталог, туристскую звёздную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далёких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. «Вы оформите мне проезд?» — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся:

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет всё, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населённый дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и всё такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причём максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм, — клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звёздного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счёт фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придётся сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечёте Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета всё ещё там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберётесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — всё-таки, что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоёв государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодёжи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утеплённые конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирождённый борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикиркской строительной корпорации.

Это был тяжёлый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Невеста сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зелёном аду Венеры.

В бар вошёл старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжёлой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый астронавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим Вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда ещё хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков ещё промышляла вдоль Звёздного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населённая не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему ещё один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зелёную смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, ещё по маленькой в честь красавицы Транай?

Они ещё несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевёз его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял лётчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелёте на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадёт к месту назначения, когда корабль пронёсся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересёк всю Галактику, поверив на слово старому космическому лётчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошёл с корабля. Порт Транай казался довольно приятным городком. Улицы полны народу, в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И всё же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чём дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или виной тому эпидемия?

Надо подождать, вскоре он всё узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потёки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным весёлым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Господин министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн слегка ошарашенный. — Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да-да. Я придерживаюсь того мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. — В общем, я слыхал

кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришёл выводу, что всё это, наверно, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперёд. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит, — видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей и работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя ещё один синий потёк.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живём, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чём они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчёт нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь ещё для него сделать?

Госпожа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчёт той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчёт Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать.

Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчёт Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалёку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потёр глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерно голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жён.

Однако если все жёны на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чём причина этой электромагнитной паранджи?

И ещё одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, всё это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращённый рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумлённо спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и всё. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг. — Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца. — Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит ещё многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошёл искать работу. К своему удивлению, место он нашёл себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повёл Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте — предложил Аббаг.

Гудмэн подошёл к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Всё довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что всё как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал ещё медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем ещё больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его ещё больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это ещё не всё, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошёл к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть... Аббаг ударил ещё раз. Пластмасса ещё больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно

разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает владелец?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребёнку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаённое недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным

решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень весёлая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на роботочасы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даём конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведёт к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдёт в магазин и купит нового робота. И, в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрёл новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы всё понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесёте здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и

попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить своё мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдёт ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел своё собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и всё понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошёл к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждёт его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнётся?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась

ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провёл Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими жёнами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Всё дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило

чувство радости оттого, что он пересёк всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У неё дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полёта через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался её пониманию.

Мурашки пробежали у неё по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом Вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой Стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звёздного Пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Рзин «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обосную́сь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн поводил Жанну домой, пока ещё не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал её в щёку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошёл пешком, ощущая необыкновенную лёгкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправдано. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти всё лицо незнакомца закрывала чёрная шёлковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком поражённый, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придётся выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдёт! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по тёмной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска «Китти Кэт Бар». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да-да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Чёрная. Чёрная шёлковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им всё равно придётся платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно ещё? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая ещё рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Чёрный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Ещё бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек

может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только всё делается в определённых рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Если хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да ещё как!

Дойдя до слабо освещённого перекрёстка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро послышались шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперёд и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-3, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам иглолучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. —

Транаец шагнул вперёд и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошёл.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула тёплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролёт. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потёртый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это всё, что у меня есть, — продолжал всхлипывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошёл прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжёлым чувством он возвратился в «Китти Кэт Бар» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжёлая ночь.

Гудмэн доплёлся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приёмной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путём нажатия кнопки выражают своё неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоём они обследовали почти все аспекты культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы и научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал ещё одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошёл пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шёл быстро и легко. Он был влюблён, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь её неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечёт беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. А мне нравится работать на улице. Это позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что ещё я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да ещё и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошёл дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придётся сделать), он поглубже разберётся в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и всё такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдёмся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати,

одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещённый подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой Дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нём навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращённый рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от чёрного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нём жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была всё время рядом и болтала языком и днём, и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днём, и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю какой-то минимум времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро всё усвоите.

Гудмэн встал.

— Это всё?

— Думаю, да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но её омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение её в равной мере было непонятно.

Борг отвёл Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я всё ещё его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своём нынешнем почти утопическом состоянии

уже немало лет, то, без сомнения, продержится ещё несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя ещё немного. Да, чуть не забыл. — Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждёт!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолёт!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочёл находившийся в нём листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определённую степень свободы, так как это её неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали её из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на её координации, нанесёт ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на её настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьёзный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьёзно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся с нашего дома.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал её.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолёт.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюблённых, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолётных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том,

что сюда допускались лишь парочки, весёлые и влюблённые, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зелёных рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные тёмные озёра, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюблённые, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в тёмных озёрах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюблённой парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внёс жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для

женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнёрам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

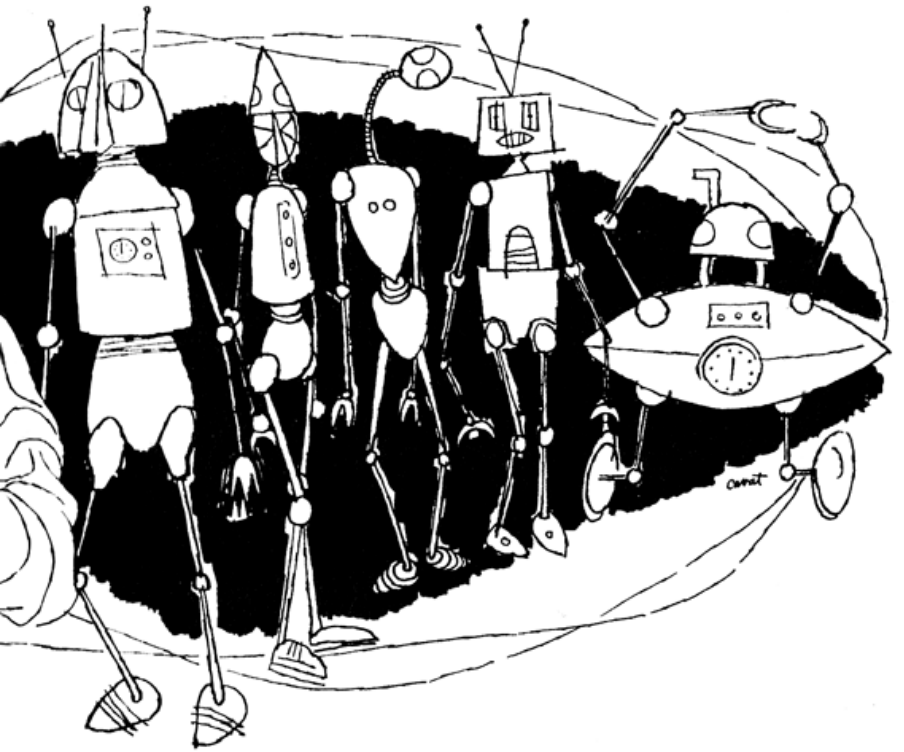
Мистер Аббаг пришёл в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов.

Но оказалось, что трение ведёт к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинён разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.



Жанна была хорошей, надёжной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днём она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть своё хобби, и он мог позволить себе баловать её, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашёл в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам). Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперёд в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствования, они дадут ещё больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмёт штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошёл обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрёк Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и даёт отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы её узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шёл человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушённый щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумлённый Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... чёрт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит, — У нас нет полиции, чтобы арестовывать

людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навёл справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы её ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьёте невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я ещё могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну своё имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начинённый определённым количеством тессиума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приёмной. Каждый гражданин имеет доступ в Приёмную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется чёрным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать своё недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приёмной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечёт за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишённых? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошёл в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычно чётко, как при замедленной съёмке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернётесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела.

Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день всё те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чём не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это её право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждёт, что выйдет из стасиса и её поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было всё переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину. Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это ещё не всё. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы всё ещё молодыми.

— Всё ещё молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена всё ещё будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчёт тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он всё ещё не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе ещё не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чьё единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрёшь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрёшь, я всё ещё буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Ещё один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в своё удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей буднично быта, хорошо обеспечена и может ещё насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты всё равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе всё рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принёс образцы кондитерских изделий фирмы «Греа». Можете представить моё изумление, когда я нашёл эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Всё равно, как если бы сказка стала былью. Никогда не ждёшь, что

грёзы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не стану. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнёрами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, ещё одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперёд в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутёк. Второй выстрел Рондо обжёг ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в

безопасности. И не стал терять время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлётной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного лётчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оума перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвёздным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чём не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на лёгкий приступ космической лихорадки, из-за которой он

никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищённых слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

ЧАС БИТВЫ

- Сдвинулась эта стрелка, или нет? - спросил Эдвардсон, стоя у иллюминатора и глядя на звезды.

- Нет, - ответил Морс.

Он уже в течении часа, не отрываясь, смотрел на детектор Аттисона. Сейчас он быстро моргнул три раза и посмотрел вновь.

- Ни на миллиметр.

- Мне тоже кажется, что она не сдвинулась, сказал Кассель, сидящий за панелью ракетного устройства управления.

Они замолчали. Изящная черная стрелка индикатора стояла на нуле.

Ракетные пушки были наготове. Их черные носы глядели на звезды.

Помещение наполнял ровный гул. Он исходил от детектера Аттисона и действовал успокаивающе. Шум этот говорил о том, что их детектор соединен с остальными детекторами, образующими гигантскую сеть, опоясывающую Землю.

- Какого черта они не летят? - спросил Эдвардсон, все еще глядя на звезды. - Почему они не нападают?

- Ах, да заткнись ты! - отозвался Морс. У него был тревожный и усталый вид. На левом виске его виднелся старый

шрам - след от лучевого удара, который издали выглядел, как ненастоящий.

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - сказал Эдвардсон. Он повернулся на своем стуле. - А ты не хочешь, чтобы они пришли?

У Эдвардсона было узкое, боязливое лицо мыши, но мыши достаточно умной, которую кошкам лучше избегать.

- А ты этого не хочешь? - повторил он.

Ему не ответили. Люди вернулись к своим обязанностям, зачарованно глядя на шкалу детектора.

- Времени у них было достаточно, - сказал Эдвардсон, обращаясь сам к себе. Кассель облизнул губы, потом зевнул.

- Кто-нибудь хочет сыграть со мной в козла? спросил он, тряся своей бородой.

Борода эта была памятью его выпускных дней. Кассель утверждал, что может продержаться почти пятнадцать минут, пользуясь только кислородом в фолликулах волосков.

Правда, он ни разу не выходил в космос без шлема, чтобы доказать это.

Морс повернулся, и Эдвардсон автоматически принялся наблюдать за индикатором. Эта рутина стала их жизнью, частью их подсознания. После двух совместных месяцев в космосе все темы для разговоров были исчерпаны.

Их не интересовали уже ни выпускные дни Касселя, ни победы Морса. Им было смертельно скучно даже от ожидания нападения, которое могло произойти в любую минуту.

- Лично мне хотелось бы знать только одно, - сказал Эдвардсон, с легкостью возвращаясь к старому разговорному гамбиту. - Насколько далеко действует их сила?

Они целыми днями говорили о телепатических возможностях неприятеля, и все-таки каждый раз возвращались к этому. Будучи профессиональными солдатами, они не могли не размышлять о своем враге и его оружие. Это было основное, о чем они говорили.

- Что ж. - тихо ответил Морс, - Сеть наших детекторов контролирует систему далеко за орбитой Марса.

- Где мы и сидим, - сказал Кассель, который наблюдал за индикатором в то время, как другие говорили.

- Они могут даже не знать, что у нас есть сеть детекторов, сказал Морс, как он уже говорил тысячу раз.

- Да брось ты, - сказал Эдвардсон, перекося лицо в насмешке. - Они телепаты. Они просканировали мозг Эверсета до мельчайших подробностей.

- Эверсет не знал, что у нас существует сеть детекторов. - сказал Морс, вновь переводя свой взгляд на счетчик. - он был захвачен до этого.

- Да ты только подумай! - возмутился Эдвардсон. - Они просто спросят его: "Что бы вы сделали, если бы знали, что телепатическая раса собирается завоевать Землю, как бы вы охраняли свою планету?"

- Глупое рассуждение, - сказал Кассель. Может быть, Эверсет даже не подумал бы об этом?

- Но ведь он мыслит, как человек, разве нет? Все согласились именно на такой защите. Эверсет согласился бы точно так же.

- Силлогистика, - прошептал Кассель. - Очень шатко.

- Да, лучше бы его не захватывали в плен, - сказал Эдвардсон.

- Могло быть и хуже, - вставил Морс. Лицо его было более печально, чем обычно.

- Что было бы, если бы они захватили обоих?

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - опять повторил Эдвардсон.

Ричард Эверсет и К.Р. Джонс совершали первый полет, первый межзвездный перелет. В системе Веги они обнаружили обитаемую планету. Остальное было обычной процедурой. Все решила монетка. На планету полетел в разведочном скуттере Эверсет, поддерживающий радиоконтакт с оставшимся на корабле Джонсом.

Запись этого контакта транслировалась потом по всей Земле.

- Только что встретил туземцев, - передавал Эверсет. - Как забавно они выглядят. Опишу их тебе позже.

- Они пытаются с тобой обьясниться? - спросил Джонс, направляя звездолет по межпланетной орбите.

- Нет! Подожди... О, господи, черт меня побери! Они телепаты! Как тебе это нравится?

- Великолепно! - сказал Джонс. Продолжай.

- Подожди. Послушай, Джонс, мне эти ребята не нравятся. У них что-то нехорошее на уме. Господи!

- В чем дело? - спросил Джонс, поднимая корабль чуть выше.

- Увы! Эти негодяи чертовски властолюбивы! Оказывается, они уже захватили все звездные системы вокруг, и сейчас ждут...

- Да?..

- Я неправильно понял, - вдруг с теплотой в голосе произнес Эверсет. - не такие уж они и плохие.

Джонс соображал быстро. У него была подозрительная натура и великолепная реакция. Он задал автопилоту программу на самое большое ускорение, которое только мог выдержать, улегся в кровать и сказал:

- Расскажи мне больше.

- Спускайся вниз, - ответил Эверсет в нарушение всех законов. Эти ребята что надо, честно говоря, они самые чудесные...

Здесь запись разговора оборвалась, потому что Джонс был вжат в кресло ускорением в двадцать "же" перед подготовкой корабля для С-прыжка.

По дороге на землю он сломал три ребра, но все же он добрался домой. Телепатическая раса начала войну. Что должна делать Земля? Информация, которую принес Джонс, обросла значительным количеством выводов, среди

которых был и такой телепатическая раса может с легкостью воздействовать на мозг человека.

Эверсет говорил, что думали они, постепенно отметая предыдущие обвинения. Они овладели им с поразительной легкостью. Почему же этого не произошло в корабле с Джонсом? Играло ли здесь роль расстояние? Или же они просто не приготовились к неожиданному его отлету?

С уверенностью можно было сказать только то, что все, что знал Эверсет, знал и противник.

Это означало, что они знали, где располагается Земля и какой беззащитной была бы она, если говорить о телепатической форме атаки. Можно было ожидать, что они прилетят на Землю. Требовались какие-то средства, позволяющие аннулировать их бесспорное преимущество.

Но какие? Какое оружие может справиться с мыслью?

Ученые с красными от бессоницы глазами не переставали обсуждать этот вопрос. Как определить, что мозгом человека уже овладели? Хотя враг и не был очень расторопен в случае с Эворсетом, но останется ли он таким же?

Не научится ли он? Психологи рвали на себе волосы и оплакивали отсутствие абсолютной шкалы для человеческой мысли. Построить космический флот и оборудовать его своего рода детекторами, установками и ракетными приспособлениями - было исполнено в короткий срок.

Был построен детектор Аттисона, нечто среднее между радаром и электроэнцефалографом. Любое изменение или отклонение от обычной человеческой волны мозга у людей, работавших на детекторах звездолетов, вызвало бы движение индикаторной стрелки на циферблате.

Даже кошмарный сон или бред повлияли бы на ее отклонение. Казалось вполне вероятным, что любая попытка воздействовать на мозг человека что-нибудь изменит.

Хоть где-нибудь, но это постороннее воздействие скажется. Именно для этой цели и предназначался детектор Аттисона. Может быть, он сработает.

Звездолеты с экипажами по три человека курсировали между Землей и Марсом, образуя гигантскую орбиту. Десятки тысяч людей сидели за пультами ракетного управления, наблюдая за циферблатами детектора Аттисона с неподвижными стрелками.

- Может быть, выстрелить пару раз? - спросил Эдвардсон, положив палец на красную кнопку пульта управления ракетами. - Просто, чтобы проверить готовность орудий?

- Готовность этих орудий не нуждается в проверке, - сказал Кассель, вороша пальцами в своей бороде. - Кроме того, на других звездолетах все с ума сойдут.

- Кроме того, Кассель, - очень спокойно сказал Морс, - перестань трепать свою бороду.

— Это еще почему?

- Потому, - почти шепотом сказал Морс, - что иначе я запихаю каждый ее волосок в твою глотку.

Кассель улыбнулся и сжал руки в кулаки.

- С удовольствием, - сказал он, - я уже устал смотреть на твой шрам.

Он встал.

- Прекратите, - проворчал Эдвардсон.

- Смотрите за стрелкой.

- Ни к чему, - ответил Морс, откидываясь назад. - К системе подведен сигнал тревоги.

Но все взглянули на стрелку.

- А что, если сигнал не сработает? - спросил Эдвардсон. - Что, если и циферблат испортился? Приятно вам будет, когда кто-нибудь заберется в ваш мозг?

- Циферблат сработает, - сказал Кассель.

Он переводил взгляд с лица Эдвардсона на бездействующий индикатор и обратно.

- Пойду-ка я отдохну, - сказал Эдвардсон.

- Подожди, - сказал Кассель. - Давай сыграем в козла?

- Ну хорошо.

Эдвардсон отвернулся и достал колоду засаленных карт, в то время как Морс опять уставился на циферблат.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже пришли, сказал он.

- Сдавай, - проворчал Эдвардсон, протягивая колоду Касселю.

- Интересно, как они выглядят? - продолжал Морс, глядя на индикатор.

- Возможно, так же, как и мы, - ответил Кассель, глядя на циферблат.

Кассель поднимал карты медленно, одну за другой, как будто надеялся, что найдет под ними что-то интересное.

- М-м-м... следовало бы послать с нами еще одного, - заявил он. Мы могли бы сыграть в бридж.

- Я не играю в бридж, - сказал Эдвардсон.

- Ты мог бы научиться.

- Почему мы сами не послали туда флот? Почему мы не разбомбили их планету?

- Не говори ерунды, - ответил Эдвардсон.

- Мы бы потеряли любой посланный туда звездолет. Возможно, он бы и возвратился бы к нам, но уже с противоположной целью.

- Ты проиграл, - констатировал Кассель.

- Тысячу раз! - весело ответил Эдвардсон. Сколько я тебе должен?

- Три миллиона пятьсот восемьдесят долларов.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже прилетели, - пел свою песню Морс.

- Выписать тебе чек?

- Можешь не торопиться до следующей недели.

- Кто-нибудь должен договориться с этими негодяями, - сказал Морс, заглядывая в иллюминатор. Кассель медленно посмотрел на циферблат.

- Я только подумал об одной вещи, - сказал Эдвардсон.

- О чем ты?

— Это, наверное, ужасное чувство, когда твоим мозгом управляют. Это, наверное, невыносимо.

- Ты узнаешь, когда это произойдет, - сказал Кассель.

- Знал ли об этом Эверсет?

- Возможно, но он просто не мог ничего с этим поделать.

- С моим мозгом все в порядке, сказал Кассель. – Но, если хоть один из вас, ребята, начнет вести себя иначе, чем обычно... пеняйте на себя!

Они все рассмеялись.

- Ну что ж, - сказал Эдвардсон, - Я бы не отказался от шанса договориться с ними. Это вовсе не глупо.

- Почему бы и нет? - сказал Кассель.

- Ты имеешь в виду - полететь к ним навстречу?

- Конечно. Из того, что мы сидим здесь, ничего хорошего не получится.

- Я думаю, мы можем кое-что сделать. медленно произнес Эдвардсон. - В конце-концов, с ними можно договориться. Они разумные существа, но они не непобедимы.

Морс сверил курс корабля с расчетным, потом поднял голову.

- Ты думаешь, нам следует установить контакт с командой соседнего звездолета? Сказать им, что мы хотим сделать?

- Нет! - воскликнул Кассель, и Эдвардсон согласно кивнул головой.

— Это запрещено. Мы просто полетим и посмотрим, что мы можем сделать. Если они не ответят, мы их просто уничтожим.

- П О С М О Т Р И М!

Из иллюминатора они увидели красное пламя реактивного двигателя: соседний звездолет в их секторе устремился вперед.

- Им, должно быть, пришла в голову та же мысль, - сказал Эдвардсон.

- Давайте доберемся туда первыми, - предложил Морс. Кассель включил двигатели, и их вжало перегрузкой в сиденья.

- Стрелка так и не сдвинулась? - крикнул Эдвардсон, пытаясь перекричать звонок сигнальной системы, подведенной к детектору.

- Ни на миллиметр, - ответил Кассель, глядя на циферблат, по которому стрелка прошла весь путь и уперлась в ограничитель.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли... — начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля, — посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. — С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно, — заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска,

ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты, — сказал Каскер. — Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в аэропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу, — сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

— Да посмотри же, — проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, — сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной

земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная, — сказал Каскер. По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы, и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли, где строить, — пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули, — сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется, — ответил Каскер. — И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь, — сказал он, — когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться, — нелюбезно прервал Каскер. — Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда, — сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно, — сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим, — предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневая пыль, Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно, — бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера.

— А почему ты думаешь, что здесь стоит искать, еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер

попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин, — мимоходом обронил Хеллмэн.

— Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов, — заметил Хеллмэн, — даже если это действительно склад — даже если он продовольственный, — мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно, — буркнул Каскер, — но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. — Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего, — оживился Хеллмэн, — надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю, — согласился Хеллмэн, — но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянем химик?

— Вот что нам поможет, — объявил Хеллмэн и помахал книгой.

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, пояснил Хеллмэн. — Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, — скромно ответил Хеллмэн. — В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь, — продолжал Хеллмэн, — скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить, — устало посоветовал Каскер. — Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надписи.

— Готово, — сказал он. — Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное, — сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!»

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит всю вашу фудру.

Содержит тридцать арпов рамстатого пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.

— Надеюсь, — ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько возможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим, — предложил Хеллмэл, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю, — сказал Каскер и растянулся на полу. Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли эта пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэл пропустил эту реплику мимо ушей.

— Какие же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут ему о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот, — продолжал Хеллмэн, — придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело, — ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт, — поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом. — А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда, — ответил Хеллмэн, — сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно, — сказал Каскер, поднимаясь с пола. — С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до этого времени, — вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и глаголзвон андрогинитов — для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство „Вэлкорин“, для любых пищевых мощностей».

— На вид не хуже всякого другого, — сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси, — предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн. — А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром, — с достоинством возразил Хеллмэн. — Я не слишком голоден.

— Я тоже, — сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка, — горько сказал Каскер. — Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек, — посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал, — ответил Хеллмэн; у него тряслись руки. — Давай же, действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул погромче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно, — сказал Каскер. — Что еще будем пробовать?

— Еще? А это чем тебе не угодило?

— Я хихикающего не ем, — твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу, — уламывал его Хеллмэн. Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае, ешь сам, — огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:

— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А что теперь? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях, — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же, — грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, — сказал Хеллмэн. — По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно, — пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для

взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения». Экипаж!

— М-да!.. — тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиливающего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тендер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем что-нибудь поесть, — сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн. — Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, — то вникнем в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например, — продолжал Хеллмэн, — какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно, — угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.

— Что там написано? — спросил Каскер.

— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лакты-экты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит, — признался Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, сказал Хеллмэн. — Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой спросил Каскер.

— Посмотрим. — Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В банке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет, — констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, в вдвоем они снова приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь.

Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе, — сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. — Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело, — сказал Хеллмэн. — Мы считали аксиомой, что процесс питания сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось, — строго одернул его Хеллмэн. — На истерику у нас нет времени.

— Извини. — Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, — задумчиво сказал Хеллмэн. — Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд, — объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер снова пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись:

«Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво, — отозвался Каскер. — Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй, — сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано, — подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе, — сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю, — парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли, — ответил Хеллмэн, — в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер. — Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженый замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубических мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивалась в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга, — казалось, не будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги, опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно, — ответил Каскер, — но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша. — Минуточку, — сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер. — Выведи меня. Я нашел воду!

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интергор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, — это животное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами она впадет в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил-Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

Осознавая важность момента, капитан Пауэлл напустил на себя беззаботный вид и вошел в рубку «Рискового». Поначалу он даже подумывал засвистеть, но потом решил, что не стоит. В конце концов, это не в его стиле, а астронавты шкурой чуют неладное, их даже мелочи настораживают.

– Всем привет, – сказал он и плюхнулся в мягкое кресло. Дэнтон, штурман, кивнул, от души зевнув. Бортинженер Арильо посмотрел на часы.

– Стартуем по графику, Сэм?

– Ну да, – ответил Пауэлл. – Через два часа.

Бортинженер и штурман буднично покивали головами, словно полеты на Марс – дело совершенно обычное. Капитан, помедлив немного, добавил:

– Мы, кстати, берем на борт еще одного члена экипажа.

– Это еще зачем? – Загорелое лицо Дэнтона выразило недоверие.

Аррильо угрожающе поджал губы.

– Третий штаб распорядился, в последний момент, – как ни в чем не бывало ответил Пауэлл. Его подчиненные даже не шевельнулись, однако капитану почудилось, будто они на него надвигаются. Необъяснимая сила всегда сближает членов экипажа, заставляя блюсти замкнутость круга и охранять свою территорию.

– И какую работу поручили новичку? – поинтересовался Аррильо. Коренастый и очень смуглый, с острыми зубами и кучерявой черной шевелюрой, он напоминал чудовищно умного жесткошерстного терьера, готового всегда облаять чужого пса, даже если такового поблизости нет.

– Вы ведь знаете про паранормов? – как бы невзначай спросил капитан.

– Еще бы! – живо отозвался Аррильо. – Слыхал я про этих шизиков.

– Да не шизики они, – задумчиво протянул широколицый Дэнтон.

– Значит, – продолжил Пауэлл, – вы и про Уэйверли слышали. Тот парень, что пытается приспособить паранормов к жизни в обществе, найти их способностям применение. У него под опекой телепаты, предсказатели погоды и прочие таланты.

– Про Уэйверли я в газете читал, – сказал Дэнтон. – Его питомцев еще называют экстрасенсами.

– Точно. В общем, этот тип, Уэйверли, собирает экстрасенсов чуть ли не на помойках, подыскивая им нормальную работу. Верит, что их дару есть применение.

– То есть мы берем на борт паранорма? – уточнил Дэнтон.

– Точно, – ответил Пауэлл, внимательно присматриваясь к подчиненным. Астронавты – народ забавный, многие из них прикипают к одиночеству и опасностям космоса и при этом наглухо закрываются от внешнего мира. А еще эти труженики новейшей области человеческой деятельности –

жуткие ретрограды. Если старое работает, то зачем вводить новое, ведь оно может стоить тебе жизни!

Принять в свои ряды паранорма им будет очень нелегко.

– Кому он нужен? – злобно спросил Аррильо, явно встревоженный, что из-за новичка его собственный авторитет пошатнется. – Не хватало еще, чтобы у нас на борту кто-то мысли читал!

– Он не читает мысли, – попытался успокоить его Пауэлл. – Наш новичок займется другой, очень важной работой.

– Какой же? – поинтересовался Дэнтон.

Пауэлл нерешительно помедлил и наконец выдавил:

– Он должен помочь нам при взлете.

– Как?!

– С помощью телекинеза, – протараторил Пауэлл. – Наш новенький передвигает предметы силой мысли.

Дэнтон ничего не ответил, зато Аррильо, поглядев на капитана, разразился хохотом:

– Силой мысли! А у него извилины от натуги не распрямятся?

– Распрямятся – так мы из них веревочки свяжем и сделаем для него упряжь!

– Смотри, чтобы тебя самого не запрягли, Сэм!

Пауэлл широко улыбнулся, мысленно похвалив себя за остроумие. Лучше уж пусть члены команды над ним смеются, чем бьют по морде.

Пригладив усы, командир сообщил:

– Новенький скоро прибудет.

– Ты серьезно? – переспросил Дэнтон.

– Как никогда.

– Но, Сэм…

– Позволь, я кое-что объясню, – прервал штурмана Пауэлл. – Телекинез – способность, которой наделен будущий член нашего экипажа, – это неизученная и почти неизвестная науке форма управления материей. Это энергия, позволяющая передвигать предметы, порой даже очень крупные. Она реальна, и она действует.

Штурман и бортинженер слушали капитана внимательно, хотя и с долей настороженности. Пауэлл глянул на часы:

– В штабе считают, если паранорм поможет нам взлететь, то мы сэкономим изрядное количество топлива. То есть увеличим резерв.

Члены экипажа дружно кивнули. Они только за экономию топлива, ведь в космосе запас горючего – самое главное. Много его на борт не погрузишь, а стоит слегка ошибиться в навигационных расчетах, израсходовать чуть больше запланированного объема драгоценного вещества – тут-то всем и конец. До сих пор к Марсу отправилось всего пять кораблей, и два из них пропали в открытом пространстве именно из-за нехватки горючего.

– Будьте уверены, – сказал Пауэлл, – в ваши дела паранорм вмешиваться не станет. Его единственная задача – двигать наше судно.

Он улыбнулся и приготовился сообщить еще одну неприятную новость.

– Ладно, – тем временем произнес Дэнтон, – лишь бы ко мне не приставал.

– Извини, – поспешил огорчить его Пауэлл. – Паранорма без присмотра оставлять нельзя.

– Это еще почему?!

Пауэлл владел множеством профессиональных навыков, и самый важный из них получил не в университете. Капитан умел управляться с людьми и сейчас призвал на помощь именно этот свой дар.

– Паранормы, знаете ли, не совсем обычные люди. Плохо приспосабливаются к обществу, часто хандрят. Кто-то даже считает, что степень их депрессии прямо пропорциональна силе таланта. Короче, если хотите, чтобы наш паранорм справлялся со своей работой, обращайтесь с ним достойно.

– Я и не собирался с ходу плевать ему в лицо, – сказал Аррильо.

– Этого мало. Я, кстати, поговорил с Уэйверли, и он дал мне руководство по эксплуатации.

Сказав это, капитан вытащил из кармана лист бумаги.

– Руководство? По эксплуатации?!

– Совершенно, верно. Мы ведь эксплуатируем способности паранорма. Вот, послушайте.

Разгладив инструкцию, Пауэлл зачитал вслух:

– «Паранормальные способности, возможно, существуют с начала времен, однако общество эксплуатирует их лишь с недавних пор. Сегодня мы понимаем экстрасенсорику как проявление воли человека в материальном мире, но до конца ее природу и назначение познаем еще не скоро.

Таким образом, любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте. Они помогут добиться лучших – если не единственно возможных – результатов.

В практическом плане паранорма следует расценивать как мощный агрегат повышенной сложности и тонкой конструкции. Как и любой другой механизм, он требует ухода и соблюдения всех пунктов инструкции по эксплуатации. Перед началом использования любую машину надлежит:

привести в устойчивое положение,

заправить,

смазать,

настроить.

Принимая во внимание вышеназванные пункты, приходим к следующим выводам:

– чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой;

– периодически (желательно, как можно чаще) паранорма следует хвалить; поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении;

– работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание;

– излишнее давление может сломать паранорма; если он захочет уединиться, не мешайте ему».

Закончив читать, Пауэлл улыбнулся и произнес:

– Вот, собственно, и все.

– Сэм, – тихо сказал Дэнтон, – у нас забот полон рот, не хватало еще с невротиком нянчиться.

– Согласен, – кивнул Пауэлл. – Но ты представь, каким прорывом это станет для нас, для всей космонавтики, если мы сумеем взлететь, сохранив основную часть топлива в баках!

– Верно, – подтвердил Аррильо, вспомнив, как порой трясся над счетчиками горючего.

– А вот и ваши экземпляры инструкции. – Пауэлл протянул им копии документа. – Пока меня нет, заучите их, как «Отче наш».

– Приехали, – проворчал Аррильо, хмуро глядя на листок с печатным текстом. – Ты уверен, что паранорм вообще сможет поднять корабль?

– Нет, – честно признался Пауэлл. – Да и никто не уверен. Способности нашего паранорма активны примерно пятнадцать часов в сутки.

– Повезло так повезло, – простонал Дэнтон.

– Сейчас я его приведу. Как услышите, что мы поднимаемся на борт, прячьте инструкции. – Улыбнувшись во все тридцать два зуба, капитан добавил: – И да пребудет с вами мир.

Он вышел из рубки и по коридору направился к люку, на ходу насвистывая бодрую мелодию. В целом, все прошло недурно.

Минут через десять он вернулся с паранормом.

– Парни, знакомьтесь, это Билли Уокер. Уокер, это Стив Дэнтон и Фил Аррильо.

– Здрасте, – кивнул Уокер. Высокий, ростом под метр девяносто, невероятно худой; вокруг шишковатого черепа – нимб редких бледно-соломенных волосков. На унылом лице

торчит длинный нос. Оглядывая членов экипажа, Уокер покусывал вялую нижнюю губу.

М-да, милый же им достался попутчик на ближайшие несколько месяцев!

– Присаживайся, Уокер. – Аррильо горячо пожал паранорму руку.

– Да-да, не стесняйся, – поддержал товарища Дэн-тон. – Как жизнь, как здоровье?

Пауэлл едва сдержал улыбку, вспомнив первое правило из инструкции: «Чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой». Право же, ребята стараются изо всех сил. Им ли не знать цену лишней капли горючего!

Подозрительно глядя на экипаж, Уокер тем не менее присел.

– Как тебе наш корабль? – поинтересовался Аррильо.

– Ничего, – ответил Уокер таким тоном, будто видывал корабли и получше, и покрупнее. Хотя во всех Штатах больше не имелось достроенных и оснащенных для полета судов.

– Готов к путешествию? – спросил Дэнтон.

– А что к нему готовиться? – вопросом на вопрос ответил Уокер и откинулся на спинку кресла. – Путешествие как путешествие. Сел – и поехал.

Аррильо уже закипал, да и Дэнтон не выглядел сильно счастливым.

Пауэлл поспешил предложить паранорму:

– Хочешь, устрою тебе экскурсию по кораблю?

– Не-а, – отказался телекинетик. – Успею еще по нему нагуляться.

Повисла неловкая пауза, которая, впрочем, Уокера ничуть не расстроила. Прикуривая сигарету, Пауэлл краем глаза следил за паранормом: вообще-то, он ожидал увидеть нервного, депрессивного типа, но Уокер ведет себя попросту наплевательски... Шмыгнув носом, новый член экипажа

засунул руки в карманы и принялся сжимать и разжимать кулаки.

«Ага, все-таки нервничает, – догадался Пауэлл. – Что бы такого приятного ему сказать?..»

– Насколько сильно ты сможешь разогнать корабль? – спросил Аррильо.

Паранорм взглянул на него презрительно:

– Мало не покажется. – И вдруг судорожно сглотнул.

Нет, он не нервничает. Он напуган. Всего лишь напуган и бравирует, пытаясь скрыть страх.

– Что ж, кораблик у нас крепкий, – заметил Дэнтон.

– Крепкий, это да, – подхватил Аррильо.

– Хочу шоколадный батончик, – заявил вдруг Уокер.

– Может, покуришь? – предложил сигарету Пауэлл.

– Лучше сойду и куплю батончик. На площадке вроде был автомат.

– Скоро взлет, – напомнил Пауэлл. – Надо ввести тебя в курс дела, проинструктировать...

– На фиг мне это нужно, – бросил Уокер и выбежал из рубки.

– Нет, я его точно прихлопну, – пообещал Аррильо.

Дэнтон хмуро взглянул на Пауэлла, и тот произнес:

– Запасемся терпением, парни. Паранорм еще впишется в коллектив.

– Да тут никакого терпения не хватит, – возмутился штурман.

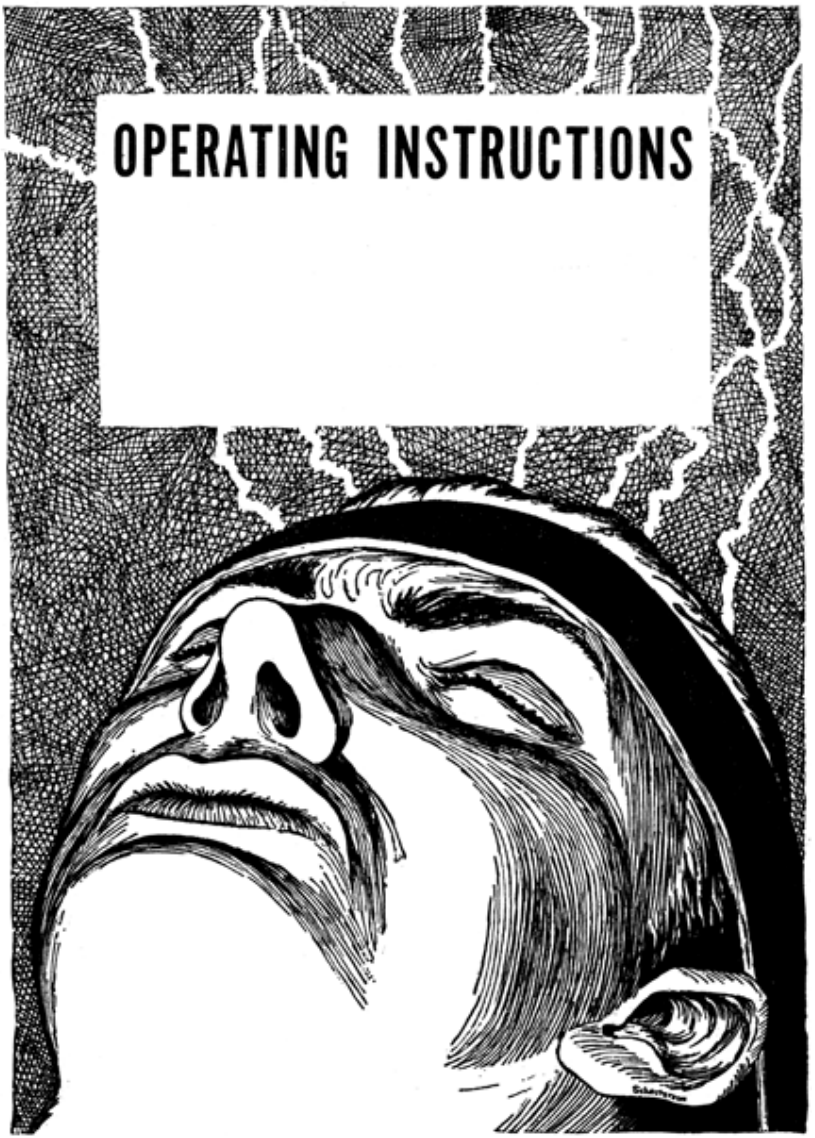
Дожидаясь паранорма, астронавты мрачно смотрели на вход в рубку. Пауэлл уже начинал себя жалеть. И во что только штаб его втянул!

Внезапно в дверном проеме возник Уокер.

– Что-то расхотелось шоколада, – бросил он и, посмотрев на лица будущих коллег, спросил: – Меня обсуждали?

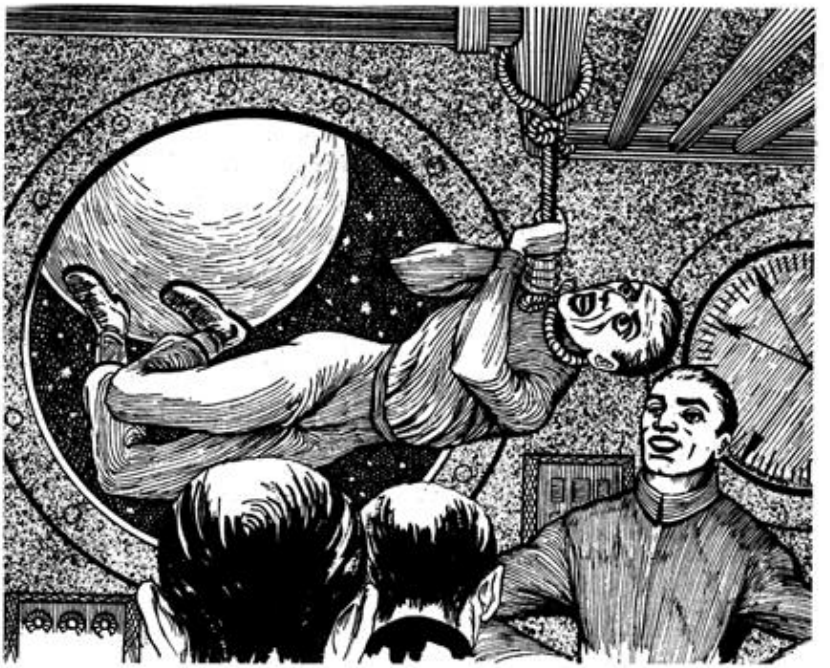
– С чего ты взял? – вскинулся Аррильо.

– Вы, поди, решили, что мне это корыто не поднять?



– Послушай, – строго сказал Пауэлл. – Никто из нас ни о чем подобном не думает. Каждому на борту отведена своя роль, вот и все.

В ответ паранорм молча уставился на капитана.



– Начинаем инструктаж, – приказал Пауэлл. – Уокер, за мной.

Он провел паранорма на мостик, показал несколько силовых схем и, объяснив порядок действий, сказал, что́ от него конкретно требуется. Уокер, по-прежнему кусая нижнюю губу, внимательно слушал.

– Значит, так, капитан, – произнес он, – я, конечно, постараюсь...

– Вот и славно, – ответил Пауэлл и, скрутив карты в рулон, отложил их в сторону.

– ...но вы на меня не больно-то рассчитывайте, – закончил паранорм и выбежал.

Пауэлл, покачав головой, начал проверять приборы.

Пристегнувшись в кресле, командир включил интерком.

– Дэнтон, – произнес он в микрофон, – к старту готов?

– Готов, капитан.

– Аррильо?

– Один момент, капитан… все, готов, сэр.

– Уокер?

– Ага.

– Отлично. – Из диспетчерской доложили: площадка свободна, и Пауэлл откинулся на спинку кресла. – Десять секунд до старта. Запустить главный привод.

– Готово, – ответил Аррильо, и корабль содрогнулся от дикого рева оживших двигателей.

– Прибавить мощности. – Пауэлл вчитался в показания приборов. – Отлично, Дэнтон, включай вспомогательный.

– Есть.

– Шесть секунд. Уокер, готовься.

– Есть, сэр.

– Четыре секунды. – Еще с полдюжины точных настроек, пошел кислород…

– Две секунды! Одна!

– Зажигание. Уокер, твой ход!

Корабль, покачиваясь на струях пламени из сопл, начал взлетать. Пауэлла неожиданно вдавило в сиденье – это Уокер подхватил «Рисковый» силой мысли и понес его вверх. Пауэлл посмотрел на высотомер. Как только отметка перевалила за сто пятьдесят метров, он включил интерком.

– Главный привод отключить! Уокер, жми что есть мочи!

Двигатели перестали реветь, но корабль понесся еще быстрее. Потом их резко и неожиданно дернуло вперед.

Что это? Точно не обычное ускорение… Корабль снова дернуло, Пауэлл охнул и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, корабль уже мчался сквозь тьму открытого космоса. Невидимая рука инерции по-прежнему давила на грудь, но капитан поднатужился и наклонился к иллюминатору.

За бортом он, само собой, увидел звезды.

Пауэлл слабо ухмыльнулся. Работает. Двигатель на основе телекинеза доходяги Уокера работает – и еще как!

Когда они вернутся на Землю, Пауэлл угостит паранорма выпивкой. Кстати, а далеко ли они от дома?

Нажав кнопку на приборной панели, он вывел на экран изображение с камеры заднего вида. Поискал взглядом сине-зеленый шарик Земли – и не нашел его.

Тогда он изменил угол обзора и быстро обнаружил Солнце. Правда, оно было маленькое, размером с крупную горошину.

Куда же их занесло?!

Пауэлл отстегнулся. Чувствуя, что корабль постепенно теряет скорость, проверил показания приборов и вычислил быстроту хода.

Фантастика!

– Дэнтон! – прокричал он в микрофон.

– Ух! – раздалось из динамика. – Ну ничего себе!

– Встречаемся в рубке, нужно определить наше местоположение. Аррильо!

– Да, Сэм?

– Проверь, как там Уокер.

Пауэлл снова посмотрел на звезды, на Солнце и, нахмурившись, перепроверил свои вычисления. Только бы он ошибся...

Спустя примерно полчаса Дэнтон предположил:

– Если я правильно все рассчитал, то мы сейчас где-то между Сатурном и Юпитером. Возможно, даже ближе к Сатурну.

– Не может быть, – упавшим голосом произнес Пауэлл.

– Если не веришь, – ответил штурман, – то на, взгляни сам.

Пауэлл взял у него лист с вычислениями. Тщательно просмотрел, но ошибок не нашел. «Рисковый» забросило на восемьсот миллионов километров дальше Марса, плюс-минус пятнадцать миллионов километров.

Пауэлл покачал головой. Цифры не произвели на него должного впечатления – да и не должны были, поскольку

никто не в состоянии вообразить, что такое восемьсот миллионов километров. Подсознательно Пауэлл уменьшил это расстояние до параметров, которые человеческий разум в состоянии воспринимать.

А что еще ему оставалось?

– Ну, с местоположением определились, – буднично констатировал он и, заметив, что вошел Аррильо, спросил: – Что у нас с горючим?

– Так себе, – ответил бортинженер. – Паранорм, конечно, сэкономил нам много топлива, но все равно не хватит.

– Да, не хватит, – согласился Пауэлл.

Корабль, заправленный и снабженный запасом топлива на полет только до Марса, с Сатурна никак не вернется. Да и с Красной планеты он бы теперь не долетел до Земли без дозаправки.

Сатурн! Это как же надо было разогнать корабль, чтобы скакнуть в такую даль? Не в силах решить задачу логически, Пауэлл пришел к выводу, что на телекинетическом ускорении «Рисковый» просто миновал часть пространства.

В рубку вошел Уокер. Его бледные губы подергивались.

– Кто-то сказал, что мы у Сатурна? – спросил паранорм.

– У его орбиты, – уточнил Пауэлл, выдавив улыбку. – А сам Сатурн сейчас по другую сторону от Солнца.

Командир улыбнулся еще шире, вспомнив второе правило обращения с паранормами: «Периодически (желательно как можно чаще) паранорма следует хвалить. Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении».

– Ну ты даешь, – сказал он. – Сила-то у тебя есть. И еще какая!

– Но я хотел… хотел… – Оглядев космонавтов, Уокер наморщил лицо и разревелся.

– Ну-ну, будет. – Преодолевая неловкость, Пауэлл попытался успокоить паранорма. Но утешить живую машину не получалось.

– Я знал, что провалю дело! – в сердцах выкрикнул телекинетический ускоритель. – Знал!

– Еще не все потеряно, – спокойным, ласковым голосом проговорил Пауэлл. – Ты просто не рассчитал силы. Ты вернешь нас обратно.

– Не верну, – протянул Уокер и спрятал лицо в ладони. – У меня больше ничего не получится.

– Что?! – вскричал Дэнтон.

– Ничего не получится! Я утратил силу! Она меня покинула, я больше не телекинетик!

Последнюю фразу он прокричал. Потом сполз по стенке на пол и, содрогаясь от рыданий, безвольно уронил голову в колени.

– Взяли, – сказал капитан Дэнтону. Вместе они подняли Уокера с пола, отнесли в кают-компанию и там уложили на койку. Дэнтон дал паранорму снотворное, дождался, пока тот забудется беспокойным сном, и вместе с капитаном вернулся в рубку.

– Ну как? – спросил Аррильо, но ответа не получил. Все трое расселись по креслам и некоторое время смотрели в иллюминатор.

Наконец Дэнтон нарушил молчание:

– Если он и правда больше не может двигать предметы усилием воли...

– Думаешь, он одноразовый паранорм? – прошептал Аррильо.

Пауэлл, заставив себя отвернуться от иллюминатора, возразил:

– Нет, это вряд ли. Я слышал, что паранормальные способности вот так запросто не пропадают.

Если честно, ничего подобного он не слышал, но важно было поддержать дух команды.

– То есть, – произнес Дэнтон, – силу он потерять не должен? Но если Уокер уверен, что на самом деле ее утратил...

– Мы убедим его в обратном, – подсказал Пауэлл. – Вспомните, что Уокер – машина. Сложная, хитро устроенная машина. И у нас есть инструкция по эксплуатации.

– Надеюсь только, что мы не оставили на Земле нужных запчастей, – пошутил Дэнтон.

На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушил капитан:

– Пора бы включить двигатели. Развернем корабль, не то вот-вот окажемся за пределами системы.

– Это значит жечь топливо, – напомнил Аррильо.

– Ничего не поделаешь. Дэнтон, рассчитай поворот. Максимально экономный.

– Будет сделано, – ответил штурман.

– А потом мы поедим.

Задав кораблю новый курс, экипаж перекусил. После устроили совещание.

– Наша судьба – в наших руках, – сказал Пауэлл. – Перед стартом паранорм просто храбрился, желая показать свою значимость. Он блефовал, но теперь нервы у него сдали. Нам предстоит вернуть ему веру в себя.

– Делов-то, – сказал Аррильо. – Позвоним психотерапевту?

– Очень смешно, – заметил Дэнтон.

– Да не особенно, – вставил Пауэлл. – Психотерапевт нам бы здорово пригодился. Но поскольку его нет, вооружимся инструкцией по эксплуатации.

Аррильо и Дэнтон достали из карманов свои копии документа и принялись их просматривать.

– До конца полета, – сказал Пауэлл, – Уокера надо воспринимать как машину. Машину, которая закинула нас сюда. Она же и вернет нас на Землю. Ну, есть мысли, как привести агрегат в рабочее состояние?

– У меня вроде появилась идея, – нерешительно произнес Дэнтон. Экипаж обсудил его задумку и пришел к

выводу, что попробовать стоит. Аррильо отправился за Уокером.

Когда они с паранормом вернулись в рубку, Дэнтон с Пауэллом тасовали колоду карт.

– Перекинемся в покер? – беззаботно предложил Пауэлл. – Пока корабль разворачивается, нам все равно делать нечего.

– Приглашаете сыграть? – прошептал Уокер.

– Конечно. Двигай стул.

Долговязый паранорм нерешительно присел за столик и взял карты. Игра началась.

«Поскольку эмоционально он нестабилен, его эго нуждается в систематическом поощрении», – вспомнил Пауэлл.

Партия выдалась поистине сумасшедшей. Все старались поддаваться Уокеру, лишь бы поднять ему настроение. Однако проиграть паранорму оказалось задачкой далеко не из легких. Он с ужасом пялился в карты, сбрасывая одну комбинацию за другой; когда все поднимали ставки, пасовал. Карта не шла Уокеру, как бы Аррильо ни мухлевал, а мухлевать он умел. И Уокер ни разу не вскрылся.

Но астронавты не сдавались. Сбрасывали хорошие комбинации в надежде получить слабые. Пасовали раньше Уокера, буквально выдавливая его вперед. Печальную, простоватую физиономию паранорма перекосило от напряжения. Каждую карту он брал так, словно от нее зависела его жизнь.

Еще никто на памяти Пауэлла не подходил к игре так серьезно и вместе с тем так неумело.

Наконец собрался приличный банк. Уокер, кажется, обрел уверенность в своих силах и сделал ставку. Пауэлл поднял. Подняли и Аррильо с Дэнтоном. Уокер, немного помявшись, ответил.

После нескольких кругов торговли Уокер решил вскрываться.

У Пауэлла оказалась десятка старшая, у Аррильо – восьмерка, а у Дэнтона – дама. Уокеру достался туз.

– Хорошо блефуешь, – сказал Пауэлл, и Уокера снова перекосило.

Вскочив из-за стола, он не своим голосом выкрикнул:

– Я не могу проиграть!

– Да не волнуйся ты так, – сказал Дэнтон.

– Я вас обыграл подчистую, парни, и… ваши бабки теперь мои, – пролепетал Уокер и выбежал вон.

Только сейчас до Пауэлла дошло: Уокер хотел проиграть, чтобы искупить свою вину. Капитан решил не тратить время на то, чтобы делиться догадкой с товарищами, и бросился вслед за паранормом.

Уокер сидел на койке и рассматривал свои руки. Пауэлл присел рядом и предложил самое экономичное – закурить. Еда и питье закончатся прежде, чем кислород.

– Нет уж, спасибо, – глухо произнес Уокер.

– В чем дело? – спросил капитан.

– Во мне. Я опять все испортил.

– Как?

– Да вот так. Вечно я все порчу. Не могу не испортить.

Пауэлл вспомнил один из пунктов инструкции: «Работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание».

– Не огорчайся, – теплым, отеческим голосом произнес Пауэлл. – В конце концов, ты совершил нечто, на что никто не способен. Так далеко запустил наш корабль…

– Ага, просто супер, – с горечью ответил паранорм. – Мы теперь ровно там, куда никому не надо.

– И все же, – возразил капитан, – ничего более потрясающего я в жизни не видел.

– И что с того? – отчаянно заломив руки, спросил Уокер. – Я не могу вернуть нас обратно. Я всех нас угробил!

– Не вини себя… – начал Пауэлл, но паранорм перебил его:

– Нет, это я виноват. Только я! – И он опять расплакался.

– Тогда просто перенеси нас обратно.

– Я же сказал, – глядя дикими глазами, паранорм хватал ртом воздух, – я утратил силу! И больше не могу перемещать предметы! – Он почти сорвался на крик.

– Послушай-ка, – строгим голосом урезонил паранорма Пауэлл. – Что за пораженческие настроения? Ничего ты не потерял!

И капитан плавно перешел к своей самой лучшей, самой проникновенной речи, припасенной для безнадежнейшей ситуации. Говоря о звездах и Земле, о науке и миссии человека во Вселенной, не открытых еще гранях паранормальных способностей и их важной роли в мировом порядке, Пауэлл невольно думал: эх, как красиво я загнул!

Уокер, уняв слезы, внимательно слушал и неотрывно глядел на капитана.

А Пауэлл все говорил и говорил, сочиняя на ходу, о будущем паранормальных способностей, о том, как однажды благодаря им удастся наладить связь между звездами, но до тех пор предстоит упорно работать. И такие люди, как Уокер, должны идти в авангарде.

Командир вошел в раж и под конец, видя, что жертва клюнула, воскликнул:

– Давай, парень! Твой дар при тебе, никуда он не делся! Попытайся вернуть нас!

– Сейчас, сейчас! – Уокер утер нос рукавом и закрыл глаза. От натуги жилы у него на шее взбухли. Вцепившись в край койки, капитан приготовился смотреть, как разгоняется бесценный ускоритель на паранормальной тяге.

Дверь в дальнем конце каюты распахнулась и снова захлопнулась. Уокер побагровел.

Пауэлл завороженно следил за его лицом: длинный нос блестит от пота, зубы обнажились в напряженном оскале. Паранорм выкладывался без остатка.

И вдруг, обмякнув, повалился на койку.

– Не получается, – прошептал он. – Совсем.

Пауэлл хотел было заставить его попробовать еще, но четвертое правило инструкции гласило: «Излишнее

давление может сломать паранорма. Если он захочет уединиться, не мешайте ему».

– Ладно, отдохни, – сказал капитан и, стараясь сохранять лицо, встал.

– Я вас всех убил, – проговорил паранорм.

Пауэлл молча вышел из каюты.

Описав широкую дугу, корабль отдался на волю притяжения Солнца. Аррильо, глуша двигатели, скорбел о потраченном топливе – теперь его действительно оставалось мало. А вот насколько мало, готовился выяснить Дэнтон.

В свободном падении «Рисковый» будто повис в открытом пространстве; казалось, он и не движется вовсе. Солнце тем временем увеличивалось в размерах. Правда, медленно. Даже чересчур медленно.

Уокер так и не вышел из каюты. Лежал на койке, проклиная себя за ошибку. Пауэлл изо всех сил старался найти выход, но ничего придумать не мог.

– Взглянем на расчеты, – сказал в рубке Дэнтон. Показав Пауэллу график, принялся водить пальцем по линиям и объяснять: – Вот наш курс, это вот скорость, а здесь пункт назначения. На этой отметке у нас закончится пища. – Точка располагалась слишком уж далеко от пункта назначения. – А вот здесь мы останемся без воды. – Вторая точка была еще дальше от финиша.

– А если ускориться? – спросил Пауэлл.

– Расстояние слишком большое, – ответил Дэнтон. – Я прикинул и так и этак – ничего не выйдет. Мы недотянули бы до конца пути, даже съев друг друга и выпив кровь.

– Хорошая новость, свинья ты циничная, – подал голос Аррильо из другого конца рубки.

– Тебе что-то не нравится? – спросил Дэнтон.

– Да, мне все не нравится. – Бортинженер оттолкнулся от стенки и в полной невесомости плавно подплыл к коллегам.

– Тогда сам предлагай выход, – парировал Дэнтон и взлетел ему навстречу.

– Эй, прекратите! – крикнул Пауэлл. – Отставить грызню, немедленно!

Бортинженер и штурман расцепились.

– Добраться бы сейчас до этого…

– Тихо! – одернул их Пауэлл, услышав шум из коридора. В рубку влетел Уокер, и капитан от души понадеялся, что паранорм не слышал перепалки.

– Милости просим, – сказал Пауэлл.

– Да-да, бери стул, присаживайся, – как можно дружелюбнее подхватил Дэнтон.

И штурман, и бортинженер сейчас с огромной радостью порвали бы Уокера на лоскуты, но инструкция предписывала им быть вежливыми и обходительными. Ребятам и так нелегко, а тут еще сюсюкайся с виновником такой переделки.

– Я хотел сказать… – начал было Уокер, но запнулся.

– Говори-говори, – подбодрил его Аррильо, явно не желая уступать в терпимости Дэнтону. – Не стесняйся, парень.

Голос его звучал вежливо, но в глазах застыл холод.

– Я хотел извиниться. Мне, правда, очень жаль, – сказал Уокер. – Я бы и не полетел с вами, да вот мистер Уэйверли настоял.

– Мы все понимаем, – заверил его Дэнтон, сжимая кулаки.

– Ничего страшного, – согласился Аррильо.

– Но вы меня ненавидите. – И Уокер вылетел в коридор.

Пауэлл набросился на подчиненных:

– Вы что, совсем себя в руках держать не умеете? Забыли третье правило: «Проявляйте сочувствие и понимание»?

– А я что, не проявлял? – огрызнулся Аррильо, и Дэнтон согласно кивнул.

– Проявлял он… Ты бы свою рожу со стороны видел!

– Виноват, капитан, – по форме извинился Аррильо. – Просто я не умею притворяться. Если мне человек не нравится, ничего с собой поделать не могу.

Тут он зыркнул на Дэнтона – а Дэнтон на него в ответ.

– Сколько раз я вам говорил: воспринимайте Уокера как машину, – напомнил Пауэлл. – Аррильо, ты ведь со своими движками чуть не целуешься!

– Так точно, – ответил бортинженер. – Но если я не в духе, то и обругать их могу, и ногой двинуть.

Да, в этом-то и недостаток работы с разумной машиной – на ней злобу не выместишь.

– Ладно, вы, двое, ведите себя тихо, – приказал капитан.

Аррильо оттолкнулся от пола и улетел в дальний конец рубки. Взяв колоду карт, начал раскладывать пасьянс. А Пауэлл удалился на мостик, чтобы подумать в одиночестве.

За бортом мерцали звезды. Мертвое пространство открытого космоса простиралось вокруг корабля. Бесконечная могила. Восемьсот миллионов километров.

Капитан сказал себе: «Выход есть. Иначе и быть не может».

Их ускоритель на паранормальной тяге сработал на старте, так почему не действует сейчас?

«Любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте...» – вспоминал Пауэлл.

Да уж, на опыте. Этот Уэйверли еще не знает, что такое настоящий опыт работы с паранормами!

«Как и любой другой механизм, этот требует ухода и соблюдения пунктов инструкции по эксплуатации...»

Ну так ведь они и соблюдали. Как могли. Чисто теоретически Уокер не пострадал и не поврежден. Почему же хитрый паранормальный механизм у него в мозгу не работает?

В отчаянии Пауэлл хлопнул себя по бедру. Такая сила в его распоряжении, такая махина – и не фурычит! Паранорм мог бы с легкостью отправить их домой... да что там, к альфе Центавра! К центру галактики... И на тебе, не заводится.

А все потому, что астронавтам непонятно, как управлять своим новым ускорителем.

Инструкция по эксплуатации… Пауэлл – не психотерапевт, ему не вытащить Уокера из депрессии. Он может лишь успокоить команду и дать паранорму спокойно работать.

Что же он упустил?

Пауэлл еще раз перечитал инструкцию, и вдруг у него в голове забрезжила идея. Она уже почти созрела, как вдруг его окликнули:

– Капитан!

– Что тебе?! – Впервые с начала полета Пауэлл позволил себе сорваться на подчиненном. Он был так близок к решению…

Под грозным взглядом командира Дэнтон отрапортовал:

– Уокер, сэр! Он заперся в каюте и, кажется, собирается покончить с собой!

Оттолкнувшись от стены, Пауэлл стрелой вылетел с мостика и метнулся по коридору в сторону кают-компании; Дэнтон – следом. Аррильо уже барабанил в дверь и кричал.

Оттолкнув бортинженера, Пауэлл позвал паранорма:

– Уокер! Отзовись!

Тишина.

– Принесите что-нибудь, чтобы взломать дверь, – шепотом велел капитан помощникам и снова позвал: – Уокер! Не глупи, слышишь?

Изнутри донесся слабый голос:

– Я уже все решил…

– Не вздумай! Как капитан, приказываю тебе…

Он замолчал, услышав булькающие звуки и хрип.

Вернулся Аррильо с паяльной лампой. Пока они плавили замок, Пауэлл мысленно зарекся никогда больше не летать на корабле с дверьми. Если он вообще куда-нибудь еще полетит…

Наконец замок сдался, и астронавты ворвались внутрь.

Аррильо захохотал.

Несчастный депрессивный ускоритель, неуклюже дергая конечностями, парил между полом и потолком. От его шеи

к потолочной подпорке тянулась веревка. Уокер, этот феерический идиот, решил повеситься в полной невесомости!

Скоро ситуация перестала забавлять космонавтов. Уокер задыхался, а им никак не удавалось ослабить петлю. Экипаж вертелся вокруг паранорма, лихорадочно пытаясь найти точку опоры. Наконец Дэнтон додумался пережечь веревку паяльной лампой.

Один конец веревки Уокер закрепил на потолке, другой обмотал вокруг шеи. А чтобы уж наверняка удавиться, завязал конец на потолке в «констриктор»: раз затянувшись, этот узел не ослабевает. И распутать его можно, только потянув за оба конца сразу, особенным образом. На шее Уокер завязал рифовый узел, да еще так, чтобы самому до него не дотянуться. Взлетел к потолку и что было мочи оттолкнулся ногами. Узел затянулся...

В общем, паранорм чуть не умер, и только теперь команда поняла глубину его отчаяния.

– Держите его и не отпускайте, – приказал Пауэлл. Сердито глядя на багрового, кряхтящего Уокера, он пытался сообразить, как быть дальше.

Всю дорогу он нянчился с паранормом. Смазывал колесики механизма маслом сочувствия и заправлял топливом похвалы. И что получил взамен?

Драгоценный ускоритель едва не самоуничтожился!

Нет, так дело не пойдет. Если надо заставить двигатель работать – так Пауэлл его и заставит. Не станет с ним церемониться и гладить по кожуху. К черту правила Уэйверли!

– Ну все, игры закончились, – обратился капитан ко всем сразу. – По местам. Мы стартуем!

Одного сурового взгляда хватило, чтобы команда беспрекословно подчинилась. Оттолкнувшись от стенки, Пауэлл вылетел из каюты.

Уже на мостике он мысленно прочитал молитву и включил интерком.

– Дэнтон. На месте?

– Так точно, сэр.

– Аррильо?

– На месте.

– Уокер?

– На месте, сэр.

– Готовность десять секунд. Включить главный привод. – Двигатели взревели. – Прибавить мощности, выжмем из корабля максимум.

– Так точно, капитан.

– Дэнтон, активировать вспомогательные приводы.

– Есть, сэр.

– Готовность шесть секунд. Уокер!

– Тут, сэр, – испуганно отозвался паранорм.

– Готовность четыре секунды, – предупредил Пауэлл, от души надеясь, что за такое короткое время Уокер не успеет разубедить себя в способности двигать корабль.

– Две секунды! – Хоть бы, ну хоть бы сработало. Сейчас или никогда…

Одна секунда.

– Пуск! Пошла, родимая! Уокер, действуй!

Корабль рванул вперед… но своим ходом, без ускорения Уокера.

– Молодец, Уокер, – хладнокровно сказал в микрофон Пауэлл. – Поддай еще газку.

Ходу между тем не прибавилось.

– Хорошо, хорошо, Уокер, – продолжал нахваливать паранорма капитан. – Аррильо, руби главный двигатель. Уокер, ну а дальше – ты сам.

Миг ожидания растянулся, казалось, на целую вечность. Но «Рисковый» понесся вперед. Рывок, только мягче того, что был на старте, – и звезды за бортом превратились в размытые полосы.

– Дэнтон сейчас скорректирует направление, – сказал паранорму Пауэлл. – Отличная работа, мистер Уокер.

Вот оно как получается. Правила Уэйверли работают только на Земле, ну а в космосе, под прессингом... Ладно, будет что рассказать дома.

Когда пришлось быстро и беспрекословно подчиняться приказам, паралич, внушенный Уокером самому себе, как рукой сняло. А значит, инструкции Уэйверли можно смело забыть. В космосе с паранормами работать надо по другим правилам:

«Лица, наделенные паранормальными способностями, тоже люди, и обращения заслуживают соответствующего. Сами же паранормальные способности следует воспринимать как рядовой талант и навыки определенного рода, а не проявление „инакости“».

– Сэр? – раздался из динамика голос Уокера.

– Слушаю.

– Разрешите прибавить ходу?

– Выполняйте, Уокер, – спокойным командирским голосом ответил капитан Пауэлл.

ХРАНИТЕЛЬ

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

«Я мертвец, — подумал он, — свободно парящий в пространстве».

Парящий? Он открыл глаза. Да, он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул — и словно прозрел, увидев наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение, — произнес он вслух, чтобы услышать собственный голос. — Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле, кроме него, никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное пространство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

«Во-первых, — подумал он, — необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...»

— Я — человек, — сказал он. — Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей

ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вернутся и память, и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн, — начиналась записка, — химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес, — неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только сейчас! Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени «ноль» как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано или, по крайней мере, должно быть

автоматизировано — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.) Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку.

Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но, если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлишься у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она обязательно должна быть гуманоидной.

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрезвычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн — осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче оттого, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности... Если она жизненно необходима, почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшал изображение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару, надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: «Планета. Контакт через 100 часов».

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор, пока не изменились цифры: «Контакт через 99 часов».

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко

перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной, — сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн, — раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна. — Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки — с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульту.

Надпись на экране сообщала: «Контакт через 97 часов».

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию. Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну почему эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: «Контакт через 96 часов».

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил: «Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует».

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она тоже так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

«Вот уж ирония судьбы, — подумал он. — Великолепная память при полном ее отсутствии».

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и не логично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практичными людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

«И что, — размышлял доктор Эллис, — считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего, какое-нибудь философское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?»

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: «Приготовиться к посадке».

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил: «Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

«Обычная реакция, — сказал он себе, — любой психиатр легко установит над ней контроль».

Психиатр!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд, человекоподобными. Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались крелданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним политическим системам.

Благодаря фотографической памяти у Эллиса не возникло трудностей при изучении крелданского языка, основу которого составляли ключевые слова. Крелдане, по-видимому, происходившие от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные представители его собственной расы. Эллис не сомневался, что это было

предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее, как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать, — сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета. — Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

«Именно этот вопрос, — подумал Эллис, — я постоянно задаю себе сам».

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах, — ответил им он. — Ответ — в самом смысле нашего существования.

«Ложь», — подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы, — заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал, какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм. Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей, — сказал еще один член Совета. — Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет, — ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий. — Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним, — заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения, — ответил Эллис. — Мой народ не считал благоразумным предоставлять вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый, — вежливо сменил тему разговора пожилой председатель. — Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр, — ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами, — сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю, — ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много, — заметил один из членов Совета.

— Элгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение, проговорил председатель. — Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться. — Он повернулся к Эллису. — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы

знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея-мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа, — заботливо проговорил председатель. — У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно, — согласился Эллис. — Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет. — Пожилой председатель печально улыбнулся. — Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник. — Председатель поднялся с места. — Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры, — заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной

цивилизации. — Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой, — ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности, — сказал врач. Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да, — согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты, — сообщил врач. — Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате, — сказал врач, — мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник, — пояснил врач, указывая на первого. — Не думаю, что вы лечите таких. — И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно, — ответил кто-то. — Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом, — совсем другое дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это, скорее, милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали

какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно, — ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте меня, я вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он не был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он. — Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей, — резко ответил Эллис. — Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека? Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Вселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо, — ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он больному знание английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки, от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— Кто вы?

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся, — заявил Хайнс. — Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста, — оборвал его Эллис. — Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно, — с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов. — Я не понимаю...

— Великое открытие, — пояснил Хайнс. — Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную, — пояснил Андерсон. — И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь, — пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины, — заметил доктор Клайгель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью. — Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет, — заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать непроизвольное слюновыделение своего носителя. — Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс. — Твои нервные соединения дали приют всем нам, Эллис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в...

— Я помню, — сказал Эллис. — И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и

душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс. Он, как зачарованный, глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но, — произнес Эллис, — как раса будет... я имею в виду женщин.

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов, — пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы. — Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени. — Он замолчал и усмехнулся. — Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело, — заявил Андерсон. — После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис. — На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук, — ухмыляясь, проговорил Хайнс. — Быстро по койкам, парни, — я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

Садились бы они на Земле или на любой из планет Солнечной системы, Маглио направил бы судно вниз отработанным движением, легко и непринужденно. Но поскольку они были далеко, в огромной неизученной галактике, где-то возле Альтаира, он сжимал рукоятку тяги до боли в пальцах, готовый мгновенно поддать мощности, если что-то пойдет не так. Что-то... но что?

На худом лице пилота блестели капельки пота. В его памяти всплывали байки космонавтов, над которыми он когда-то посмеивался, – о планетах-миражах, где посадочные дистанции предательски обманчивы, о живых планетах, о планетах смерти. И его ничуть не успокаивало, что ни одна из этих диковин так и не была открыта. Ведь их корабль первым вышел в межзвездное пространство. Но именно их корабль мог столкнуться с любой из этих опасностей, и мысль об этом не давала покоя.

Навигатор Зальцман пытался осуществить неисполнимый трюк: одним глазом считывал показания шести приборов, вторым же старался рассмотреть несущуюся навстречу красную планету. При этом он сжимал ручку вспомогательной тяги – на тот случай, если что-то произойдет с главным

двигателем. Или с Маглио. Будь у него третий глаз, он еще следил бы и за бортинженером Оливером.

Оливер в ожидании вероятного нападения противника сидел за большой атомной пушкой. Сняв ее со всех предохранителей, он наставил пушку в центр планеты. Его палец напружинился на спусковом крючке. За последние дни он почти убедил себя в том, что по ту сторону планеты, за ее краем, их подкарауливает космический флот инопланетян. А может, взять, да и пальнуть, просто чтоб неповадно было?

Когда они подлетели ближе, Зальцман смог различить раздвигающиеся контуры суши. На лице планеты проступили красные, розовые и фиолетовые леса. Корабль с ревом пронизывал все более плотные слои атмосферы. Разбросанные по лесам черные точки увеличивались, превращаясь в города и поселки. Зальцман наспех отметил расположение населенных пунктов – он был слишком занят приборами, чтобы четко отпечатать в памяти все подробности местности.

Капля пота закатилась в правый глаз Маглио, но он не решался ни протереть его, ни даже моргнуть. Поверхность планеты приближалась, раздвигаясь во все стороны. А вдруг она распахнется гигантским ртом, как любили подшучивать на базе Плутона? Или случится что-нибудь похлеще? Маглио сильнее сдавил рукоятку тяги в ожидании какого-нибудь подвоха.

Корабль ревел, рассекая воздух и постепенно теряя скорость...

...Но в конечном итоге снижение прошло без происшествий. Маглио взял себя в руки, высмотрел свободный участок и элегантным маневром посадил корабль. Оливер в конце концов поборол страхи и поставил орудие на предохранители. Зальцман поднял дрожащую руку и внимательно рассматривал отпечаток ручки управления на ладони.

Все было в порядке. Ни оравы нападающих инопланетян, ни чудовищ – по крайней мере, пока. Ни двадцатиметровых

драконов, ни зеленоглазых упырей. Только красный лес – немного подпаленный там, где корабль прошел над верхушками деревьев, но все еще мирный.

После мгновения тишины космонавты бросились хлопать друг друга по спине, загомонили от избытка чувств, от того, что тревоги остались позади. Зальцман подхватил невысокого Маглио, широко улыбнулся ему и перебросил к Оливеру. Бортинженер крякнул, поймав Маглио, и на мгновение растерялся. Потом решил, что его достоинство унижено до конца полета, и перебросил пилота обратно Зальцману.

– Эй, обезьяны, полегче, – возмутился Маглио, вырываясь из объятий и приглаживая волосы, – или я сдам вас юфангам.

Зальцман улыбнулся и снова взлохматил пилоту волосы. Он знал о юфангах все. Семейство черно-оранжевых летающих рептилий с плавниками для подводной охоты, питающихся исключительно человеческими глазами.

Юфанги – характерный пример мифотворчества, составной части сложной истории освоения космоса. Первые люди на Марсе были разочарованы, не встретив разумной жизни, поэтому сочинили истории о вистиях и сербенах. Они пугали взрослых людей детскими страшилками о неведомых опасностях, таящихся на юпитерианских лунах. Первопроходцы Юпитера тоже не встретили разумной жизни – ни монстроидной, ни гуманоидной, поэтому пополнили галерею чудовищ глазоядными юфангами, поселив их на Сатурне.

Теперь, когда Солнечная система изучена вдоль и поперек – пусть и остается местом первозданным и пустынным, – чудовища, по общему мнению, переместились в дальний космос. Согласно поверьям, они могут скрываться, где угодно, готовые в любой момент наброситься на космонавта, стоит только зазеваться.

Зальцман задавался вопросом, насколько сильно Маглио верит в эти сказки. Пилот носил на запястье маленький амулет для отпугивания чужаков. Или – в продолжение вопроса – насколько сильно Оливер верит в то, что полчища агрессивных инопланетян только и ждут, чтобы разнести их корабль в щепки?

Или – насколько сильно во все это верит он сам? Зальцман понимал, что у него нет иммунитета к страху, хотя и сознавал, что суть всех пугающих историй сводится к одному: где-то там, сразу за границей исследованного пространства, существует разумная жизнь. Встретить братьев по разуму – давняя мечта Земли. И не важно, какими они окажутся. Лишь бы только знать, что в бесконечности космоса мы не одиноки.

Они приземлились ранним утром и к полудню были готовы отправиться на разведку. Зальцман и Оливер отбирали последние пробы воздуха, а Маглио листал книгу комиксов, которую тайно пронес на борт.

– Все в порядке, – сообщил Зальцман, втискиваясь в рубку управления. – Воздух пригоден для дыхания. По составу очень близок к земному. Из местных никто не объявлялся?

Маглио покачал головой. На фронтальной панели обзора – никаких признаков любопытных туземцев.

– Ну тогда навестим их сами. Полная защита, бластеры, дыхательные аппараты и радиопередатчики.

– С кем это ты собрался говорить по радио? – поинтересовался Маглио и тут же воскликнул: – Ну уж нет!

– Да, – улыбнулся Зальцман, распаковывая бластер. – Будешь нас подстраховывать.

– Нет, – обиделся Маглио. – Я хочу в разведку. Я ведь тоже герой, ясно?

– Нет, – отрезал Зальцман, заканчивая спор. – Я возьму тебя завтра утром, если все пройдет хорошо. Но сегодня главное – безопасность.

Зальцман и Оливер выбрались через люк и спустились по изогнутой лестнице на боку корабля. Оливер сошел первым. Он осторожно коснулся ногой земли, словно опасался, что она вот-вот разверзнется, даже несмотря на то, что корабль стоял на ней вполне устойчиво.

Спустившись на землю, космонавты помахали Маглио и направились к лесу. Они дышали чужим воздухом, их лица были открыты, а тело защищали почти невесомые, но непроницаемые для излучения скафандры.

– Я поведу, – сказал Зальцман Оливеру, когда они подошли к лесу. Бортинженер то и дело нервно касался оружия. Вспомнив, как местность выглядела сверху, Зальцман прикинул направление, ведущее к ближайшему городу.

Шагая по лесу, космонавты были готовы к любому повороту событий. Оливер держал руку на бластере, готовый отстреливаться от толпы дикарей, которая вот-вот выскочит из-за деревьев. Живое воображение Зальцмана рисовало иные картины: опасности, падающие с неба, вздымающиеся из-под земли, материализующиеся прямо из воздуха и возникающие десятком других способов – как одновременно, так и по очереди.

Ветер шелестел в красных кронах деревьев. Но больше ничего не происходило.

Город оказался небольшим поселением, больше похожим на деревню, к тому же очень тихую. Широкие мощеные улицы пустынны. Ни животное не выскочит из-за угла, ни птица не пролетит над головой. С оружием наготове космонавты обследовали один из домов. Постройка из белого камня и розового дерева свидетельствовала о мастерстве строителей. Внутри дома обнаружились столы, стулья, диваны, шкафы...

– Они наверняка люди! – воскликнул Оливер, впечатленный формой мебели. Он хотел было присесть на стул, но подскочил как ужаленный. – А вдруг это ловушка, – пробормотал он, подозрительно глядя на стул.

– Логичнее было бы заминировать дверь, – заметил Зальцман, опускаясь на стул. Стул не взорвался, и Оливер облегченно вздохнул. – А размер-то у мебели подходящий.

Внезапно и безотчетно он почувствовал себя ребенком из сказки про трех медведей: уселся на стул медвежонка – а стул как раз впору. Он расхохотался, не став ничего объяснять Оливеру. Бортинженер – человек без воображения, еще решит, что навигатор сошел с ума.

Через арочный проем они переместились в другую комнату. Там висели картины, изображающие людей!

– Ну вот! – вскричал Оливер. – Они точно люди! – И от души хлопнул Зальцмана по спине, отчего тот чуть не клюнул носом в стену.

– Ну и какого беса они не дома? – спросил Зальцман, переходя от картины к картине. На них были изображены мужчины и женщины, светло-, темно– и рыжеволосые. С виду похожие на людей, хоть и чересчур бледные, даже бесплотные. Впрочем, это могла быть манера художника.

Космонавты заглянули в другие комнаты, мало обращая внимания на обстановку. Одежда, вазы, принадлежности для письма – все это интересно, но позже. Сейчас главное – найти людей.

В задней части дома обнаружилась кухня. Еда была еще теплая. В плите тлели дрова.

– Они явно уходили в спешке, – констатировал Зальцман.

Земляне бегло осмотрели еще пять домов, но везде было одно и то же. В некоторых домах – больше беспорядка. Разбросанная одежда, обувь посреди комнат. В двух домах – опрокинутая на пол еда.

– Они не просто спешили, – сказал Оливер уже на улице. – Они убегали в панике.

– Похоже на то, – согласился Зальцман. Он откинул капюшон и почесал лысеющую макушку, не зная, что делать дальше. Напутственные инструкции носили самый общий характер. Обследовать в секторе назначения звезды класса G-76, искать планеты земного типа. При обнаружении

обитаемых – по возможности установить контакт, если туземцы не проявят враждебности.

Зальцман не знал, являлось ли поведение, с которым они столкнулись, проявлением враждебности. Он медленно шел по улице, гадая, куда подевались все жители. Оливер вышагивал позади.

– Мне кажется, они спрятались от нас, – сказал Оливер, словно отвечая на мысли навигатора.

– Может, и так. Эти люди не дикари, но и не факт, что высокоразвиты. Кто знает, что они подумали, увидев в небе огненный шар? Возможно, что к ним пожаловал дьявол.

– Дьявол – это чисто земное, – возразил Оливер. – Откуда мы знаем, какие у них суеверия?

– Не знаем. Однако строение тела у них такое же, как у нас, а значит, и нервная система должна быть похожа. Аналогичные изобретения предполагают идентичный склад ума. Я знаю, что утверждение спорное, но я приму его в качестве рабочей гипотезы, пока не придумаю что-нибудь получше.

– Интересно, почему они не оставили арьергард? – задумчиво спросил Оливер. – И не устроили что-то вроде засады? Просто ушли, бросив дома... Ну и что будем делать?

– Пойдем по следу, – решил Зальцман, поразмыслив. – Покажемся им, пусть посмотрят на нас. Объяснимся мирными жестами. Попытаемся завязать разговор.

Оливер кивнул, и они направились к выходу из деревни.

Утоптанная трава и поломанные кусты подлеска указывали направление исхода селян. Следовать за беглецами не составляло труда: по лесу как будто бульдозер проехал. В пути Зальцман вызвал Маглио и коротко описал обстановку.

– Если поймаете миниатюрную блондинку, – протрещал в наушниках голос Маглио, – забросьте на плечо и доставьте ко мне. Но если это племя шестиметровых сербенов, имейте в виду, я вас предупреждал!

– Ладно, – усмехнулся Зальцман и отключился.

Пока они шли по лесу, что-то зудело в голове у Зальцмана, не давая покоя. Он озирался на высокие безмолвные деревья, едва заметно покачивающие красными ветвями. Вроде бы ничего подозрительного. Но беспокойство не проходило и не поддавалось анализу.

Он посмотрел на Оливера. Массивный бортинженер тяжело шагал рядом, раскидывая ботинками землю. Зальцман никак не мог разобраться, что его беспокоит, – и вдруг его озарило.

– Не замечаешь ничего странного? – спросил он Оливера.

– Что именно? – Оливер машинально положил руку на бластер.

– Ни птиц. Ни зверей. Вообще никого.

– Возможно, эти формы жизни здесь не развились, – сказал Оливер после раздумий.

– Должны были. Не может быть, чтобы эволюция породила только растительность и людей. Природа не настолько избирательна.

– Значит, они попрятались. Такие же робкие, как туземцы.

Зальцман кивнул, хотя уверенности у него не было. Уж слишком тихо в лесу. Словно затишье перед грозой. Снова разыгралось воображение, сплетая гротескные, но вполне правдоподобные объяснения происходящего. Возможно, лес – это огромное существо, а люди и животные – его симбионты.

«Чепуха, – сказал он себе. – Зачем тогда строить дома?»

Потея в пластиковых скафандрах, космонавты шли по следу жителей деревни. Через час лес кончился, и они попали в небольшую долину. Вскоре долина сузилась и превратилась в тропу, которая, постоянно петляя, повела их вверх между невысоких гор. Космонавты запыхались, но упорно двигались вперед, пока после очередного поворота не уперлись в преграду. Баррикада, сложенная из ветвей и камней, уходила вверх метров на семь. По бокам ее подпирали огромные гладкие валуны.

– Может, подорвем? – предложил Оливер.

– Не знаю. – Зальцман похлопал ближайший валун и посмотрел на солнце. Оно висело над самым горизонтом, по красной земле протянулись длинные тени. – Уже поздно. – Он включил радиопередатчик. – Маглио?

– Слушаю.

– Выводи скутер и забирай нас. Блондинок сегодня не предвидится. – Он отключил связь и повернулся к Оливеру. – Завтра наведаемся в другую деревню. Не думаю, что найти кого-нибудь из местных – такая уж трудная задача.

Через пять дней оптимизма у Зальцмана значительно поубавилось. На исследовательском ракетоплане они облетели все города и деревни в радиусе восьмидесяти километров – общим числом двенадцать. И везде ситуация повторялась. Пустынные улицы, пустые дома – и огонь в очагах. Туземцы засекали землян за несколько минут до их прилета. С высоты космонавты успевали заметить намеки на человеческие фигуры, ныряющие под защиту красного леса. Но когда они приземлялись, от туземцев не оставалось и следа.

На четвертый день они вновь посетили первую деревню и нашли очевидные признаки того, что жители в нее возвращались. Но туземцам снова удалось засечь приближение землян и сбежать за полчаса до их прилета.

Остаток четвертого дня космонавты потратили на поиски в деревне хоть каких-то признаков электрического оборудования. Казалось, туземцы используют систему, которая с точностью до минуты информирует их обо всех передвижениях землян. Но единственное механическое приспособление, которое космонавты нашли в деревне, было колесо. Сигналы с помощью дыма и барабанов не остались бы незамеченными. Маглио выдвинул гипотезу о почтовых голубях, да вот только ни одной птицы космонавты до сих пор так и не видели.

На рассвете пятого дня они погрузились в скутер и отправились в дальний конец континента. По расчетам

Оливера, они покрыли шесть тысяч километров за пять с половиной часов. Заприметив деревню, с ревом устремились вниз и затормозили перед самой землей так резко, что их едва не размазало по полу. На все про все – с момента, как они появились в небе в виде точки, и до самого приземления – ушло не больше трех минут.

Но туземцы вновь опередили их на четверть часа.

На этот раз земляне не стали задерживаться в деревне и выяснять, как это случилось. В соответствии с разработанным ночью планом Зальцман и Оливер направились по следу убежавших туземцев. Маглио снова поднял скутер и выписывал в небе круги, высматривая толпу.

– Они в двух километрах от вас, – протрещал в наушниках его резкий голос. – Примите немного вправо... то, что надо!

Зальцман, кряхтя, взбирался по склону горы. На уступе он задержался и подал Оливеру руку.

«Недели невесомости ослабили мускулатуру», – подумал он.

В небе кружил маленький скутер Маглио. Вокруг простирался красный лес, над кронами деревьев кое-где торчали неровные вершины гор.

– Движутся в прежнем направлении, – сообщил Маглио. – Их около двухсот. Идут в другую часть леса.

Земляне продолжали преследование. Зальцману казалось, что двое взрослых мужчин должны передвигаться быстрее, чем жители целой деревни, среди которых – и женщины, и старики. И все же космонавты не могли не только догнать туземцев, но и даже сократить дистанцию.

– Алло, шеф, – радировал Маглио. – Кажется, я придумал, как вам срезать угол. Возьмите правее на следующей прогалине...

Прошел еще час. Они с трудом продвигались по извилистому пути. Судно Маглио висело в небе, но так, чтобы не выдать их местоположение. Солнце нагревало пластиковые

скафандры, пока они карабкались по скалам и продирались сквозь заросли.

– Ну и что это такое, – проворчал Оливер. Он исчерпал запас бранных слов на туземцев, обзывая их кем угодно, только не человеческими существами. – Я бы мог остаться в Монтане и заниматься тем же самым. Господи, мы запулили консервную банку за шестнадцать световых лет только ради того, чтобы найти кого-то родом не с Земли и просто поговорить. Пришли подружиться, а они шарахаются от нас, как пугливое стадо…

– Алло, шеф, – протрещал Маглио. – Они, должно быть, засекли ваше местоположение! Они повернули и снова удаляются от вас!

– Засекли? – гаркнул Зальцман в головной телефон. – Снова? Каким образом?

– Я не знаю, – сказал голос Маглио в наушниках. – Но могу поклясться, группу не покинул ни один человек.

– Ты уверен, что внизу нет кого-то еще, кого ты не видишь? – спросил Зальцман, усаживаясь на землю.

– Уверен на сто процентов. Лес здесь редкий. Я бы заметил и кошку. И насколько я… Шеф, вы сидите?

– Да, а что?

– Они все уселись несколько секунд назад!

Зальцман вскочил на ноги, дернул за плечо Оливера и побежал.

– Они встали, – сообщил Маглио. – Бегут… остановились… снова сели.

Зальцман тоже уже сидел.

– Связь налицо, – прошептал он Оливеру. – Либо у них датчики в каждом дереве, либо они телепаты!

Маглио подобрал товарищей и направил скутер домой. Оливер сидел притихший, как побитая собака. Зальцман непрерывно матерился, постукивая кулаком по ноге. Это удерживало его от того, чтобы не сорвать зло на Оливере и Маглио. Забраться в такую даль – и найти стадо кроликов-телепатов, маскирующихся под людей!

К тому времени, как они вернулись на корабль, Зальцман успокоился. Он был полон решимости сохранять самообладание, что бы ни случилось. Да пусть хоть деревья начнут разбегаться – больше его ничто не удивит.

После ужина космонавты спустились на землю и растянулись на фиолетовой траве возле корабля. Они не стали надевать скафандры ввиду отсутствия каких бы то ни было угроз, но на всякий случай прихватили бластеры.

– Я заметил там кое-что еще, – сообщил Маглио. – Они были похожи на зверей и тоже удирали как сумасшедшие, стоило вам приблизиться на километр-два. И еще пару птиц. Но в радиусе километра от вас не было ни одного живого существа.

– Наверное, тут все телепаты, – предположил Зальцман. – Это многое объясняет. Но, если они могут читать наши мысли, то почему убегают? Они должны знать, что мы пришли с добрыми намерениями. – Он замолчал, потом грозно взглянул на Маглио. – А может, это ты слишком много думаешь об их женщинах?

– Кто, я? – возмутился Маглио. – Да ни в коем случае. Я думаю о своей подруге. Я ей верен. Понятно?

– Если они читают наши мысли, – продолжил Зальцман, скорее рассуждая вслух, нежели обращаясь к другим, – то должны знать, что мы пытаемся с ними подружиться. Мы не собираемся колонизировать планету. Мы не будем их обкрадывать. Мы не можем взять на борт даже пару килограммов лишнего веса. Мы здесь для того, чтобы, черт возьми, навести мост между звездами. Просто поговорить. Что с ними не так?

– Может, просто хотят, чтобы их оставили в покое? – предположил Оливер.

– Тогда зачем убегать? Просто не обращали бы на нас внимания. Нет, мне кажется, они чего-то боятся.

– Монстров, – подсказал Маглио.

– Да, но это если бы они не могли читать наши мысли. Мы не ангелы, но наши намерения чисты. – Зальцман снова задумался, опустив голову.

– Завтра, – сказал он наконец, – займемся поимкой туземца. Раньше мы не знали про телепатию. Но теперь мой план сработает. – И он вкратце объяснил, что они будут делать. В заключение коротко добавил: – А теперь – спать.

Лежа в койке, Зальцман пытался соединить части головоломки. Бесполезно. Но он точно знал: завтра все выяснится. Главное – поговорить с туземцами.

Разумная жизнь! Вот что было важнее всего. Идея контакта завладела им с самого детства. Иначе бы он не отправился в космос, чтобы провести изрядную часть жизни в железном сфероиде.

Сон все не шел. Зальцман ворочался час или больше, пытаясь найти удобное положение. Наконец, думая о сербенах, вистиях, юфангах Маглио и полчищах инопланетян Оливера, он задремал.

И оказался в лесу. Вот только лес был другой. Нежные красные, розовые, фиолетовые оттенки исчезли, все стало кроваво-красным. Кровь капала с листьев, корни и ветви сочились кровью. За ним гналось ужасное уродливое создание. Оно ревело и стонало, с треском проламываясь сквозь кустарник, то поднимаясь на две ноги, то по-собачьи опускаясь на четыре. Дистанция между ними неуклонно сокращалась, пока…

Зальцман проснулся и выругался.

– В чем дело? – спросил Оливер с соседней койки.

– Кошмар приснился. Наверное, от переизбытка впечатлений.

Сон взволновал Зальцмана. Он не видел сны целый год, а кошмары и подавно, с самого детства. Возможно, всему виной истории Маглио о монстрах.

Наконец он снова заснул.

Утро было жарким, как и накануне. Космонавты быстро забрались в скутер.

– Думайте о чем-нибудь приятном, – насмешливо сказал Маглио, когда они поднялись в воздух. – Например, о кружке пива в компании дочери вождя. Если, конечно, у туземцев есть вождь с дочерью и пиво.

– Неудивительно, что они бегут, едва уловив твои мысли, – заметил Оливер. Маглио улыбнулся и подмигнул.

Зальцман рассматривал проплывающий внизу красный лес. Они мчались в район, выбранный накануне. Он пытался представить, что скажет, когда они поймают туземца. По какому праву они заставляют людей покидать дома и метаться, как зайцев, по лесу? По какому праву преследуют их и вынуждают говорить?

По какому праву? Да по такому! Они пролетели шестнадцать световых лет, чтобы установить контакт с братьями по разуму. Земля с нетерпением ждет результатов миссии. Они посвятили себя работе, которая стала для них смыслом жизни.

По какому праву? По праву интеллекта устанавливать контакт с другими интеллектами, чтобы обмениваться информацией, к обоюдной пользе.

Но эти дураки разбегаются, как испуганные овцы. Неужели среди них ни одного смелого мужика?

– А вот и мы, – сказал Маглио, когда они промчались над деревней. – А вон и они.

– Начинаем облаву, – распорядился Зальцман.

Скутер спустился к деревьям, потом спикировал прямо на туземцев. Те разбегались в безотчетном ужасе. Зальцман увидел, как мужчины, не в силах справиться с паникой, обгоняют женщин и детей.

– Сбрось Оливера перед ними, – приказал он.

Скутер пролетел над толпой, и через сто метров Оливер спрыгнул вниз с парашютом. Туземцы как по команде развернулись и помчались в обратном направлении.

– Теперь меня с фланга. – И Зальцман тоже спрыгнул вниз. Управляя потоком воздуха, он приземлился на открытом месте, отцепил парашют и побежал вперед.

– Приземляюсь с другого фланга, – сказал Маглио в наушниках. – Мы заблокировали их с трех сторон. С четвертой – отвесная стена.

Всё как запланировали вчера вечером. Скутер нырнул к земле и лихо развернулся, согнав туземцев вместе, как стадо баранов. Зальцман бежал к толпе, продираясь через подлесок. Он уже слышал, как они тяжело дышат и стонут в нескольких сотнях метров перед ним.

На бегу он на всякий случай расстегнул кобуру.

И вдруг резко остановился.

– Оливер, Маглио, быстро сюда! Ко мне идет один из них!

Туземец приближался нетвердой походкой, поскальзываясь, падая и снова поднимаясь. Он не был похож ни на один из портретов, которые они видели в покинутых домах. Только не в том состоянии, в котором он находился в данный момент. Его лицо было искажено мукой, по телу пробегали судороги, грозившие переломать кости. Мертвенно-бледную кожу покрывали пятна, похожие на злокачественные опухоли. Туземец больше напоминал труп, нежели живое существо.

Оливер и Маглио подбежали и встали в нескольких шагах позади Зальцмана.

Туземец остановился в трех метрах, и Зальцман почувствовал в голове странный зуд. Потом зуд исчез и вместо него появилась мысль: «Уходите».

– Почему? – вслух спросил Зальцман.

– Вы убиваете наш разум. Берите что хотите и уходите.

– Мы пришли как друзья, – произнес Зальцман успокаивающим тоном. – Мы не хотим причинять вам вред и не хотели нарушать ваши табу. Если вы больны, на корабле есть лекарства… мы можем вас вылечить…

Туземец рухнул на колени:

– Вы лишаете нас рассудка.

– О боже, – охнул Оливер. – Мы что, притащили с собой заразу?

– Нет, – послал мысль туземец. – Все дело в ваших мыслях. Они очень яркие и кровожадные. Слишком страшные, чтобы их вынести... Ваш разум болен, и эта болезнь поражает нас, когда мы вступаем в контакт...

– Наши мысли? – переспросил Зальцман. Он оглянулся на Оливера и Маглио. Неужели у кого-то из них нездоровая психика? А может, у него самого? Он тут же отбросил эту мысль: перед полетом они прошли тщательное обследование на вменяемость и психическую устойчивость. Нездоровые люди не проникли бы в экипаж.

Туземец терял силы на глазах, но уловил мысль.

– Нет, – подумал он. – Все ваши мысли. И те, что позади, тоже.

Позади? Что это значит? Зальцман задумался, не сводя глаз с задыхающегося туземца.

– Вы чудовища, – пришла слабеющая мысль туземца. – То, что в ваших головах, отвратительно. Твари, поедающие глаза... это ужасно... и другие...

– Космические байки! – ахнул Оливер. – Ты неправильно нас понял, друг. Это не более чем...

– Нет! – рассердился туземец. – Не эти, другие. Те, что позади! Ужасы в ночи. То, о чем вы сами не думаете, потому что иначе они бы свели вас с ума и убили. Истекающий кровью лес!

Зальцман уже догадался, о чем говорит туземец, но не хотел в это верить. Да только выбора не осталось.

– Он имеет в виду наше подсознание, – медленно проговорил он.

– Да, – пришла мысль туземца. – Это правильно. Вещи, о которых вы не позволяете себе думать, потому что они отвратительны. А вот мы... мы не можем не думать о них, когда вы близко.

Он хотел сказать что-то еще, но тут он перестал себя контролировать. Мгновение ничего не происходило. А потом на землян обрушился мощный поток из обрывков безумных мыслей. Тут были все монстры Маглио, вылезающие с визгом и клекотом из безумного сознания. Покрытые черно-оранжевой чешуей юфанги. Орды захватчиков Оливера, прокладывающие путь через кровоточащий лес из сна Зальцмана и ведомые безликой тварью, захлебывающейся от ненависти ко всему живому. А следом из глубин сознания выползали огромные осклизлые существа, воплотившие в себе все опасения и страхи мальчишек, растущих на кишащей суевериями Земле. Чудовища, которые прячутся в безлюдных ночных переулках, жуткие создания, которые ухмыляются из-за дверок шкафа, когда родители спят. А за ними, из самой глубины детской памяти, подслеповато косясь...

Земляне бежали, всхлипывая и спотыкаясь. И до самого скутера их преследовало безумие. Маглио сорвал маленький корабль с места и бросил вверх, не дожидаясь, пока Оливер полностью заберется в люк. Зальцману пришлось затаскивать его внутрь, когда скутер уже с ревом набирал высоту.

Долгое время казалось, что Оливер и не думает выходить из прострации. Он не разговаривал и не двигался, уставясь в одну точку невидящим взглядом. Зальцман не очень-то разбирался в психиатрии, поэтому испробовал народное средство: плеснул инженеру в лицо воды из чашки и хлопнул ладонью по спине. Грубая шоковая терапия сработала.

– Ну, ты как? – спросил Зальцман.

– Они не могли подпустить нас к себе, – проговорил Оливер тусклым голосом. – Не могли вынести ужасные мысли из закоулков нашей памяти. – Он поднялся на ноги, опираясь на руку Зальцмана. – Даже звери не могли вытерпеть наше присутствие.

– Постарайся забыть об этом, – посоветовал Зальцман. – Мы не виноваты.

– Только представьте, – продолжал Оливер тем же тусклым голосом. – Мимолетного отражения нашего подсознания было достаточно, чтобы сделать нас невменяемыми. А они воспринимали его в полном объеме.

– Забудь об этом.

– Я противен самому себе!

– Да заткнись ты! – крикнул Маглио.

Бортинженер еще некоторое время смотрел в пустоту, потом попробовал улыбнуться. Маглио насвистывал что-то немелодичное, пока они готовились к старту.

– Шеф, поищем другую звезду класса G и другую планету?

– А надо ли? – вздохнул Зальцман.

МУЧЕНИК

Фрэнк Кадена рассматривал красную точку, которую оставил шприц для подкожных инъекций.

– Я ничего не чувствую, – произнес он.

– Ты и не должен, – сказал доктор Меллен. – Отсутствие ощущений – самое верное ощущение, – шутливо добавил он.

Доктор Меллен был намного крупнее Кадены, от него исходила уверенность, его большие бледные руки пахли спиртом и щелочным мылом.

Его коллега, доктор Сантазье, сидел за столом. Это был угрюмый худощавый мужчина невыразительной внешности. Не обращая внимания на Кадену, он доставал из маленького черного саквояжа и нервными движениями раскладывал перед собой, словно инструменты на операционном столе, разные предметы: пистолет люгер, глушитель, коробочку пилюль, опасную бритву и газовый баллончик.

– Я действительно ничего не чувствую, – повторил Кадена. – Может, не подействовало.

– Не волнуйся, – сказал Меллен профессиональным, успокаивающим тоном.

Доктор Сантазье достал из нагрудного кармана носовой платок и протер рукоятку люгера. Потом другой стороной платка сосредоточенно протер пенсне.

Кадена подошел к окну. Они были дома у доктора Меллена. Место казалось вполне подходящим для заключительной фазы эксперимента. Перед домом раскинулась широкая зеленая лужайка. Вдоль извилистой подъездной дороги росли дубы. Воздух наполняло чириканье ссорящихся воробьев.

Кадена облизнул губы и потер красную точку на предплечье.

– Ну что, приступим? – предложил Сантазье.

– Нет-нет, стойте! – встрепенулся Кадена. – Вдруг средство еще не подействовало.

– Оно действует мгновенно, – заверил доктор Меллен дружеским, но слегка снисходительным тоном.

– Пусть поработает еще немного, – взмолился Кадена. – Пять минут!

Доктор Сантазье нахмурился:

– С каких это пор пациент диктует врачу, что ему делать?

– Ничего страшного, – махнул рукой доктор Меллен. – Подождем несколько минут, если это добавит Фрэнку уверенности.

– Добавит, – сказал Кадена. – Определенно добавит. – Он начал вышагивать взад-вперед по комнате, бессознательно потирая красную точку на руке.

– Натрешь, будет раздражение, – машинально заметил доктор Сантазье.

Кадена чуть не расхохотался.

– Очень серьезная для меня проблема. Да? Или это и правда может мне повредить?

– Никоим образом, – сухо ответил Сантазье и начал протирать носовым платком опасную бритву.

Кадена еще некоторое время курсировал туда-сюда. Потом резко остановился и сказал:

– Можете вы, ради бога, перестать играться с бритвой?

– Только без истерик, Фрэнк, – попросил доктор Меллен.

– Скажите ему, чтобы не игрался с этой чертовой бритвой.

– Он прав, – согласился доктор Меллен. – Не следует показывать пациенту операционные инструменты.

Доктор Сантазье положил бритву на стол и негнущимся указательным пальцем пододвинул ее в один ряд с люгером, глушителем, немаркированной коробочкой пилюль и газовым баллончиком.

– Хватит играть с этой чертовой бритвой! – крикнул Кадена. – У вас будет возможность испробовать ее в деле. Очень скоро. Через пять минут! А пока не трогайте.

– Фрэнк, возьми себя в руки, – сказал доктор Меллен. – Сядь. Расслабься. Попробуй успокоиться.

Худое лицо Кадены блестело от пота. Он рухнул в кресло и обессиленно закрыл глаза.

На столе тихо жужжал электрический будильник, секундная стрелка неумолимо ползла. Глаза Кадены открылись.

– Не надо ко мне подкрадываться, – сказал он.

– Никто к тебе не подкрадывается. – Доктор Меллен начал терять терпение. – Думаю, Фрэнк, пора.

– Еще пять минут!

– Отсрочка расстроит тебя еще больше. Давай покончим с этим.

Доктор Сантазье встал, снял пиджак и засучил рукава.

– Какой способ предпочитаешь, Фрэнк? – спросил доктор Меллен.

– Никакой. Ни один из этих...

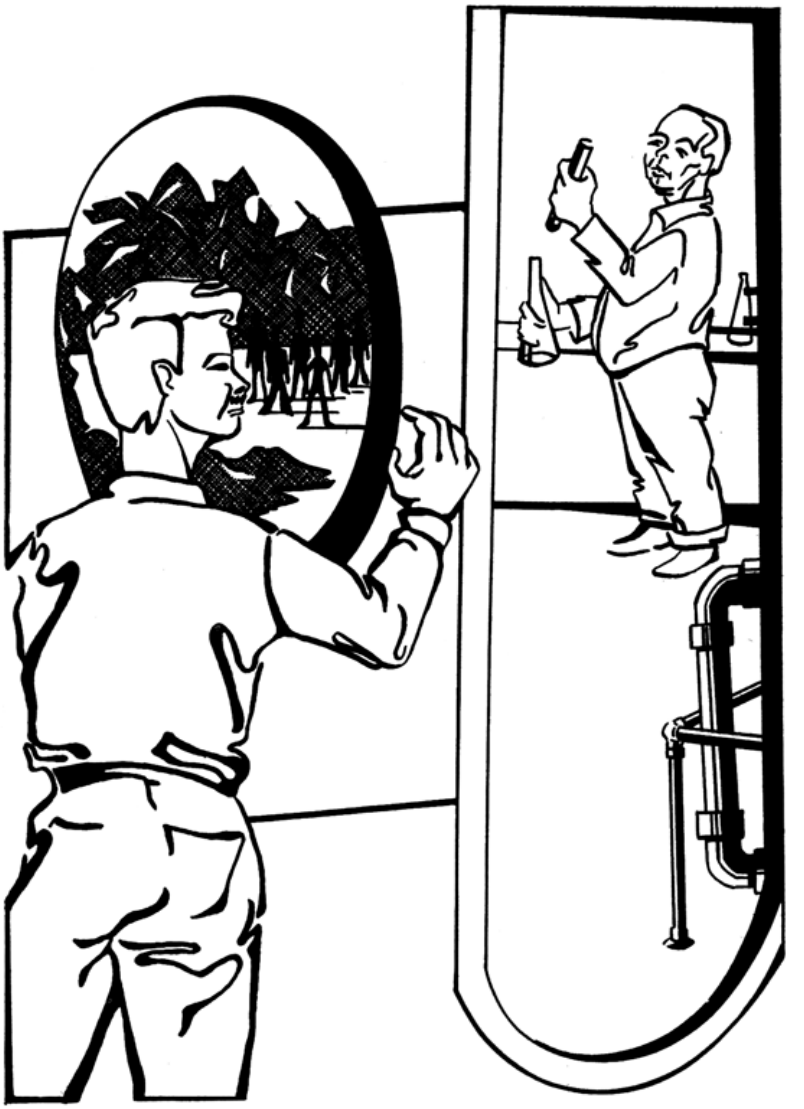
– Что ж, тогда приступим, – твердо сказал доктор Меллен. – У тебя отличный выбор. Эти пилюли безвкусны. Газ пахнет сильно, но не противно. Хотя, возможно,

простейший способ – вскрыть вену на запястье, по опыту древних римлян.

– Расскажите еще раз про сыворотку, – попросил Кадена.

– Опять? Право, не знаю...

– Расскажите еще раз. Пожалуйста.



– Хорошо. В соответствии с соглашением я ввел тебе сыворотку, разработанную мной и доктором Сантазье. Сыворотка развивает способность к полной и мгновенной регенерации.

– Говорите прямо! Это – сыворотка бессмертия! Именно так вы ее называли раньше.

– Ну, если ты предпочитаешь такую терминологию.

– Я бессмертен! – воскликнул Кадена.

– Нет оснований думать иначе. Осталось последнее испытание, оно необходимо в интересах науки. Фрэнк, выбирай способ...

– Но откуда мне знать, что все так и есть? – спросил Кадена. – Как я могу быть уверен?

– Мы проверяли это много раз, – объяснил доктор Сантазье. – Сыворотка работает на гвинейских свиньях, на кроликах и макаках-резусах. Результат ты видел лично. Мы не смогли их убить ни одним из предлагаемых нами способов.

– Но я же не обезьяна, – возразил Кадена. – Я человек. Откуда мне знать, что сыворотка сработает и на мне? В этой истории много такого, чего я не понимаю.

Доктор Меллен протянул ему коробочку с пилюлями:

– Фрэнк, проглоти две штуки.

Кадена взял коробочку в руки:

– Риск, на который я иду, стоит гораздо больше, чем паршивая тысяча долларов.

– Тысяча долларов плюс бессмертие.

– Значит, я уже бессмертен, – медленно проговорил Кадена. – Вы уверены?

– Без сомнений.

– Но я не чувствую никаких изменений. Ощущения те же, что и всегда.

– Фрэнк, прими пилюли, – настойчиво повторил Меллен. – Или предпочитаешь бритву?

– Забудьте о чертовой бритве. – Кадена снова подошел к окну. Оглядел зеленый газон и могучие дубы, повернулся, глубоко вздохнул и сказал:

– Можете забрать свои деньги.

– Что?

– Я умываю руки. Бессмертие или внезапная смерть – ставки слишком высоки. Сложно это понять?

– Фрэнк, прими пилюли, – решительно произнес Меллен.

Кадена швырнул коробочку с пилюлями через всю комнату и направился к двери. Меллен схватил люгер, надел глушитель и крикнул:

– Фрэнк, стой! Не вынуждай меня стрелять по ногам!

Кадена повернулся:

– Нет, док! Нет!

Меллен принял стойку, щелкнул предохранителем и прицелился.

– Док, ради бога…

– Не двигайся, Фрэнк. Пусть выстрел будет чистый.

Кадена замер с открытым ртом и загипнотизированно смотрел, как белеет палец Меллена на спусковом крючке. Потом попытался закричать. Люгер сухо щелкнул. Кадену отбросило к двери, он судорожно дернулся и осел на пол.

– Превосходный выстрел, – похвалил коллегу Сантазье. – Прямо в сердце.

– Я немного тренировался в стрельбе по мишеням, – сказал Меллен. – Главное – надежный захват. И плавный спуск, конечно.

– Конечно, – согласился Сантазье. – Я заметил, тебе даже не понадобилось поддерживать второй рукой.

– На такой дистанции это не нужно. Кроме того, люгер хорошо сбалансирован – подойдет кому угодно.

– Ладно. Не скромничай. Не пора ли проверить пациента?

Вдвоем они приподняли тело Кадены и прислонили к стене.

– Рана уже затянулась! – ахнул Меллен.

– Пульс устойчивый… дыхание в норме.

– Изумительно! – воскликнул доктор Меллен. – Полный успех. Зря он переживал.

– Смотри, открывает глаза.

Веки Кадены затрепетали. Потом он широко открыл глаза.

– Ну, Фрэнк, старина, – задушевно произнес Меллен. – Надеюсь, ты не злишься на нас?

– Это была часть сделки, – напомнил Сантазье.

– С тобой все хорошо. Ты в полном порядке. Ты действительно бессмертен! И теперь, Фрэнк, это доказано.

Тот смотрел на них и не отвечал.

– Ну же, Фрэнк, – не отставал Меллен. – Какой смысл сердиться на нас? Расскажи! Каково это – вечная жизнь?

Струйка слюны сбежала по подбородку Кадены. Его руки беспомощно перебирали воздух, потом неуверенно потянулись к дорожке солнечного света на полу.

– Фрэнк!

Пальцы сомкнулись на желтой полосе, руки подняли пустоту. Кадена посмотрел на пустые руки и заплакал.

– Психическая травма, – вздохнул доктор Сантазье. – Не повезло.

Доктор Меллен поднялся с хмурым видом.

– По-моему, полная идиотия. В результате шока от выстрела…

– Очевидно, что так.

– Он – мученик науки.

– Да. Но теперь у нас на руках идиот. Бессмертный идиот. Что с этим делать?

Доктор Меллен на мгновение задумался. Потом его лицо просветлело.

– Ну, это же очевидно, доктор. Мы начнем поиск противоядия. Чтобы освободить бедного Фрэнка от мучений.

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат

имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все

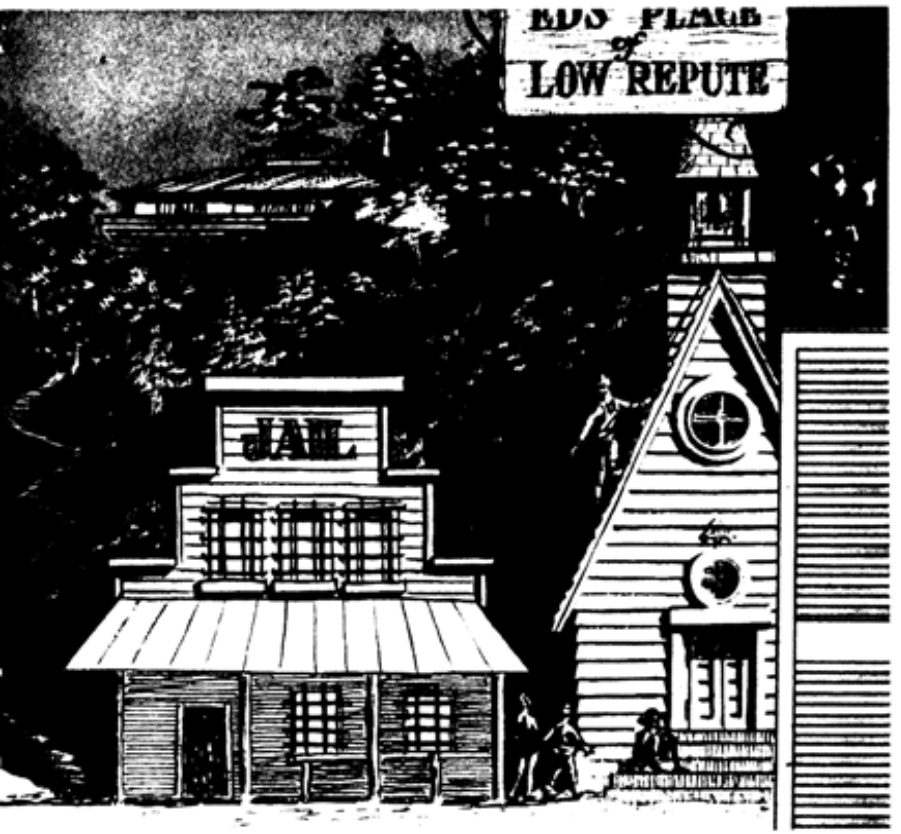
три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился



мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого маленького школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сад.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарища! Что бы этому инспектору

прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с Альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то, как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

— Как вы сказали? — обеспокоено спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем вам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно — я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня и узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано: «Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом сказал:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в

дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что, — раздраженно сказал Джед Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джед. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи. Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тоща все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела,

наиболее подходящее место для краж будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывающий ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «... надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дур-

ной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перриколы.

Эд Пиво нацелил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь вместо того, чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, посемейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, пробормотал он. — Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан. Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но, когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том. Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой. «Том?» — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец. А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг как начальника полиции, — продолжал Билли, охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнув в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания. Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку. Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэру.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Ладно, я постараюсь, — согласился Том.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен

собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?!

А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд- гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. — Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще и грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, а в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли.

Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующие утро Том пошел поглядеть, как продвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее, тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно.

— А то, как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорило. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр, — убийство единственное, в чем мы проявляем отсталость.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь. Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. Прочти любую книгу.

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда. Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли. Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, сказал Том, вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя в небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои

мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

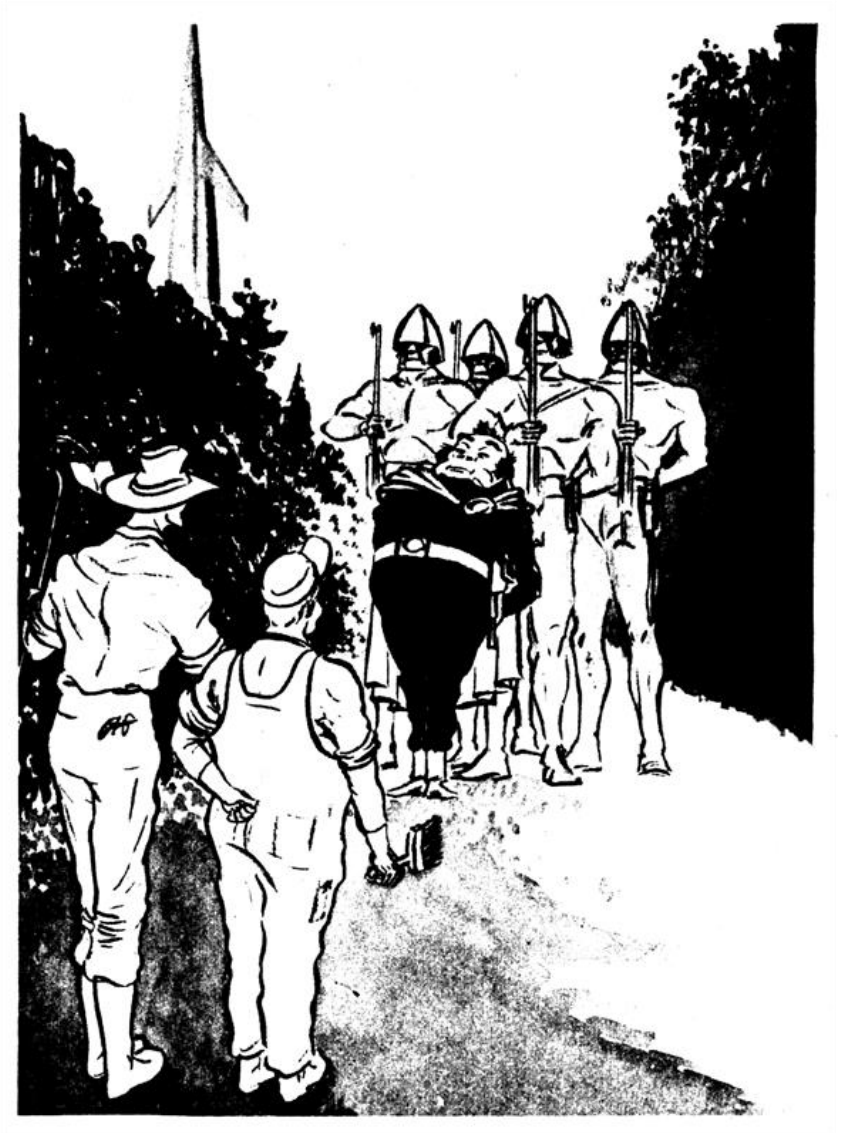
— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.



Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, генерал, — сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. — Я инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами, отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах. Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически. Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. «Спасибо», — сказал Том, опешив от удивления. — Ты совсем не обязана это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно кроме них никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра. Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком переулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то, кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь. Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский

мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — удивился Том.

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог

отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто- то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать, чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет

Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял, да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца»! Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том.

Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ... весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее забыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к

плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Тем прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении.

Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие наизготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали — это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, — сказал мэр. — Я подумал, что, если уж кто-нибудь из нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать...

— Опасная зараза... — весь дрожа, пробормотал мистер Грент. — Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маляр. — Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы половины того, что ты.

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват. Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну, ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восьмидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было

герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

«Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами» — подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью в тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — отвечал Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное убежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

«Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо» подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немножко усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорее отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта

неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — раздумчиво проговорил Клейтон. — Как, по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожней!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это громыхала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благославлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра — и вскоре обогнал Зверя.

Вот счастливчики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал — тут-то он и заглох. Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — отвечал Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт! Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от

усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и, если бы не кислородная маска — непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда, бывало, нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямиком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он

делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как по льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал, чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и. умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

— Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И, однако, он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов...

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса, с одной стороны, поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая

кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать. Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился, как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; С оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но, верно, ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной

цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменил направление — верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон,

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь, да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем?

— Куда?

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, — это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — равнодушно отвечал Сманик.

Что-то из этого выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ. НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ, Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы,

хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. Хороша-то она хороша, подумал он, да только кроме меня ее читать некому.

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того, как последний палец нажал последнюю кнопку; автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на

несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели, — но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся. Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру дворцы, — выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал — те же горы и долины, — но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но

кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что они непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет, — сказала она, заходя в пещеру. — Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал, — сказала она, — но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет, — неуверенно пробормотал он. — Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище. — Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. — Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил? Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая, — бросила она. — Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, была там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, пожаловалась она. — Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, — пояснил он. — Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил, — рассмеялась она. — Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты

открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых, — признался он. — Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практично поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея. — Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. — Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, — удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, показала она на стул и стену, — зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно, — попросил мужчина. — Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно, — улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. — Одолжи-ка мне расческу и, будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей

он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

— Жмут немного, — заметила она, примеривая обновку, — да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить, — нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах, — хмуро произнес он. — А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому что, если мое сознание обо всем узнает, — упрямо продолжил он, оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные.

Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор, — признал он. — И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты настоящая, — упрямо повторил он. — Я не знаю, какие штучки способно выкинуть, мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь, — отрывисто произнесла она. — Надоело слушать эту чушь.

Я ее обидел, понял он. Нас на Земле всего двое, а я ее обидел. Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тысячи и одной ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое, — напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — Коснись и убедишься, что все настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, — так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. — Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня, — сказала она, подавшись ближе. — Я настоящая. Она обняла его. — Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю, — медленно произнес он. — Я люблю тебя. Как... как тебя зовут? Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а его город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию, — напомнил он.

— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская увертка!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Думаю, началось это давно. Гораздо раньше, чем засуетились астрономы, и уж точно задолго до того, как об этом узнал я. Насколько давно – не представляю: может, тысячи лет назад, а может, и больше. Сам я узнал об этом одним мартовским вечером из газеты.

Джейн хозяйничала на кухне. Я устроился в большом мягком кресле и просматривал передовицы – милитаристская болтовня, рассуждения о контроле над инфляцией. Потом пробежался по разделу самоубийств и по разделу уголовной хроники. Пролистывая последние страницы, я наткнулся на небольшую заметку.

«Астрономы теряют звезды» – гласил заголовок. Судя по фамильярному стилю, это была типичная бульварная беллетристика. «Доктор Вильгельм Менцнер из обсерватории Сан-Джейн не может отыскать некоторые звезды Млечного Пути. Такое впечатление, говорит доктор Менцнер, что они попросту исчезли. Многочисленные фотографии звездного неба подтверждают: многие неяркие звезды пропали с небосвода. Они были на небе еще совсем недавно – судя по фотографиям, сделанным в апреле 1942 года...» Дальше автор перечислял пропавшие звезды – их названия ничего мне не

говорили – и отечески журил ученых за рассеянность: только представьте, писал он, потерять нечто такое огромное, как звезда. Впрочем, волноваться не стоит, подытоживал журналист, звезд на небе еще много.

Заметка в тот момент показалась мне забавной, хоть и сомнительной по стилю. Я не очень хорошо разбираюсь в науке – я торговец одеждой, – но ученых я всегда уважал. Стоит только посмеяться над ними, и они тут же придумывают какую-нибудь гадость вроде атомной бомбы. Лучше уж относиться к ним с почтением.

Не помню, показал я заметку жене или нет. Если и показал, значит она ничего не сказала.

Жизнь текла своим чередом. Я ездил в свой магазин на Манхэттен и возвращался домой в Куинс. Через несколько дней появилась другая статья. Написал ее доктор наук, и фамильярным стилем здесь и не пахло. В статье говорилось, что звезды с огромной скоростью исчезают из нашей галактики Млечный Путь. Обсерватории обоих полушарий подсчитали, что за последние пять недель пропало несколько миллионов далеких звезд.

Я вышел на задний двор и посмотрел на небо. Мне показалось, что все в порядке. Млечный Путь – на привычном месте, густо пачкает небосвод, как и всегда. Немного в стороне – Большая Медведица. Северная звезда по-прежнему указывала на Вестчестер.

Земля под ногами была мерзлая и твердая, как камень, но воздух уже не такой холодный. Скоро придет весна, а с ней и весенние коллекции одежды. По другую сторону моста Куинсборо сияли огни Манхэттена, и это окончательно меня отрезвило. Главная моя забота – одежда, поэтому я вернулся в дом, чтобы заняться делом.

Через несколько дней история о пропавших звездах добралась до первых полос. «ЗВЕЗДЫ ИСЧЕЗАЮТ! – кричали заголовки. – ЧТО ДАЛЬШЕ?»

Из статьи я узнал, что, оказывается, Млечный Путь теряет по несколько миллионов звезд в день. Другие галактики, по-видимому, не пострадали, хотя никто ничего толком не знал. Но из нашей галактики звезды выбывали определенно. Большинство из них – такие далекие, что разглядеть их можно только в мощный телескоп. А вот то, как они исчезают, разом и сотнями, мог увидеть любой зрячий. Это был не взрыв и не медленное угасание. Нет. Просто – раз! – и звезды как будто и не было.

Автор статьи, профессор астрономии, подчеркивал, что на самом деле мы видим не исчезновение звезд, а то, как иссякает их свет. Сами звезды, очевидно, погасли сотни миллионов лет назад, а свет от них еще долго летел сквозь космическое пространство. Сотни миллионов лет... кажется, так было в статье. Хотя, возможно, и тысячи миллионов.

Статья не касалась причин происходящего.

Поздно вечером я вышел посмотреть на небо. Все соседи высыпали на свои участки. И действительно, в бесконечной россыпи звезд я мог видеть, как гаснут маленькие крапинки света. Они были едва заметны. Если не смотреть прямо на них, то никаких изменений и не увидишь.

– Джейн! – крикнул я в открытую дверь. – Иди посмотри!

Жена вышла и подняла голову. Уперев руки в бока, она хмурилась, будто ее оторвали от важного дела.

– Ничего не вижу, – заявила она наконец.

– Присмотрись повнимательней. Выбери кусок Млечного Пути и наблюдай за ним. Вот, только что погасла! Видела?

– Нет.

– Следи за мерцающими точками, – сказал я.

Но Джейн так ничего и не увидела, пока соседский сын Томас не дал ей подзорную трубу.

– Вот, миссис Остерсен, попробуйте, – сказал он. К груди он прижимал три или четыре подзорные трубы, пару биноклей и стопку карт звездного неба. Ничего себе ребенок. – Вы тоже, мистер Остерсен.

В подзорную трубу я увидел это совсем четко: точка только что светилась в темноте и вдруг – раз! – исчезла. Очень странно.

В тот момент я впервые ощутил тревогу.

Джейн же отнеслась к этому совершенно безразлично. Она вернулась на кухню.

Катаклизмы катаклизмами, а торговля должна идти своим чередом. Правда, я поймал себя на том, что покупаю газеты четыре или пять раз на день и держу радио в магазине включенным, чтобы быть в курсе последних новостей. Все остальные поступали так же. Разговоры о звездах выплеснулись на улицы.

Газеты предлагали всевозможные объяснения. Страницы пестрели научными статьями о красном смещении, межгалактической пыли, эволюции звезд и оптических обманах. Психологи доказывали, что исчезнувших звезд вообще никогда не было, что это была только иллюзия.

Я не понимал, чему верить. Единственную, на мой взгляд, осмысленную статью написал журналист, специализирующийся на проблемах общества. Ученым его уж точно не назовешь. По его мнению, в галактике кто-то затеял генеральную уборку.

У малыша Томаса на этот счет была собственная теория. Он считал, что это козни захватчиков из другого измерения – якобы они засасывают нашу галактику, как пыль в пылесос, чтобы переместить к себе, в другое измерение.

– Это же очевидно, мистер Остерсен, – объяснял мне Томас как-то вечером. – Они начали засасывать звезды с той стороны Млечного Пути и теперь подбираются к центру. До нас они дойдут в последнюю очередь, потому что мы на самом краю.

– Да уж… – вздохнул я.

– К тому же, – добавил он, – «Удивительные факты и сверхъестественно-научные истории» придерживаются

такой же точки зрения, а они лидеры в области научной фантастики.

– Но они не ученые, – возразил я.

– Ну и что? Ведь они предсказали подводную лодку задолго до ее появления. И самолеты, когда ученые еще спорили, может ли шмель летать. А ракеты, радары, атомные бомбы? Они оказались правы и насчет них тоже.

Он перевел дыхание.

– Кто-то должен остановить захватчиков, – добавил он убежденно и вдруг косо посмотрел на меня. – Они путешествуют сквозь измерения, а значит могут принимать человеческий облик. – Он снова взглянул на меня, на этот раз с явным подозрением. – Любой может оказаться одним из них. Например, вы.

Я заметил, что малыш Томас нервничает, а может, уже подумывает сдать меня какой-нибудь комиссии, поэтому угостил его молоком и печеньем. Он, правда, насторожился еще больше, но тут уж ничего не поделаешь.

Газеты принялись за обсуждение той же самой фантастической версии, что рассказал мне малыш Томас, только дополнительно приукрасив ее. Какой-то парень заявил, что знает, как остановить агрессора. Захватчики предложили ему возглавить какую-нибудь небольшую галактику в обмен на согласие сотрудничать с ними... Разумеется, он отказался.

Возможно, это прозвучит глупо, но небо начало пустеть. Люди во всем мире говорили глупости и совершали глупые поступки. Мы начали задаваться вопросом: когда же погаснет наше солнце?

Каждый вечер я смотрел на небо. Звезды гасли все быстрее и быстрее. Количество исчезнувших звезд возрастало в геометрической прогрессии. Вскоре маленькие огоньки на небе стали гаснуть с такой скоростью, что их невозможно было сосчитать. Теперь их исчезновение можно было наблюдать невооруженным глазом – эти звезды находились ближе к нам.

Через пару недель от Млечного Пути остались только Магеллановы Облака, но астрономы объяснили, что они вообще не относятся к нашей галактике. Погасли Бетельгейзе, Антарес и Ригель, следом – Сириус и Вега. Потом исчезла альфа Центавра, наш ближайший сосед. Небо совсем опустело – только редкие точки и пятнышки. И Луна.

Я не знаю, что произошло бы, если б мы не услышали голос. Возможно, все пошло бы иначе, кто знает.

Но голос прозвучал – на следующий день после того, как погасла альфа Центавра.

Первый раз я услышал его по пути в магазин. Я спускался по Лексингтон-авеню от станции «Пятьдесят девятая улица», разглядывая витрины конкурентов. Когда я проходил мимо «Платьев Мэри Бэйли» и прикидывал, как скоро они выставят весенне-летнюю коллекцию, я услышал голос.

Голос был приятный и дружелюбный. Казалось, его источник находился у меня за спиной, чуть выше уровня головы.

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней, – сказал голос. – Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.

Я сразу же оглянулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Я ожидал увидеть высокого, мертвенно-бледного фанатика – этакого сумасшедшего с горящими глазами и развевающейся бородой. Но рядом со мной никого не было. До ближайшего прохожего – не менее пятнадцати метров. В тот момент я решил, что голос мне померещился. Но потом обратил внимание, что все люди на улице недоуменно крутят головами.

Вообще-то, Лексингтон-авеню в девять часов утра весьма оживленное место: толпы людей спешат по своим делам, дети торопятся в школы, гудит метро под ногами, сигналят автомобили.

Но тут на улицу опустилась тишина. Машины остановились там, где ехали, люди замерли на тротуарах.

Ко мне подошел ближайший прохожий, прилично одетый, примерно моего возраста – сорок с небольшим. Он смотрел на меня с подозрением, словно обвинял в хулиганстве. Кажется, я смотрел на него так же.

– Вы это слышали? – спросил он.

– Да.

– Это вы говорили?

– Нет. Может быть, вы?

– Ни в коем случае, – ответил он с негодованием.

Несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Но, мне кажется, мы уже понимали, как и все вокруг, что это не розыгрыш. Особенно после того, как исчезли все звезды.

Подошла симпатичная девушка в меховой шубке. Она была напугана и держалась вызывающе.

– Вы слышали? – спросила она.

– Да, – ответил я. Мужчина подтверждающе кивнул.

– Она что, говорила в громкоговоритель? – спросила девушка.

– Она? – хором переспросили мы.

– Ну, этот женский голос. – Девушка начала сердиться. – Молодая женщина... она еще сказала: «Страшный суд над жителями...»

– Голос был мужским, – возразил мужчина. – В этом я уверен. – Он посмотрел на меня. Я кивнул.

– Да нет же! Это была девушка с легким, но хорошо различимым новоанглийским акцентом... – Она оглянулась по сторонам, словно ища поддержки.

Люди на Лексингтон-авеню начали собираться группами. Народ заполнил всю улицу, насколько хватало глаз. Автомобили не двигались. Водители вылезали из машин, чтобы расспросить про голос.

– Прошу прощения, – обратился ко мне прохожий. – Это только мне послышалось или вы слышали тоже?..

Так продолжалось весь следующий час. Оказалось, что голос слышали все. Но все женщины были уверены, что слышали женский голос, а все мужчины – что мужской.

Наконец я добрался до магазина.

Продавщица Минни и кладовщик Фрэнк были уже на месте. Они включили радио на полную громкость и разговаривали, стараясь его перекричать.

– Мистер Остерсен, – обратился ко мне Фрэнк, как только я вошел. – Вы слышали голос?

Мы обсудили случившееся, но не сообщили друг другу ничего нового. Фрэнк услышал голос, когда был уже в магазине. Минни как раз входила, взявшись за ручку двери. По ее словам, голос принадлежал девушке ее возраста с едва заметным акцентом жительницы Бронкса. Мы же с Фрэнком настаивали, что голос мужской. Правда, я слышал голос мужчины лет сорока – сорока пяти, а Фрэнк уверял, что это был молодой человек лет двадцати с небольшим.

Наконец мы вспомнили о радио, которое надрывалось все это время.

– ...Голос прозвучал во всех регионах страны в девять часов три минуты утра по восточному времени. Этот голос, предположительно принадлежащий... э-э-э... Создателю, возвещающему Судный день, был слышен... э-э-э... во всех регионах страны. – Диктор неуверенно замолчал, потом продолжил: – Вместо нашей обычной программы слово предоставляется преподобному Джозефу Моррисону, который расскажет о... – Диктор помолчал секунду, затем торжественно произнес: – Преподобный Джозеф Моррисон!

Почти все утро мы слушали радио. Преподобный Джозеф Моррисон казался таким же растерянным, как и все остальные. После его выступления начался специальный выпуск новостей. Выяснилось, что голос слышали люди по всей Земле. Голос обращался на разных языках, наречиях и диалектах.

Минни слушала репортажи, которые следовали один за другим, с изумлением, Фрэнк тоже, казалось, был потрясен. Думаю, я и сам выглядел настолько испуганным, насколько позволяло мое невыразительное лицо. Без четверти

двенадцать я решил позвонить жене. Безрезультатно. Я не смог даже связаться с оператором станции.

– ...Возможно, это мистификация, – вещал приемник неубедительным тоном. – Массовые галлюцинации плохо изучены, поэтому их нельзя сбрасывать со счетов. В Средние века...

И тут, прерывая наш разговор и заглушая радиоэфир, снова прозвучал голос:

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.

«Отбытие! – подумал я. – Интересно – куда?»

– Вот! – закричал Фрэнк. – Слышала? Молодой человек!

– Совсем спятил?! – крикнула Минни в ответ. Волосы упали ей на глаза, и она стала походить на драчливого кокер-спаниеля.

– Сама спятила!

Они свирепо уставились друг на друга. Минни, казалось, собиралась швырнуть во Фрэнка кассовый аппарат.

– Успокойтесь, – сказал я. – По-моему, голос разговаривает с каждым на самом понятном для него языке – его собственном.

– Разве такое возможно? – удивился Фрэнк.

– Не знаю. Но это логично. Если бы голос использовал только латынь, иврит или английский, никто бы из арабов или армян его не понял. Оно обращается к каждому на его родном языке и даже диалекте.

– А разве можно называть его «Оно»? – прошептал Фрэнк и оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть ангела возмездия. – Может, лучше говорить «Он»?

– «Она», ты хочешь сказать, – вставила Минни. – Ох уж этот мужской шовинизм: Бог непременно должен быть мужчиной! А ведь женское начало очевидно повсюду, во всем окружающем мире. Ты... ты просто не смеешь говорить «Он», когда... когда...

Минни не была сильна в теоретических выкладках. Она запнулась и замолчала, тяжело дыша и откидывая назад волосы.

Некоторое время спустя мы уже говорили об этом спокойно и слушали радио. Выступали эксперты, их становилось все больше. Потом передали короткие репортажи из разных стран, жители которых слышали второе объявление. В два часа я распустил всех по домам. Какой смысл работать в такой день? К тому же к нам не зашел ни один покупатель.

Когда я добрался до «Бруклин – Манхэттен транзит», подземка работала как обычно, и я поехал домой в Куинс.

– Ты слышал голос? – спросила жена, не успел я войти.

– Конечно. Говорила женщина тридцати пяти лет с легким акцентом жительницы Куинса?

– Точно! – воскликнула она. – Слава богу, мы согласны хоть в чем-то!

Но, конечно, это было не так.

Мы поговорили про голос за ужином и продолжили обсуждение после ужина.

В девять часов вечера объявление прозвучало вновь:

– Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. На этом все.

– Ну вот, – сказала Джейн. – Ясно же, что «Он» на самом деле «Она».

– Думаю, все-таки «Он», – возразил я, и мы отправились спать.

Утром я поехал на работу, хоть и не знаю зачем. Я, как и все, понимал, что все кончено. Просто казалось естественным вернуться к работе – будь то конец света или нет. Бóльшая часть моей сознательной жизни была связана с магазином, и я хотел провести в нем еще один день. К тому же я собирался привести в порядок дела, хотя и знал, что это лишено смысла.

Езда на метро превратилась в тихий ужас. В Нью-Йорке и так-то не протолкнуться, но сегодня, казалось, все Штаты решили воспользоваться нью-йоркской подземкой. Вагоны были набиты до такой степени, что двери едва закрывались. Когда я наконец выбрался на свет божий, то обнаружил на улицах почти такую же толчею. Движение застопорилось, и люди покидали машины и автобусы, отчего толчея только усиливалась.

Фрэнк и Минни уже были на месте. Наверное, их осенила та же мысль – привести в порядок дела.

– Как здорово, что вы здесь, мистер Остерсен, – сказал Фрэнк. – По-вашему, как Он поступит? Я имею в виду наши грехи.

Фрэнку шел двадцать второй год. Я с трудом допускал, что он успел наделать много грехов. И все же они его беспокоили. Судя по тому, как он хмурился и расхаживал по залу взад-вперед, он являлся, как минимум, поборником дьявола.

Минни, насколько я видел, грехи не заботили вообще. Она надела свой лучший наряд – кстати, купленный не в моем магазине, – а ее волосы были чуть темнее, чем вчера. Полагаю, она решила выглядеть перед Всевышним на все сто, будь он хоть мужчина, хоть женщина.

Все утро мы говорили о грехах и слушали радио. По радио тоже много рассуждали о грехах, и у каждого выступающего было свое личное мнение.

Около полудня заглянул Олли Бернштейн.

– Салют, экс-конкурент, – сказал он, стоя в дверях. – Как дела?

– Продал пятьдесят нимбов, – сказал я. – А у тебя?

– А, какая разница! – Он протиснулся боком в дверной проем. – До Страшного суда четыре дня, и всем на все наплевать. Пойдем, экс-конкурент, пообедаем.

Формально мы не были друзьями. Мы торговали товаром одной ценовой категории, и наши магазины располагались слишком близко друг к другу. К тому же Олли страдал

ожирением, а я всегда настороженно относился к толстякам. Но тогда я почувствовал к нему симпатию. Жаль, что не разглядел его монолитные качества годы назад.

Мы направились в «Лотто», первоклассный ресторан на Семьдесят третьей улице. Мы надеялись, что в центре народу поменьше, однако мы просчитались. «Лотто» оказался забит до предела, и мы ждали столик сорок пять минут.

Мы заказали жаркое из утки, но в итоге согласились на стейк. С самого утра, сказал официант, наплыв посетителей, и все заказывают жаркое из утки.

В «Лотто» работало радио – впервые, наверное, за все время, что существует ресторан. Выступал какой-то священнослужитель – кажется, раввин. Его прервал короткий выпуск новостей.

– Война в Индокитае закончилась, – сообщил диктор. – Сегодня, в семь тридцать утра, был провозглашен мир. Кроме того, объявлено перемирие в Монголии и Танганьике.

Мы узнали еще много интересного. В Индокитае повстанцы уступили французам территорию, заявив, что все люди должны жить в мире. Франция немедленно объявила, что отзывает свои войска и что они вернутся домой, как только найдутся транспортные самолеты.

Все французы решили провести оставшиеся до Страшного суда дни в Париже. В тот момент я тоже захотел присоединиться к ним. Диктор добавил, что русские ВВС согласились перевезти французов домой.

Везде было одно и то же. Все страны шли на уступки, отдавая соседям спорные территории, отправляя гуманитарную помощь в «горячие точки» – и всё в том же духе.

Мы слушали радио за бутылкой мозельского – все шампанское было выпито еще с утра. Думаю, я немного перебрал. Так или иначе, я возвращался в магазин в обнимку с двумя незнакомцами, и мы убеждали друг друга, что мир – это хорошо.

Именно так и было.

Домой я вернулся пораньше, чтобы не нарваться на вечерний час пик. Хотя совсем избежать его не удалось. С порога я ухмыльнулся жене, и она ухмыльнулась в ответ. Джейн тоже была навеселе.

Назавтра я взял жену с собой. Мы придумали, как провести последние три дня – вернее, два, ведь сам Судный день не в счет. Мы поселимся в хорошем отеле, накупим классической музыки и устроим скромный праздник для двоих. Я считал, мы его заслужили. Хотя и мог ошибаться.

В магазине нас поджидал Фрэнк – в парадной одежде и с чемоданом в руке.

– В чем дело, Фрэнк? – спросил я.

– Мистер Остерсен, осталось два дня, и я хочу отправиться в свое первое путешествие на самолете. Я лечу в Техас.

– Правда?

– Да, сэр.

Фрэнк переминался с ноги на ногу, как если бы думал, что совершает глупый поступок. Но его лицо выражало решимость. Он ожидал, что я буду его отговаривать.

– Там я смогу покататься на лошади, мистер Остерсен. Я давно мечтал съездить в Техас и покататься верхом. И не только на лошади. Я хочу посмотреть, как выглядит наша страна с самолета. Я собирался отправиться в Техас летом, во время отпуска, но теперь... в общем, я улетаю.

Я прошел в кабинет и открыл сейф. Там лежали четыре тысячи долларов, остальное хранилось в банке. Я вернулся и вручил Фрэнку две тысячи.

– Держи, парень, – сказал я. – Купи мне лошадь.

Он посмотрел мне в глаза и ушел, не проронив ни слова. Да и что тут скажешь? И потом, не такой уж — это и щедрый жест. Кому теперь нужны деньги? Мне хотелось, чтобы парень отлично провел время.

Жена на этот раз, похоже, была согласна со мной. Она улыбалась.

Минни пришла почти сразу же после ухода Фрэнка. Она снова принарядилась, и эту одежду она тоже купила не в моем магазине. Ее сопровождал молодой человек. Не красивый, не страшный – из тех парней, каких видишь на каждом шагу. Но Минни, похоже, считала иначе, судя по тому, как она сжимала его руку.

– Ты тоже собралась в Техас? – спросил я.

– Конечно нет, – сказала она. – Я выхожу замуж.

– Правда? – оживилась Джейн.

– Да, мэм. Мы с Хербом ждали, когда он окончит стоматологический колледж, – чтобы пока он мог пожить у родителей. Но теперь...

Должен заметить, выглядела она премило. Светло-русые волосы были ей к лицу.

– Вот, Минни. – Жена вытянула две тысячи у меня из руки и передала ей. – Проведи эти дни в свое удовольствие.

– Эй! – сказал я жене, когда Минни и ее жених ушли. – А как же мы? В банк идти бесполезно. И что теперь делать без денег?

– Да не переживай ты так, – сказала Джейн. – Разве ты не веришь в первую любовь?

Она уселась в единственное удобное кресло в зале, предназначенное для покупателей.

– Знаешь, я устала быть бережливой, – сказала она, когда увидела, что я смотрю на нее.

– Понимаю, – ответил я.

– И деньги пока имеют хоть какую-то ценность, – добавила она. – Разве у тебя совсем нет веры? Господь позаботится обо всех.

– Ну тогда все в порядке, – сказал я и уселся рядом.

Дверь отворилась. В магазин вошел незнакомый коротышка в годах, одетый как банкир. Я сразу понял, что он из наших. Одежный бизнес накладывает на человека отпечаток.

– Дела не очень? – спросил он.

– Не очень. Ни одного покупателя за весь день… вчера тоже.

– Неудивительно. Все бросились в дорогие магазины. Хотят напоследок одеться во все лучшее.

– Это можно понять, – сказал я.

– Понять – да, но это несправедливо. – Коротышка неодобрительно смотрел сквозь маленькое пенсне. – Почему большие магазины должны вытеснять с рынка мелких торговцев? Я представляю Бонзелли, и я здесь, чтобы возместить ваши финансовые потери.

Он положил на прилавок толстый конверт, улыбнулся как мог и ушел.

– Бонзелли, – рассеянно заметила жена. – Большой дорогой магазин…

В конверте лежало восемь тысяч долларов.

Впрочем, этим дело не кончилось. Каждые несколько минут в магазин заходили незнакомые люди и оставляли деньги. Через некоторое время я решил их раздавать. С двадцатью тысячами долларов в бумажном пакете я отправился в магазин Олли Бернштейна. Через квартал я с ним столкнулся. Он шел мне навстречу с пачками банкнот в руках.

– У меня для тебя подарочек, экс-конкурент, – сказал он.

Он нес около пятнадцати тысяч. Все, у кого были деньги, раздавали их – и получали назад от других людей.

– Кажется, придумал, – сказал я. – Может, осчастливим несчастных?

– Ты имеешь в виду магазины одежды в Бронксе?

– Нет, я имею в виду нищих и бомжей. Почему бы не поделиться с ними?

Он согласился без колебаний. Мы обсудили план. Идея спуститься в квартал дешевых притонов и там раздавать деньги показалась нам не очень удачной. Улицы по-прежнему были забиты народом, и я не хотел надолго оставлять

Джейн в магазине. В конце концов мы решили пожертвовать деньги ближайшей церкви. Кому, как не им, знать, куда их пристроить.

Церковь на пересечении Шестьдесят пятой улицы и Мэдисон была ближе всего, поэтому мы отправились туда и встали в конец очереди. Она растянулась на полквартала, но продвигалась быстро.

– Вот уж не думал, что это так сложно, – сказал Олли и покачал головой. Пот ручейками сбегал по его лицу. Жертвуя деньги, он прилагал больше усилий, нежели, когда их зарабатывал.

– Что это за церковь? – спросил он.

– Не знаю. – Я похлопал по плечу мужчину впереди. – Уважаемый, что это за церковь?

Мужчина обернулся. Он весил не меньше Олли, но был старше и выглядел совсем измученным.

– Откуда мне знать, – пожал он плечами. – Я из Бруклина.

Наконец мы вошли в церковь, и священник взял у нас деньги. У него не было времени даже поблагодарить нас – позади гудела длинная очередь. Он просто бросил деньги на стол. Другой священник сгреб банкноты и унес, потом возвратился за новой порцией. Мы пошли за ним, просто из любопытства. Я не сомневался, что церковь распорядится деньгами как надо, однако человеку свойственно стремление знать, куда идут его пожертвования. Кроме того, Джейн наверняка меня об этом спросит.

К боковому входу в церковь выстроилась очередь красноносых людей в лохмотьях. Их лица светились от радости. Священник вручал каждому по несколько пачек банкнот, потом торопливо уходил за новой порцией.

– Проще было б впустить вторую очередь внутрь, – сказал Олли, когда мы шли обратно. – Парни с деньгами встречались бы с парнями без денег, и процесс бы ускорился. Но всегда есть посредник, которого не обойдешь. – Он закашлялся. Физическая нагрузка добивала его. Человеку

комплекции Олли не следовало бегать, раздавая деньги таким способом.

По пути в магазин мне вручили пять тысяч долларов. Человек просто улыбнулся, сунул мне пачку денег и поспешил прочь. Запоздало я узнал в нем одного из бомжей, стоявших в очереди у церкви.

На прилавке меня ждал целый ворох банкнот. Жена сидела в кресле и листала журнал.

– Вот, накопилось, – кивнула она на деньги.

Я бросил пять тысяч в общую кучу.

– Ты бы послушал радио, – сказала она. – За последний час конгресс принял около двадцати законов. Они дали нам все права, о которых мы не могли и мечтать, и еще несколько, о существовании которых я даже не подозревала.

– Наступила эра простого человека, – констатировал я.

Следующий час я простоял в дверях, раздавая деньги. Это была очевидная глупость. Множество людей на улицах пытались всучить деньги друг другу. Это было что-то вроде игры: богатый отдавал деньги бедному, а бедный поворачивался и отдавал их другому богатому. К двум часам дня уже невозможно было сказать, кто богат, а кто беден.

Джейн держала меня в курсе того, что передавали по радио. Страны мира одна за другой принимали гуманные законы, как только собирали кворум. Эра простого человека действительно наступила – за два дня до конца света.

В три часа дня мы пошли обедать. И я, и Джейн понимали, что видим магазин в последний раз. В качестве прощального жеста мы рассыпали по стойке пятьдесят тысяч долларов и оставили дверь нараспашку. Это единственное, что мы могли сделать.

Мы перекусили в ресторане на Шестьдесят третьей улице. Персонал покинул заведение, и посетители обслуживали себя сами. Приготовив что-нибудь с запасом, они ели и уходили. Джейн соорудила несколько десятков трехслойных сэндвичей как наш вклад в общее дело, а потом мы поели.

Следующий вопрос – ночлег. Я не сомневался, что все отели заняты, но попытаться стоило. В крайнем случае мы могли переночевать в магазине.

Мы пошли в «Стэнтон-Карлер», один из самых больших отелей Нью-Йорка. Молодой человек за стойкой читал «Мир как воля и представление» Шопенгауэра.

– Есть свободный номер? – спросил я.

– Вот ключ, он подходит ко всем дверям. Занимайте любой свободный, если найдете.

– Сколько? – спросил я и развернул веер из тысячедолларовых купюр.

– Вы что, шутите? – сказал парень и снова уткнулся в книгу. Очень серьезный юноша.

Мы отыскали свободный номер на пятнадцатом этаже и сразу упали в кресла. Джейн тут же подскочила.

– Мы забыли про пластинки! – воскликнула она. – Я хочу провести последний день, слушая хорошую музыку.

Я устал как собака, но наши желания совпали. Нам с Джейн вечно не хватало времени, чтобы послушать все, что мы хотели. Можно сказать, мы еще и не начинали.

Джейн выразила желание пойти со мной, но я решил, учитывая толчею на улицах Нью-Йорка, что будет проще, если я пойду один.

– Запри дверь, – сказал я. – Может, до Страшного суда и остался один день, но люди пока еще не ангелы.

Она подмигнула мне. Она не подмигивала мне уже несколько лет.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, я добрался до музыкального магазина. Внутри не было ни души. Я взял проигрыватель и пластинки – столько, сколько мог унести. В отеле мне пришлось подниматься на пятнадцатый этаж пешком, потому что кто-то вздумал кататься на единственном работающем лифте.

– Поставь Дебюсси, – попросил я Джейн и без сил рухнул в кресло. Какое наслаждение – вытянуть усталые ноги!

Остаток дня и весь вечер мы слушали музыку. Понемногу Баха, Дебюсси, Моцарта, Гайдна и тех композиторов, которых я еще не знал. В тот день я прослушал музыки больше, чем за последние пять лет.

Проснулись мы поздно, примерно в половине второго. Я чувствовал себя виноватым. Так глупо проспать свой последний день!

– Привычка поспать не хуже любой другой, – утешила меня Джейн. Возможно, она была права.

Как бы то ни было, мы ужасно проголодались. Оказалось, что у Джейн натерты ноги – она не ходила так много со времен моего ухаживания за ней.

– Не вставай, – сказал я. – Твой рыцарь в сияющих доспехах принесет тебе завтрак. Мое последнее доброе дело.

– Первое, – улыбнулась она.

– Запри дверь, – сказал я и ушел. Я вообще никогда не доверял людям. Не знаю почему. Даже накануне Страшного суда я не мог доверять никому.

Город поразил меня непривычной тишиной. Лишь несколько человек нарушали мертвый пейзаж: одни шли, нервно оглядываясь по сторонам, другие – с довольными улыбками на лице. Улицы были пусты. На проезжей части стояли брошенные автомобили, такси и автобусы. Светофоры по-прежнему перемигивались, но им нечего было регулировать.

Я не заметил ни одного полицейского и вдруг осознал, что со времени первого объявления не встречал ни одного копа. Не помню, понравилось мне это или нет, но я подумал, что копы тоже люди. Наверное, решили провести последние дни в кругу семьи. Да и кому что тут красть?

Может, стоит заглянуть в церковь и помолиться, подумал я. Не то чтобы это могло изменить мою жизнь или я как-то особенно этого хотел. Но я подумал, что Джейн бы одобрила мой поступок. Я обошел три церкви, но все они

были битком набиты, и снаружи стояли длиннющие очереди. Стало ясно, куда все подевались.

Конечно, я тоже мог постоять в очереди, но Джейн ждала завтрака, и я отправился в ресторан.

По дороге из ресторана меня несколько раз останавливали и пытались всучить деньги. Казалось, люди были в отчаянии. Они объясняли, что пытаются избавиться от денег, но не знают, как это сделать. Они копили их всю жизнь и теперь не могут просто взять и выбросить. Но деньги никому не нужны. И они не знают, что делать.

Один человек меня поразил особенно.

– Будь добр, возьми деньги, старик, – сказал он. – У меня горе, понимаешь? Я скопил их так много, что теперь не знаю, куда девать. Не хочу, чтоб они у меня оставались. Правда, не хочу. Может, возьмешь?

Я узнал его. Это был известный актер. Мне он нравился, поэтому я взял у него пачку долларов и оставил на стойке в отеле. Юноша, который читал Шопенгауэра, исчез.

Мы с Джейн поели и снова включили музыку. И слушали ее весь день, не тратя времени на разговоры. Ближе к вечеру глаза Джейн предательски заблестели. Я понял: она вспоминает нашу жизнь. Я тоже углубился в воспоминания. Прожитая жизнь показалась мне не такой уж и плохой. Хотя и не без изъянов. В жизни я совершил несколько ошибок, но не фатальных.

Вечером мы поужинали остатками обеда. Мы не хотели выходить из номера и не хотели спать.

– Это случится на рассвете, – сказала Джейн.

Я попытался возразить, мол, пути Господни неисповедимы. Но Джейн слишком полагалась на женскую интуицию.

Ночь была долгая и не самая приятная. Я чувствовал себя, как заключенный перед казнью. Недостойное чувство, но я был напуган. Полагаю, не я один.

Стоя у окна, я смотрел, как разгорается заря несбывшихся надежд. День обещал быть хорошим. Звезд на небе не

было, зато в городе горели все фонари и все окна. Казалось, Нью-Йорк зажег свечи накануне шага в неизвестность.

– Прощай, Джейн, – сказал я и понял, что она права. Объявление прозвучит на рассвете. Я надеялся, что Минни сейчас в объятьях своего мужа, а Фрэнк... скорее всего, он на лошади – привстал в непривычном седле и смотрит на восток. Я надеялся, что именно так все и обстоит.

– Прощай, дорогой, – сказала Джейн и поцеловала меня.

Из окна веял прохладный ветерок, черное небо казалось бархатным. Это было красиво. Вот так все и должно было закончиться.

– Рассмотрение дел жителей планеты Земля откладывается, – произнес приятный голос у меня за спиной. – Последнее испытание и отбытие отсрочены на десять лет, считая с настоящего момента.

Я стоял у окна, обнимая Джейн. Наверное, минут десять мы не могли произнести ни слова.

– Да уж, – сказал я наконец. – Да уж.

– Да уж, – вздохнула она.

Мы помолчали еще несколько минут. Потом она повторила:

– Да уж.

А что тут еще скажешь?

Я выглянул в окно. Город искрился огнями. Солнце выползало из-за горизонта, стояла мертвая тишина. Единственный звук, который ее нарушал, – гудение неоновых вывесок: они жужжали, как сломанный будильник. Или как бомба с часовым механизмом.

– Тебе надо на работу, – сказала Джейн и заплакала. – Хотя десять лет – всего лишь мгновенье в масштабе вечности. Одна секунда – для Нее.

– Меньше, – сказал я. – Доля секунды. Или еще меньше.

– Но не для нас.

Лучше бы в тот момент все и закончилось. Судный день должен был наступить в урочный час, что бы он ни принес с собой. Мы подготовились. Мы отказались от мирских благ – в Нью-Йорке, да и, думаю, во всем мире тоже. Но десять лет – слишком большой срок. Слишком тяжелое испытание для добродетели.

Нужно было как-то жить дальше, и формально этому ничего не мешало. Мы могли вернуться к работе. Фермеры оставались фермерами, продавцы и служащие тоже никуда не делись.

Мы могли изменить мир к лучшему, чтобы указывать на эти десять лет с гордостью и говорить:

– Смотрите! Тысячи лет алчности, жестокости и ненависти – это не вся наша история! Наши последние десять лет – такие благие, непорочные, великодушные! Десять лет мы были братьями!

Увы, все пошло не так.

Фермеры не захотели возвращаться на фермы, продавцы – в магазины. Нет, некоторые вернулись. На время. Ненадолго. Все рассуждали о высоких идеалах, но это были пустые разговоры, как и прежде.

Полгода мы с Джейн боролись за жизнь, страдая от голода, отбиваясь от бандитов, которых расплодилось вокруг Нью-Йорка в избытке. В конце концов мы решили уехать. Мы влились в поток беженцев, покидающих Нью-Йорк, пересекли Пенсильванию и взяли курс на север.

Везде царила разруха, страна собиралась с духом, правда не очень успешно. Сперва голодали тысячи, потом миллионы. Те, у кого были запасы еды, не хотели делиться – они не представляли, как проживут десять лет, если отдадут хотя бы часть. Деньги раздавали мешками. Они потеряли всякую ценность. Какие-то девять месяцев – и за миллион долларов не купишь гнилой репы.

Время шло, и все меньше людей оставалось на рабочих местах. За их зарплату ничего нельзя было купить. Да и зачем работать, если скоро конец света? Для кого стараться?

Примерно через год случился инцидент: в Софии пропал американец. Исчез без следа. Американский посол выразил протест, и ему посоветовали убираться домой. Болгары не хотели, чтобы последние девять лет кто-то вмешивался в их жизнь. Кроме того, добавили они, им не известно, куда подевался человек. Возможно, они говорили правду. Люди тогда пропадали повсеместно.

После третьего ультиматума мы сбросили на них бомбу. Атака совпала по времени с бомбардировкой, предпринятой против нас Китаем, который решил, что мы слишком вмешиваемся в его отношения с Японией.

Англия тоже подверглась бомбардировке и разбомбила кого-то в ответ.

Все начали бомбить всех.

Мы с Джейн оставили город, в котором остановились на короткую передышку, и взяли курс на открытую местность.

Мы, спотыкаясь, бежали по полю под рев самолетов. Прятались в придорожных канавах. Во время одного из налетов Джейн сразила пулеметная очередь. Наверное, ей повезло. Она не дожила до атомной бомбардировки, которая случилась неделей позже. И не видела взрыва водородной бомбы еще неделю спустя.

Когда упала водородная бомба, я был далеко, в Канаде. Но я слышал грохот и видел дым. Бомбу сбросили на Нью-Йорк.

После этого все сбросили самые большие бомбы на все возможные цели, заразив планету радиацией и болезнетворными микробами. Отравляющие газы долго висели над землей, пока их не сдуло ураганом.

Все это время я шел на север, хотя все остальные, спасаясь от голода, двигались на юг. Но я решил: лучше смерть от голода, чем от радиоактивной пыли или бактерий. Хотя бактерии все же добрались до меня. Целые сутки я мучился от болей. Я хотел умереть. Будь у меня пистолет, я бы, наверное, застрелился. Но я выжил. И микробы оставили меня в покое.

За Полярным кругом я прибился к компании из нескольких человек, но пробыл с ними недолго. Через день после моего прихода один из них заболел, а потом и все остальные. Я понял, что заразил их, поэтому ночью ушел, по-прежнему держа курс на Север.

Потом и Север подвергся бомбардировке, чтобы урановые рудники не достались никому. Я бежал через лес, прятался в пещерах. Ночью смотрел на луну и редкие брызги звезд.

Четыре года спустя я уже не встречал никого. Да и некогда было кого-то искать. Все время я тратил на поиски пропитания. Ежедневное занятие с утра и до вечера – собирать травы и коренья, а если повезет, убить камнем кролика. Я здорово наловчился метать камни.

Я даже не представлял, когда истекут эти десять лет.

Не думаю, что я последний человек на Земле. Люди в других частях света могли спрятаться в пещерах, на островах, на вершинах гор. Если Вы их найдете, они подтвердят мой рассказ. Думаю, Вы убедитесь, что он довольно точный.

Теперь что касается меня...

Думаю, я не менее грешен, чем большинство людей, но это решать Вам, Создатель.

Зовут меня Адам Остерсен. Я родился в Пин Гроув, штат Мэн, в июне...

РАСА ВОИНОВ

Кто виноват, они так и не выяснили. Фаня съязвил, что, если бы Донни имел не только комплекцию, но и интеллект быка, то не забыл бы проверить топливные баки. Донки был в два раза крупнее Фани, но думал в сто раз медленнее: на быстрый обмен колкостями у него не хватало смекалки. Поразмыслив, он заявил, что, скорее всего, огромный нос Фани загородил датчик топлива и помешал ему правильно считать показания.

До Тетиса оставалось двадцать световых лет, а трансформаторного топлива в аварийном баке — кот наплакал.

— Ладно, — сказал Фаня чуть погодя. — Что сделано, то сделано. Выжмем еще три снеговых года из остатков топлива, а потом переключимся на атомные двигатели. Дай-ка «Путеводитель по Галактике», если не забыл и его тоже.

Донни вытащил из шкафа объемистую книгу, и они приступили к ее изучению.

«Путеводитель» сообщил, что они находятся в удаленной, редко посещаемой части космоса, о чем они знали и так. Неподалеку — планетарная система Хэттерфилд, но там отсутствует разумная жизнь. Рядом Серсус, он населен, но

на нем нет топливных заправок. Та же история с Иллед. Ханг и Пордерай.

— Вот? — воскликнул, наконец, Фаня. — Прочти это, Донни. Если умеешь читать, конечно.

— Касиелла. — медленно прочитал Донни. водя толстым указательным пальцем по строчкам. — Звезда М-типа. В системе три планеты, на второй — разумная жизнь гуманоидного типа. Атмосфера с содержанием кислорода. Культура немеханическая, религиозная. Население дружественное. Уникальное общественное устройство — подробно описано в бюллетене «Галактический обзор № 33877242». Оценочная численность населения: три миллиарда. Базовый словарь касцеллианских слов заархивирован на ленте Кас33b2. Дата повторного обследования: 2375 год. Присутствует аварийный запас трансформаторного топлива, радиосигнал в системе координат 8741 кгл. Описание прилегающей к хранилищу местности: необитаемая равнина.

— Трансформаторное топливо, чувак! — возликовал Фаня. — Судя по всему, мы доберемся-таки до Тетиса. — Он задал новый курс на пульте управления. — Если топливо на Касцелле все еще цело.

— А нужно читать про уникальное общественное устройство? — спросил Лонни, отрываясь от «Путеводителя».

— Обязательно. — сказал Фаня. — Прямо сейчас и сбегай на Землю, на главную галактическую базу. Купи два экземпляра — себе и мне.

— Ох, я и забыл, — помедлив, признался Донни.

— Посмотрим, что у нас есть, — бормотал Фаня, вытягивая корабельную библиотеку языков. — Касцеллианский, касцеллианский... вот! Донни, веди себя хорошо, пока я буду изучать язык. — Он вставил кассету в гипнофон и щелкнул переключателем. — Еще один никчемный язык в моей перегруженной голове, — посетовал он и отдался во власть гипнофона.

Отключив трансформаторный привод, в котором осталась последняя капля топлива, они перешли на атомные

двигатели. Фаня елозил радиосканером по поверхности планеты, уточняя местоположение тонкого металлического шпиля аварийного склада.

Равнина больше не была необитаемой. Касцеллианцы построили вокруг склада большой город, в котором шпиль господствовал над примитивными деревянно-глинобитными постройками.

— Держись. — приказал Фаня и бросил корабль вниз, на свежеубранное поле на окраине города. — А теперь послушай меня, — сказал он, отстегивая ремень безопасности. — Мы здесь исключительно ради топлива. Никаких сувениров, никаких экскурсий и никакого братания.

В бортовой иллюминатор они увидели облако пыли, движущееся со стороны города. Приблизившись, облако распалось на отдельные фигуры бегущих людей.

— Что, интересно, представляет собой их уникальное общественное устройство? — спросил Донни, в задумчивости проверяя заряд бластера.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фаня, втискиваясь в тяжелый космический скафандр. — Ты одевайся тоже.

— Зачем? Ведь воздух пригоден для дыхания.

— Послушай, толстокожий. О местных мы не знаем почти ничего. Возможно, их излюбленный способ приветствовать гостей — отрубать им головы и фаршировать зелеными яблоками. Раз «Путеводитель» говорит «уникальное общественное устройство», то, надо полагать, он подразумевает наличие чего-то уникального.

— В «Путеводителе» сказано, они дружелюбные.

— Это значит, что у них нет атомных бомб. Давай, надевай скафандр.

Донни отложил оружие и забрался в бронированный космический костюм. Оба космонавта прицепили к скафандрам бластеры, парализаторы и по паре гранат.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказал Фаня, затягивая последний винт на шлеме. — Даже если они проявят агрессию, космический скафандр им не по зубам. А не

проявят — тогда вообще никаких хлопот... Надеюсь, эти безделушки придутся, кстати. — Он подхватил контейнер с товарами для обмена: зеркальца, игрушки и тому подобное.

В полном защитном комплекте Фаня выскользнул из люка и поднял руку, приветствуя касцеллианцев. Слова чужого языка, гипнотически внедренного в память, сами сложились в нужную фразу:

— Мы пришли как друзья и братья. Отведите нас к вождю.

Туземцы столпились вокруг космонавтов, с любопытством рассматривая корабль и скафандры. Несмотря на то, что у них было такое же, как и у людей, количество глаз, ушей и конечностей, выглядели они совсем не как люди.

— Если они дружелюбны, зачем им столько оружия? — удивился Донни, выбравшись из люка. Одежда касцеллианцов состояла в основном из ножей, мечей и кинжалов. На каждом висело не менее пяти экземпляров холодного оружия, а на иных — восемь или девять.

— Возможно, «Путеводитель» перепутал данные, — предположил Фаня, когда туземцы рассредоточились вокруг них, образовав что-то вроде конвоя. — А может, они используют ножи только для игр.

Город оказался типичным для немеханической культуры. Тесные грязные улочки, петляющие между ветхими постройками. Несколько двухэтажных домов, готовых обвалиться в любой момент. Воздух, пропитанный смрадом столь сильным, что даже фильтры скафандра не могли с ним справиться. Касцеллианцы бегали вокруг облаченных в тяжелые скафандры землян, словно орава игривых щенят. Ножи звякали и сверкали на солнце.

Дом вождя был единственным трехэтажным строением в городе. Высокий шпиль аварийного хранилища возносился в небо прямо за ним.

— Если вы пришли с миром, то добро пожаловать, — обратился к вошедшим землянам вождь, касцеллианин средних лет. На разных частях его тела висели, по меньшей мере,

пятнадцать ножей. Вождь сидел, скрестив ноги, на возвышении.

— У нас дипломатическая неприкосновенность, — сообщил Фаня на всякий случай. Он помнил из гипнотической лекции, что вождь на Касцелле значит гораздо больше, чем когда-то вождь значил на Земле. Местный вождь совмещал функции короля, первосвященника, бога и самого храброго воина.

— Мы принесли вам подарки, — добавил Фаня, возлагая безделушки к ногам короля. — Примет ли их ваше величество?

— Нет, — сказал король. — Мы не принимаем подарков.

Может, это как раз и было проявлением уникального общественного устройства?

— Мы — раса воинов. Если мы чего-то хотим, то берем сами.

Фаня уселся, скрестив ноги, напротив возвышения и продолжил беседу с королем. Донни заинтересовался отвергнутыми игрушками. Стараясь исправить плохое впечатление, Фаня рассказал вождю о звездах и других мирах.

Примитивные создания, как правило, любят слушать сказки. Он рассказал о корабле, не упомянув, правда, о нехватке топлива. Рассказал о том, что слава Касцеллы гремит на всю галактику.

— Так и должно быть, — гордо заявил вождь. — Мы — раса воинов, равной которой нет на свете. Каждый из нас умирает, сражаясь.

— Вы, должно быть, участвовали во многих великих войнах? — вежливо поинтересовался Фаня. Что за идиот готовил сводку в «Путеводитель по Галактике»!

— Я не сражался уже много лет, — ответил вождь. — Сейчас у нас мир, все наши враги к нам присоединились.

Слово за слово, Фаня подвел разговор к вопросу о топливе.

— Что такое это ваше топливо? — спросил вождь, споткнувшись на последнем слове: в касцеллианском языке у этого слова не было эквивалента.

— Оно заставляет корабль двигаться.

— И где оно?

— В металлическом шпиле, — сказал Фаня. — И если вы позволите...

— В святыне? — ахнул потрясенный вождь. — В высоком металлическом храме, который боги оставили здесь в стародавние времена?

— Ну, да, — выдавил Фаня, уже предчувствуя, что за этим последует. — Думаю, именно там.

— Чужеземцы не должны приближаться к храму, это кощунство. — сказал вождь. — Я запрещаю вам это делать.

— Но нам нужно топливо. — Фаня устал сидеть, скрестив ноги. Космический скафандр не был рассчитан на сложные позы. — Шпиль поставили здесь именно для таких чрезвычайных случаев.

— Чужеземцы, имейте в виду: я бог и полководец моего народа. Посмеете подойти к священному храму — быть войне.

— Этого я и боялся, — вздохнул Фаня, поднимаясь на ноги.

— Мы — раса воинов. И стоит мне приказать, все бойцы планеты выступят против вас. Подкрепление придет из-за рек и с гор.

Внезапно вождь выхватил нож. Видимо, это был какой-то сигнал, потому что все туземцы в комнате сделали то же самое.

Фаня оттащил Донни от игрушек.

— Послушай, балда. Эти дружелюбные воины не смогут нам ничего сделать. Их ножи не разрежут материал скафандра, и я сомневаюсь, что у них есть что-то более эффективное. Но все же, не позволяй им наваливаться на тебя. Пускай в ход парализатор. Бластер — если только их станет слишком много.

— Ясно. — Донни одним ловким движением выхватил парализатор и снял его с предохранителя. С оружием Донни управлялся проворно и со знанием дела, из-за этого важного качества Фаня и взял его в команду.

— Обойдем здание и возьмем топливо. Двух канистр должно хватить. А потом быстренько побьем их.

Они вышли на улицу. Касцеллианцы следовали за ними по пятам. Четыре носильщика вынесли вождя, выкрикивающего приказы. Узкая улочка вмиг заполнилась вооруженными туземцами. И хотя никто из них даже и не думал трогать землян, по меньшей мере тысяча ножей поблескивала на солнце.

Перед хранилищем выстроились плотные ряды касцеллианцев. На земле между землянами и касцеллианцами лежали сплетенные в жгут канаты, которые, по-видимому, отделяли священную землю от земли мирской.

— Пойдем, — сказал Фаня и переступил через канаты.

Защитники храма, стоящие в первом ряду, немедленно подняли ножи. Фаня вскинул парализатор и шагнул вперед.

Стоящий перед ним туземец что-то выкрикнул, его нож описал сверкающую дугу. Касцеллианец булькнул что-то еще, пошатнулся и упал. Из его горла хлынула яркая кровь.

— Я же просил тебя не трогать бластер! — рыкнул Фаня.

— Я и не трогал, — отозвался Донни. Фанни оглянулся. Бластер Донни, действительно, лежал в кобуре.

— Тогда я не понимаю, — растерянно произнес Фаня.

Еще три туземца шагнули вперед. Их ножи взметнулись — и все трое рухнули на землю. Фаня остановился. Теперь на него надвигался целый взвод. Как только туземцы приближались к землянам на расстояние удара ножом, они тут же вскрывали себе горло!

Фаня замер на месте, не веря своим глазам. Донни остановился у него спиной.

Теперь сотни туземцев мчались на землян со всех сторон с криками и выставленными ножами. Приблизившись, они наносили себе удар и падали на быстро растущую груду тел. В считанные минуты вокруг землян выросла баррикада из истекающих кровью касцеллианцев. И она продолжала расти.

— Хватит! Прекратите побоище! — крикнул Фаня, отступая назад и утягивая за собой Донни. — Прошу о перемирии!

Толпа расступилась, образуя проход, по которому принесли вождя. Сжимая в каждой руке по ножу, он тяжело дышал от возбуждения.

— Мы выиграли первый бой! — воскликнул вождь. — Наша сила испугала даже таких чужаков, как вы. Вам не удастся оскорбить наш храм, пока жив хоть один мужчина!

Его поддержал одобрительный рев туземцев.

Потрясенные до глубины души земляне отправились обратно на корабль.

— Так вот что подразумевал «Путеводитель» под «уникальным общественным устройством», — проворчал Фаня. Он стянул с себя скафандр и развалился на койке. — Их способ ведения войны: самоубийствами вынуждать противника капитулировать.

— Видать, они все здесь чокнутые, — прогудел Донни. — Так войну не выиграть.

— И все же это работает, не так ли? — Фаня поднялся с кровати и глянул в иллюминатор. Солнце клонилось к закату, окрашивая город в очаровательные алые тона. Лучи света играли на шпиле галактического склада. В открытый люк влетали рокот и бой барабанов.

— Местное племя созывает армии, — сказал Фаня.

— Говорю же, это безумие. — Донни имел четкие представления о том, как надо сражаться. — Не по-людски это.

— Согласен. Но их расчет таков: если много людей покончит с собой, противник капитулирует из чувства вины.

— А если не капитулирует?

— До того, как туземцы объединились, они, должно быть, шли с войной от племени к племени и совершали самоубийства, пока противник не сдавался. Проигравшие присоединялись к победителям. Племя победителей росло и в итоге взяло под контроль всю планету. — Фаня пристально посмотрел на Донни, чтобы убедиться, что тот улавливает суть. — Разумеется, это анти-выживание. Если бы одно из племен не захотело сдаться, раса, по всей видимости, уничтожила бы себя. — Он покачал головой. — Впрочем, любая война — анти-выживание.

— А если все сделать быстро? — предложил Донни. — Ворваться в хранилище, отлить немного топлива и смотаться, пока они не поубивали себя все.

— Ну, не знаю, — сказал Фаня. — Они могут продолжать самоубийства еще десять лет, считая, что сражаются с нами.

— Он задумчиво посмотрел на город. — Корень зла — их вождь. Он их бог, и, надо полагать, будет подстрекать людей на самоубийства до тех пор, пока не останется единственным мужчиной на планете. Потом он усмехнется, скажет, «Мы великие воины» — и покончит с собой.

Донни с отвращением передернул массивными плечами.

— Почему бы нам не прихлопнуть его?

— Тогда они выберут другого боги.

Солнце почти скрылось за горизонтом.

— Хотя есть у меня один план, — сказал Фаня и почесал затылок. — Может, и сработает. Все равно делать нечего, почему бы и не попробовать.

В полночь две безмолвные фигуры отделились от корабля и двинулись в направлении города. Они снова были в космических скафандрах. Донни нес две пустые канистры. Фаня держал наготове парализатор.

На улицах было темно и тихо. Земляне крались вдоль стен и обходили посты, стараясь оставаться в стороне от посторонних глаз. Внезапно из-за угла вынырнул туземец, но Фаня тут же парализовал его — тот не успел даже пикнуть. Дойдя до аллеи, ведущей к складу, они замерли в темноте.

— Все запомнил? — спросил Фаня. — Я парализую охранников. Ты бежишь в хранилище и наполняешь канистры, которые у тебя сейчас в руках. После этого мы линяем отсюда ко всем чертям. Проверив храм, они убедятся, что первые канистры все еще там. Может, тогда они не станут себя убивать.

Земляне прокрались по темной аллее. Вход в хранилище охраняли три касцеллианца с ножами, подвешенными к набедренным повязкам. Фаня оглушил их зарядами средней мощности, и Донни сорвался с места.

В тот же миг вспыхнули факелы. Из переулков, размахивая ножами, хлынули туземцы.

— Засада! — крикнул Фаня. — Донни. Назад!

Донни немедленно развернулся. Выходит, туземцы их поджидали. С криками и воем они бросились на землян, и каждый перерезал себе горло. Тела повалились на землю перед Фаней, едва не сбив его с ног. Он попятился. Донни схватил его за руку и потянул за собой. Они выбежали из священной зоны.

— Перемирие, вашу мать! — выкрикнул Фаня. — Я хочу говорить с вождем. Прекратите! Я требую перемирия!

С явной неохотой касцеллианцы остановили резню.

— Это война, — сказал вождь, выступая вперед. Его почти человеческое лицо, освещенное огнем факела, выражало непреклонность. — Вы видели наших воинов. И теперь знаете, что не сможете нам противостоять. Весть разлетелась по всем землям. Весь мой народ готов сражаться.

Он с гордостью оглядел соплеменников, потом снова повернулся к землянам.

— Я сам поведу свой народ, и ничто нас не остановит. Мы будем сражаться, пока вы не капитулируете и не снимете ваши доспехи.

— Подожди, вождь. — У Фани перехватило дыхание: сколько же крови кругом! Окружающее напоминало сцену из ада. Сотни тел, разбросанных по земле, улицы, залитые кровью... — Дай мне время до конца ночи. Я посовещаюсь с партнером и приду к тебе утром.

— Нет, — сказал вождь. — Вы сами начали сражение. Оно должно завершиться. Храбрые мужчины мечтают умереть в бою. Это наше заветное желание. Вы — наш первый враг с тех пор, как мы покорили племена горцев.

— Кто же спорит, — сказал Фаня. — Но давайте поговорим...

— С тобой я буду сражаться лично. — объявил вождь и поднял кинжал. — Я умру за свой народ, как и подобает воину!

— Стойте! — крикнул Фаня. — Даруйте нам перемирие. По правилам моего племени мы можем сражаться только при свете солнца. Сражаться ночью-табу.

Вождь подумал секунду и сказал:

— Отлично. Тогда до завтра.

Побежденные земляне побрели назад к кораблю, сопровождаемые улюлюканьем туземцев-победителей.

Утром у Фани по-прежнему не было плана. Топливо надо заполучить в любом случае. Он не собирался провести остаток жизни на Касцелле, ожидая, пока служба изучения галактики пришлет следующий корабль — лет этак через пятьдесят. Но и перспектива нести ответственность за

гибель трех миллиардов туземцев его тоже не радовала. Ни к чему тащить подобного рода информацию за собой на Тетис. Да и служба изучения галактики все равно докопается до истинной причины массовой гибели туземцев. Хотя дело даже не в этом. Он просто не может так поступить. Оба пути вели в тупик.

Земляне отправились на встречу с вождем. Медленно двигаясь навстречу барабанному бою, Фаня продолжал лихорадочно искать выход.

— Если бы только было с кем сражаться, — посетовал Донни, глядя на бесполезные бластеры.

— В том-то и дело. — сказал Фаня. — Мы заложники совести. Они рассчитывают, что мы уступим прежде, чем резня примет неконтролируемый характер. — Он задумался. — И это вовсе не безумие. Армии на Земле не сражаются до последнего человека. Одна из сторон сдается, когда начинает нести значительные потери.

— Если б только они сражались!

— Да уж, если б только... — Он умолк. Потом сказал: — Мы будем сражаться друг с другом! Туземцы считают самоубийства войной. А что, если на войну — то есть, настоящий бой — они будут смотреть, как на самоубийство?

— И что это нам даст? — спросил Донни.

Они вошли в город. Улицы были забиты вооруженными туземцами. Еще больше их было вокруг города. Туземцы запрудили рванину, насколько хватало глаз. По всей видимости, они откликнулись на призыв барабанов и явились сражаться с чужаками.

Что означало, конечно, массовое самоубийство.

— Подумай сам, — сказал Фаня. — Если кто-то на Земле собирается покончить жизнь самоубийством, что мы делаем?

— Берем его под арест? — предположил Донни.

— Не сразу. Сначала мы предлагаем ему все, чего бы он ни пожелал, только бы он не исполнил задуманное. Предлагаем деньги, работу, своих дочерей, все что угодно, лишь бы

только он отказался от своей затеи. Самоубийство — табу на Земле.

— И что?

— А то, что сражение может быть табу здесь. А вдруг они предложат нам топливо в обмен на то, чтобы мы прекратили драться?

Лицо Донни выразило сомнение, но Фаня считал, что попробовать стоит.

Они протолкались к хранилищу через запруженный город. Вождь поджидал их, лучезарно улыбаясь своему народу, словно жизнерадостный бог войны.

— Вы готовы сражаться? — спросил он. — Или сдаетесь?

— Конечно, готовы, — сказал Фаня. — Давай. Донни!

Он размахнулся, и его бронированный кулак врезался напарнику в грудь. Донни удивленно наморщил лоб.

— Давай, идиот, ударь меня тоже!

Донни ударил, и Фаня пошатнулся. Через секунду они уже молотили друг друга, как пара кузнецов. Бронированные кулаки со звоном отскакивали от бронированных доспехов.

— Эй, полегче, — выдохнул Фаня, поднимаясь с земли. — Ты помял мне ребра. — Он ожесточенно хлестнул Донни по шлему.

— Прекратите! — крикнул вождь. — Эго отвратительно!

— Сработало, — проговорил Фаня. — А теперь давай я тебя задушу. Думаю, это поможет.

Донни послушно грохнулся на землю. Фаня сомкнул руки вокруг его бронированной шеи.

— Притворись, что у тебя агония, дубина!

Донни стонал и кряхтел, насколько мог убедительно.

— Сейчас же остановитесь! — проревел вождь. — Это же ужасно — убивать друг друга!

— Тогда позволь мне взять немного топлива, — сказал Фаня и сильнее сжал руки на горле Донни.

Некоторое время вождь обдумывал предложение. Потом покачал головой.

— Нет.

— Что?

— Вы чужаки. Можете продолжать свое постыдное занятие. Но наши святыни вы не оскверните.

Донни и Фаня с трудом поднялись на ноги. Фаня едва двигался: борьба в тяжелом космическом скафандре лишила его сил.

— А теперь сдавайтесь и снимайте доспехи, — сказал вождь, — или сражайтесь.

Тысячи воинов — а может, и миллионы, потому что каждую секунду прибывали все новые группы — начали скандировать боевой клич. Набирая силу, крик разлетелся по окрестностям и отразился от холмов, откуда на равнину стекали новые потоки туземцев.

Фаня нахмурился. Он не может отдать себя и Донни на милость касцеллианцев. А вдруг они зажарят землян на ближайший священный ужин? Через секунду он принял решение: идти за топливом напролом, и пусть чертовы болваны кончают с собой, сколько им вздумается.

Не чувствуя ничего, кроме злости. Фаня шагнул вперед и нанес удар бронированной перчаткой вождю в лицо.

Вождь упал, как подкошенный. Туземцы в ужасе попятились. Вождь проворно выхватил нож и поднес к горлу. И тогда рука Фани сомкнулась на его запястье.

— Слушайте меня, — хрипло выкрикнул Фаня. — Сейчас мы заберем топливо. Если хоть кто-то покончит с собой, или даже просто пошевелится, я убью вашего вождя.

Туземцы неуверенно переминались с ноги на ногу. Вождь яростно извивался в руках Фани, пытаясь достать ножом до своего горла и умереть благородно.

— Донни, забирай топливо. — велел Фаня, — да поторапливайся.

Туземцы не знали, что делать. Они держали ножи поднятыми к шее, готовые в любую секунду пустить их в ход.

— Даже и не думайте, — предупредил Фаня. — Я убью вождя, и он умрет не так, как подобает воину.

Вождь по-прежнему пытался перерезать себе горло. Фаня отчаянно старался его удержать. Он понимал: покончит с собой вождь — и угроза смерти нависнет над остальными.

— Послушай, вождь, — сказал Фаня. озираясь на растерянную толпу. — Пообещай, что война, между нами, закончена. Или я получаю обещание, или убиваю тебя.

— Воины! — проревел вождь. — Выбирайте нового правителя! Забудьте обо мне и сражайтесь!

Касцеллианцы все еще мучились сомнениями, но руки с ножами поднялись чуть выше.

— Если вы это сделаете, — крикнул Фаня, — я убью вашего вождя! И убью вас всех!

Это остановило туземцев.

— На моем корабле есть мощная магия. Я могу убить вас до последнего воина, и тогда вы потеряете свой шанс умереть достойно. Или попасть на небеса!

Вождь предпринял отчаянную попытку вырваться и почти высвободил одну руку. Фане удалось удержать его, заломив руки за спину.

— Ладно, — сказал вождь, и слезы навернулись ему на глаза. — Воин должен погибать от своей руки. Ты победил, чужеземец.

Толпа сыпала проклятиями, когда земляне тащили вождя и канистры с топливом на корабль. Обезумев от ненависти, туземцы размахивали ножами и подпрыгивали на месте.

— А теперь — быстро, — сказал Фаня, когда Донни заправил корабль.

Оттолкнув вождя, он запрыгнул в люк, и уже через секунду они были в воздухе, взяв курс на Тетис и ближайший от космопорта бар.

Туземцы жаждали крови — своей собственной. Каждый готов был отдать жизнь, чтобы смыть оскорбление, нанесенное их вождю и святыне.

Но чужеземцы ушли. Сражаться было не с кем.

Стентон Фрелэйн сел за свою конторку, пытаясь принять деловой и озабоченный вид, каковой и надлежало иметь совладельцу фирмы в девять тридцать утра. Однако это ему не удалось. Он никак не мог сосредоточиться и взяться за работу. Все его попытки сконцентрировать свое внимание на рекламе, написанной им же вчера вечером, ни к чему не привели. Единственное, что он был в состоянии делать, так это сидеть и ждать прибытия утренней почты.

Уже целых две недели он ждал извещения. Правительство, как всегда, не отличалось пунктуальностью.

На стеклянной двери его офиса значилось «Моргер и Фрелэйн, торговля мануфактурой» Дверь отворилась, и, слегка припадая на простреленную ногу (рана, полученная много лет тому назад) в кабинет вошел сам Е. Дж. Моргер. Он заметно сутулился, но в семьдесят три года его не очень-то волновали такие материи, как собственная осанка.

— Ну, Стен, — спросил Моргер. — Как идут дела с этой твоей рекламой?

Фрелэйн стал компаньоном Моргера еще шестнадцать лет тому назад, когда ему самому было двадцать семь. Концерн с оборотом в миллион долларов, возникший из «Одежды-Защиты», был их совместным детищем.

— Полагаю, вчерне уже готова, можете посмотреть, — сказал Фрелэйн, подавая Моргеру листок бумаги. «Если бы только почта пришла пораньше», — подумал он про себя.

— «Вы еще не приобрели „Костюм-Защиту“? — громко прочел Моргер, держа бумагу почти у самых глаз. — Модель по праву считается последним достижением мужской моды, что следует отнести за счет первоклассных мастеров и материала высшего качества, имеющихся в распоряжении фирмы „Моргер и Фрнлэйн“».

Моргер откашлялся и взглянул на Фрелэйна. Затем улыбнулся и продолжал:

— «„Костюм-Защита“ — не только самый безопасный, но и самый элегантный. Каждый образец выпускается со специальными вшитыми карманами для оружия. Мы гарантируем, что они сработают. Никто не будет знать, что оружие при вас, кроме вас самих! Кроме того, расположение карманов позволяет пустить в ход оружие без малейшей задержки. Вы сможете выбирать: карманы на груди или на бедрах».

— Пока звучит недурно, — прокомментировал Моргер.

Фрелэйн угрюмо кивнул.

— «„Костюм-Защита“ — спецмодель — оборудован автоматически раскрывающимся оружейным карманом, величайшим современным достижением в области индивидуальной защиты. Достаточно только прикоснуться к замаскированной кнопке — оружие мгновенно окажется в ваших руках, готовое к бою и со спущенным предохранителем. Почему бы вам не облачиться в „Костюм-Защиту“ прямо сейчас? Или вам не дорога ваша жизнь?»

— Прекрасно, — похвалил Моргер. — Действительно, очень милая рекламка, с этаким чувством собственного достоинства. — Он подумал немного, теребя сои седые усы. — Может, только следует прибавить, что „Костюм-Защита“ выпускается в разных вариантах, с одним или двумя карманами на груди, с одной или двумя кнопками, с прямыми или расклешенными брюками...

— Верно, я забыл.

Фрелэйн забрал листок обратно и на углу приписал несколько слов. Затем встал, несколько раз оправив куртку на своем уже значительно выделявшемся животе. Фрелэйну было уже сорок три. Он слегка пополнел, и на макушке появилась маленькая плешь. Лицо его сохраняло выражение постоянного добродушия, но взгляд был холоден.

— Расслабьтесь, — сказал Моргер. — Оно придет сегодняшней же почтой.

Фрелэйн через силу улыбнулся. Он почувствовал желание пройтись взад-вперед по комнате, а вместо этого он присел на край конторки.

— Можно подумать, будто это мое первое убийство, — произнес он с вымученной улыбкой.

— Я понимаю, каково вам, — ответил Моргер. — Прежде чем я окончательно повесил свой пистолет на гвоздь, я мог не спать месяцами, ожидая извещения. Я все понимаю.

Мужчины надолго замолчали. В тот момент, когда молчание начало становиться невыносимым, распахнулась дверь. Вошел рассыльный и вывалил корреспонденцию на конторку Фрелэйна.

Фрелэйн наклонился и взял письма Он быстро перебрал их и нашел одно, долгожданное, — продолговатый белый конверт от Б. Э. К., снабженный официальным правительственным штампом.

— Вот оно! — вскрикнул Фрелэйн, и лицо его расцветилось улыбкой.

— Отлично, — Моргер, хотя и взглянул на конверт с любопытством, все же ничем не проявил его. Мало того, что это было бы нарушением приличий, это было бы и нарушением закона. Никто не имел права знать имя Жертвы, кроме Охотника. — Удачной охоты.

— Надеюсь, что так оно и будет, — в голосе Фрелэйна прозвучала уверенность. Стол его был в порядке. Так же, как и неделю назад. Он взял портфель.

— Хорошая охота развеет вас, — сказал Моргер, похлопав его по плечу. — Вам просто необходимо встряхнуться. Вы какой-то взвинченный последнее время.

— Это точно, — Фрелэйн снова улыбнулся и пожал Моргеру руку.

— Чего бы я только не отдал, чтобы очутиться на вашем месте, — сказал тот, с комически-тоскливым выражением глядя на свою искалеченную ногу. — Так и тянет снова взяться за оружие. Моргер был уже Охотником экстракласса. Десять успешных Охот раскрыли перед ним двери

Клуба Десяти, Клуба избранных. Причем, нельзя забывать, что в результате каждой Охоты ему самому приходилось выступать в роли Жертвы, так что всего в его активе значилось двадцать убийств.

— Я, естественно, надеюсь, что мне не придется иметь дело с таким, как вы, — сказал Фрелэйн с улыбкой.

— Пустяки. Выбросьте это из головы. Какой эта Жертва будет по счету?

— Седьмой.

— Счастливая семерка... Ну, действуйте, — сказал Моргер. — Надеюсь скоро увидеть вас среди членов Клуба.

Фрелэйн махнул рукой и направился к двери.

— Но помните: бдительность — главное, — предостерег его на прощание Моргер. — Одна-единственная ошибка и... мне придется взять себе другого компаньона. Кстати, к вашему сведению, меня пока вполне устраивает нынешний.

— Буду осторожен, — пообещал Фрелэйн.

Вместо того чтобы воспользоваться автобусом, он решил пройтись до дома пешком. Требовалось время, чтобы остыть. Было бы просто смешно вести себя подобно мальчишке, выходящему на свое первое убийство.

По дороге домой Фрелэйн смотрел прямо перед собой. Глазеть по сторонам значило просто напрашиваться на пулю, так как кто-нибудь из прохожих мог неожиданно оказаться Жертвой. Бывали случаи, когда Жертвы стреляли, стоило только взглянуть на них. Нервные типы... Фрелэйн благоразумно старался глядеть поверх голов прохожих.

Впереди, прямо над ним, красовалась гигантская афиша, извещавшая о готовности Бюро Дж. Ф. О'Донована оказать услуги всем желающим.

«Жертвы! — гласили огромные красные буквы надписи. — Зачем рисковать? Нанимайте сыщиков у Дж. Ф. О'Донована. Предоставьте нам определить вашего возможного убийцу. Плата — после того, как вы разделаетесь с ним!»

Надпись напомнила Фрелэйну: необходимо сразу же по приходе домой позвонить Эду Морроу.

Пересекая улицу, Фрелэйн ускорил шаги. Ему не терпелось поскорее добраться до дома, вскрыть конверт и узнать, кто же на этот раз его Жертва. Умна она или глупа? Богата ли, как его Четвертая, или бедна, как Первая и Вторая? Пользуется ли услугами сыщиков или предпочитает действовать в одиночку?

Восхитительное ощущение предстоящей охоты возбуждало. Оно заставляло сердце биться быстрее. За квартал-два от дома Фрелэйн услышал выстрелы. Два коротких, почти одновременно, а затем третий, последний.

Чья-то охота увенчалась успехом, — подумал Фрелэйн. — Молодчина! Ощущение, испытываемое, когда настигаешь свою Жертву, не передать словами. И это снова придется пережить ему!

Первое, что он сделал, войдя в свою однокомнатную квартиру, — вызвал по телефону Эда Морроу, своего сыщика. В промежутках между вызовами тот служил в гараже.

— Алло, Эд? Это Фрелэйн.

— О, здравствуйте, мистер Фрелэйн. — Фрелэйн как будто видел перед собой его запачканное маслом лицо, тонкие губы, расплывшиеся в улыбке.

— Я собираюсь на дело, Эд.

— Желаю удачи, мистер Фрелэйн, — сказал Эд Морроу. — Я полагаю, мне надо быть наготове?

— Именно. Я не думаю, что буду отсутствовать больше недели, может, двух, а извещение о моем Статусе Жертвы я получу, вероятно, в течение трех месяцев после убийства.

— Я буду готов. Удачной охоты, мистер Фрелэйн.

— Спасибо. До скорого. — Он повесил трубку. Зарезервировать первоклассного сыщика было разумной мерой предосторожности. После убийства Фрелэйну снова придется выполнять роль Жертвы, и тогда, уж в который раз, Эд Морроу будет его ангелом-хранителем.

А каким блестящим сыщиком был Эд! Без всякого образования — да и не очень-то умный в придачу. Но что за глаза на людей! Это было у него от природы, с первого же взгляда

он мог определить приезжего, он проявлял дьявольскую изобретательность в организации засад. Незаменимый человек.

Припомнив некоторые из «подарочков», припасенных Эдом Морроу в свое время Охотникам, Фрелэйн ухмыльнулся и начал вскрывать конверт. Улыбка продолжала оставаться на его лице и в тот момент, когда он взглянул на имя Жертвы.

Жанет-Мари Патциг.

Его Жертва — женщина.

Фрелэйн встал и несколько минут стоял, глядя в одну точку. Затем он перечитал извещение еще раз. Жанет-Мари Патциг. Ошибки не было. Девушка. В конверте находились также три ее фотографии, листок с адресом и остальные необходимые сведения.

Фрелэйн нахмурился. До сих пор ему никогда не приходилось убивать женщину.

Он помедлил минуту, затем взял телефонную трубку и набрал номер Б. Э. К.

— Бюро Эмоционального Очищения, отдел информации, — ответил мужской голос.

— Алло, не могли бы вы проверить, — попросил Фрелэйн, — я только что получил извещение, и в нем указана девушка. Это разрешено? — Он дал клерку имя девушки.

— Все в порядке, сэр, — ответил клерк после минутного изучения картотеки. — Девушка зарегистрировалась в Бюро по собственной воле. На это счет Закон гласит: она обладает теми же правами и привилегиями, что и мужчины.

— Не могли бы вы сказать, сколько у нее уже убийств на счету?

— Очень сожалею, сэр. Информация, которую вы вправе получить, вы уже получили: легальный статус Жертвы и ее описания.

— Понятно, — Фрелэйн помедлил секунду. — А могу ли я выбрать себе другую Жертву?

— Вы, конечно, вообще можете отказаться от охоты. Это ваше законное право. Но попытка будет засчитана, и, прежде чем вы получите допуск к очередной Охоте, вам придется все же выступать в роли Жертвы. Желаете ли вы отказаться?

— Нет, нет, — торопливо проговорил Фрелэйн. — Я просто поинтересовался. Спасибо.

Он повесил трубку и, распустив брючный ремень, уселся в свое огромное кресло. Все это требовалось как-то обмозговать.

«Чертовы бабы, — проворчал он про себя. — Вечно они лезут в мужские дела. Занимались бы своей стиркой... Но ведь они — свободные граждане, — напомнил он себе. — И все равно это не было женским делом...»

Из истории ему к тому же было известно, что Бюро Эмоционального Очищения учреждено специально для мужчин, и только для них. Это произошло где-то в конце четвертой мировой войны, или шестой, как считали некоторые историки.

В те годы назрела необходимость в длительном и прочном мире. Причины были чисто практического свойства. В той же степени практичными были и люди, начавшие всю эту кампанию.

Дело в том, что уничтожение было не за горами. Оружие, используемое в мировых войнах, увеличилось по количеству, эффективности и мощности. Солдаты свыклись с ним и все чаще и чаще отказывались применять его. Положение достигло критической точки. Следующая война разом бы положила конец всем войнам вообще, так как не осталось бы никого, кто был бы в состоянии развязать следующую.

Итак, мир был необходим, и необходим он был навечно, а люди, понявшие это, были практичны. Они проанализировали существовавшие до сих пор тенденции и причины, по которым развязывались войны, и задали себе вопрос: почему мир никак не мог воцариться?

— Потому что мужчинам нравится воевать, — был ответ.

— Нет, не поэтому! — завопили идеалисты.

Однако люди, предложившие идею, были вынуждены с сожалением признать существование необходимости в насилии для большей части человечества.

Люди отнюдь не ангелы. Но и не дьяволы. Они всего лишь смертные, которым присущ высокий уровень агрессивности.

Обладая научными знаниями и властью, эти практичные люди могли бы начать длительную работу по искоренению этой черты человеческой расы. Многие полагали, что следовало пойти именно по этому пути.

Но практичные люди думали иначе и не стали затевать это. Они сочли, что конкуренция, тяга к драке, мужество перед лицом непреодолимых препятствий являются решающими для расы.

Они обнаружили: тенденция к насилию неразрывно связана с изобретательностью, приспособляемостью, настойчивостью. Таким образом, перед ними встала проблема: либо оставить состояние мира навечно, но в то же время остановить прогресс человечества, либо сохранить все эти его важные свойства...

И они нашли выход — узаконить насилие.

Дать человеку отдушину...

Первым значительным шагом на этом пути явилась легализация гладиаторских боев, полных рева и крови. Но требовалось большее. Людям были необходимы подлинные ощущения, а не суррогаты...

Поэтому пришлось узаконить убийство, правда, на строго индивидуальной основе, и только для тех, кто в нем нуждался.

Правительство основало Бюро Эмоционального Очищения.

После периода экспериментов установили единые правила.

Любой гражданин, пожелавший совершить убийство, мог зарегистрироваться в Б. Э. К. После совершения

необходимых формальностей (выражавшихся в инструктаже и гарантиях) Бюро обеспечивало его жертвой.

Если его Охота проходила удачно, то спустя несколько месяцев он должен был сам, в соответствии с правительственным законом, некоторое время провести в роли Жертвы.

Такова, в сущности, была система. Индивид мог совершить столько убийств, сколько хотел, однако в перерывах между ними он становился Жертвой. В случае убийства своего Охотника он мог остановиться, либо записаться на следующее убийство.

К концу первого десятилетия статистика установила: примерно одна треть цивилизованного человечества обращалась в Б. Э. К. по крайней мере один раз. Затем число, уменьшившись до одной четверти, так и осталось неизменным.

Философы покачивали головами. Практики чувствовали удовлетворение. Война оставалась там, где и зарождалась — в руках индивидуума.

По мере развития игры, в нее вносились уточнения и усовершенствования. С момента ее официального признания она превратилась в Большой Бизнес. Существовали Фирмы, обслуживающие и Жертв, и Охотников.

Бюро Эмоционального Очищения выбирало имена Жертв наугад. Охотнику предоставлялось две недели, за которые он должен был совершить убийство. Сделать это требовалось только при помощи собственной изобретательности, без вмешательства посторонних лиц. Давались: имя Жертвы, ее адрес и описание внешности. Совершить убийство он мог, пользуясь пистолетом стандартного калибра. Носить какое-либо другое оружие запрещалось.

Жертва получала извещение на неделю раньше Охотника. Ей сообщалось одно: она — Жертва. Она не знала имени своего Охотника. Жертве позволялось выбрать себе оружие любого типа, которое только имелось в ее распоряжении. Жертва могла нанять сыщиков. Сыщики не имели

права убивать. Они могли лишь зафиксировать появление в городе незнакомца или выведать нервного стрелка.

Как уже было сказано, для устранения охотника Жертве разрешались все средства.

Убийство или ранение постороннего человека, не являвшегося Жертвой, строго каралось. Все другие убийства запрещались. Убийство, вызванное недоброжелательностью, или убийство с целью наживы влекли за собой смертную казнь.

Совершенство системы заключалось в том, что те, кто желал убивать, получали эту возможность. От тех же, кого это не привлекало, а именно — основной массы населения — не требовалось кого-то убивать.

По крайней мере, глобальных войн больше не было. Не было даже угрозы их.

Вместо этого — сотни и тысячи малых...

* * *

...Честно говоря, предстоящее убийство не очень-то улыбалось Фрелэйну — и все потому, что Жертвой оказалась эта чертова баба. Впрочем, коли она сама зарегистрировалась, то и пускай пеняет на себя. Уцелев после шести Охот, он не собирался засыпаться и на этот раз...

Остаток утра он провел, запоминая сведения о своей Жертве. Затем подшил полученное извещение к предшествующим.

Жанет Патциг проживала в Нью-Йорке. Это было неплохо. Ему доставляла удовольствие Охота в больших городах. К тому же он всегда мечтал посмотреть Нью-Йорк. Возраст ее не был указан. Однако, судя по фотографии, ей было что-то около двадцати с небольшим.

Фрелэйн заказал по телефону билеты на самолет в Нью-Йорк, после чего принял душ. Он придирчиво осмотрел свой «Костюм-Защиту, Спецмодель». Выбрал из своей коллекции оружие. Почистил и смазал его. И, засунув его в «выстреливающий» карман, принялся паковать чемодан.

От возбуждения кровь его пульсировала в жилах. «Как странно, — думал он, — каждое новое убийство так по-новому возбуждает. От этого не устаешь. Это не прискучит в отличие от французских пирожных, женщин или выпивки. Каждый раз что-то новое, непохожее на предыдущее...»

Окончив сборы, он бросил взгляд на книжную полку, соображая, что захватить в дорогу.

Он мог гордиться: в его библиотеке было все, что следовало знать специалисту. Сейчас ему вряд ли понадобится литература о Жертвах (такие, например, книги, как «Тактика Жертвы» Л. Фреда Теса с ее идеологией тщательного контроля окружающих, или труд доктора Фриша «Не думай, КАК Жертва!»).

Эти книги пригодятся ему потом, когда он сам превратится в Жертву. Пока же он стал тщательно изучать книги об Охотниках.

«Человек на Охоте (Тактика Охотника)» — классический фундаментальнейший труд в данной области. Фрелэйн знал его почти назубок. «Последние Достижения в Технике Засад» сегодня ему не требовались.

В конце концов он остановился на «Охоте в Городах» Митвелла и Кларка, «Выследить сыщика» Олгрина и книге «Жертвы в Группах» того же автора.

Все дела таким образом удалось устроить. Фрелэйн оставил записку молочнику. Запер квартиру, и на такси доехал до аэропорта.

В Нью-Йорке он остановился в отеле, расположенном в центре города, как раз поблизости от района, в котором жила его Жертва. Обслуживали его быстро и неназойливо. Но эта раздражающая вежливость, ухмылки коридорных, — словом, все указывало на то, что ему — судя по всему, ему не удалось сохранить свое инкогнито. Видимо, что-то в его поведении все же выдавало в нем Охотника...

Первое, что он увидел, войдя в номер, была брошюрка на ночном столике. «Максимум Эмоционального Катарсиса — в ваших руках» содержала, в основном, стандартные

комплименты администрации. Фрелэйн, улыбнувшись, перелистал несколько страниц.

Поскольку это был его первый визит в Нью-Йорк, оставшиеся полдня он провел, гуляя по улицам поблизости от дома Жертвы. Потом прошелся по магазинам.

Зал «Охота и Охотник» у Мартинсона и Блэка поразил его своим размахом. Кроме прочих новинок, там демонстрировались легкие пуленепробиваемые жилеты для Жертв и шляпы Ричарда Арлингтона с защитной тульей.

В одном углу зала расположилась большая выставка новенького 38-мм оружия.

«Пользуйтесь только Малверном Прямого Боя! — призывала реклама, — Одобрено Б. Э. К. В обойме — двенадцать патронов. Допустимое отклонение всего 0,001 дюйма с 1000 футов. Не упустите Вашу Жертву. Не рискуйте жизнью зря — покупайте Малверн! Спасение — только с Малверном!»

Фрелэйн улыбнулся. Реклама что надо, да и само маленькое черное оружие выглядело чрезвычайно убедительно, но он привык доверять собственному.

Продавались еще специальные трости с «секретом». В них спрятан магазин на четыре патрона, хорошо замаскированный и безопасный в употреблении. Когда Фрелэйн был молод, он с жадностью хватался за всякую новинку. Сейчас он пришел к выводу: старые и проверенные способы на поверку оказывались самыми надежными.

У входа в магазин стояла машина Санитарного Управления, в которую четверо парней-служащих втаскивали свежие трупы, надо думать, после недавней перестрелки. Фрелэйн пожалел, что пропустил это зрелище.

Он вполне сносно пообедал в хорошем ресторане и рано лег спать. Предстоящий денек обещал быть нелегким.

С утра Фрелэйн отправился на разведку. Он побродил в окрестностях дома, где жила его Жертва. И ее внешность словно стояла у него перед глазами. Он не вглядывался в прохожих, наоборот, как и полагалось заправскому

Охотнику, двигался быстрой, озабоченной походкой делового человека.

Обойдя несколько баров и подкрепившись в одном из них, он направился по боковой улице Лексингтон-Авеню.

Прямо на тротуаре примостилось приятное открытое кафе. Фрелэйн прошел мимо.

Она сидела там: он ни за что не мог перепутать лицо. За столиком, уставившись в бокал, находилась именно Жанет Патциг. Она не подняла глаз, когда он проходил мимо.

Фрелэйн профланировал до конца квартала, свернул за угол и остановился, чувствуя, как дрожат руки.

Рехнулась она, что ли, эта девушка, выставляя себя напоказ? Или она воображает, что заколдована от пуль?

Он схватил такси и приказал шоферу объехать квартал. Она все еще находилась там. Фрелэйн внимательно рассмотрел ее.

Она казалась моложе своей фотографии, но твердой уверенности у Фрелэйна не было. На взгляд он не дал бы ей больше двадцати. Ее темные волосы были разделены на прямой пробор и зачесаны за уши. В сочетании с ее темно-голубыми глазами это придавало ей сходство с монахиней. Насколько Фрелэйн мог судить, лицо ее не выражало ничего, кроме глубокой печали и полной покорности судьбе.

Неужели ей не пришло в голову сделать хоть что-то для спасения?

Фрелэйн расплатился, вылез из такси и почти бегом направился в близлежащую аптеку. Найдя свободный телефон-автомат, он позвонил в Б. Э. К.

— Алло, вы уверены, что Жертва по имени Жанет Патциг получила извещение?

— Одну секунду, сэр. — Пока клерк просматривал бумаги, Фрелэйн прислонился к стеклянной дверце, от нетерпения барабаня по ней пальцами. — Да, сэр. У нас имеется ее письменное подтверждение. Что-нибудь не так, сэр?!

— Нет, ничего, спасибо, — буркнул Фрелэйн. — Просто хотел уточнить.

В конце кондов, если девчонка собирается и дальше так сидеть, это ее личное дело. Его это не касается. Никто не смог отнять у него того, что полагалось ему по закону. Сейчас его очередь убивать.

Однако, решив отложить дело на день, он пошел в кино. После, пообедав, вернулся к себе в номер, перелистал брошюрку и завалился на постель, свирепо уставившись в потолок.

«Всего-то и делов, — подумал он, — всадить в нее пулю. Просто шлепнуть ее из окошка такси и точка.

Лишний раз подтверждается правило: нечего бабам лезть не в свои дела», — злорадно решил Фрелэйн, засыпая.

Убийство — не женского ума дело, а раз напросилась, то пеняй, дура, на себя. С этой мыслью Фрелэйн заснул.

На следующее утро Фрелэйн в очередной раз прошелся мимо кафе. Девушка опять сидела там за тем же столиком. Он остановил такси.

— Вокруг дома, очень медленно, — сказал он.

— Ясно, — понимающе ухмыльнулся водитель.

Наблюдать за сыщиками проще всего из такси. Изучив обстановку, он заключил, что у девушки их не было. Руки она держала на столе, на самом виду.

Легкая, неподвижная мишень...

Фрелэйн нажал кнопку спецкармана, клапан открылся. Пистолет очутился в его руке. Он вытащил обойму, пересчитал патроны, затем щелчком закрыл карман.

— Теперь медленнее, — сказал он водителю.

Такси проследовало мимо кафе. Фрелэйн тщательно прицелился, «посадил» девушку на мушку. Палец его уже потянулся к спусковому крючку...

— А, чтоб тебя! — выругался он.

Рядом со столиком, заслоняя девушку, появился официант. Фрелэйн не захотел рисковать, побоявшись задеть кого-то еще.

— Еще раз вокруг, — сказал он водителю.

Тот отпустил очередную саркастическую усмешку. Интересно, подумал Фрелэйн, так бы ты веселился, если бы узнал, что я охочусь на женщину?

На этот раз официант не мешал. Девушка закурила сигарету. Ее угрюмый взгляд застыл на зажигалке.

Фрелэйн взял ее на прицел, прищурился и на миг затаил дыхание.

Потом махнул головой и снова опустил пистолет в карман.

Эта идиотка лишала его всего удовольствия.

Слишком просто, говорил он себе. Обычно у него получались действительно Охоты. Большинство из тех шести убийств были настоящей работой. Жертвы использовали всевозможные трюки, чтобы уцелеть. Помнится, один из них нанял чуть ли не дюжину сыщиков, однако Фрелэйн перехитрил их всех, и все благодаря его умению адаптироваться к самой сложной ситуации.

Однажды ему пришлось переодеться молочником, в другой раз — сборщиком налогов. За Шестой Жертвой Охота шла по всей Сьерра-Неваде (тот парень тоже пытался прикончить Фрелэйна, но Фрелэйн опередил его...).

А эта? Разве подобным убийством можно было гордиться? И что скажут в Клубе?

Эта мысль привела Фрелэйна в ужас. Клуб был его мечтой. А пропусти он сейчас девушку, ему все равно придется становиться Жертвой. И даже выживи он, все равно останется еще четыре Охоты... С такими темпами он рискует никогда туда не попасть.

Он опять начал прогуливаться около кафе, но внезапно, под воздействием какого-то импульса, круто остановился.

— Разрешите? — сказал он.

Жанет Патциг окинула его взглядом своих хмурых голубых глаз и ничего не сказала в ответ.

— Послушайте, — сказал он, садясь рядом. — Если я вам буду надоедать, вы только скажите, я уйду. Дело в том, что сам я из провинции. Приехал в Нью-Йорк по делам... Просто захотелось поболтать с кем-нибудь. Если вы против, то я...

— Мне все равно, — ответила Жанет Патциг без всякого выражения.

— Брэнди, — бросил Фрелэйн подошедшему официанту. Бокал девушки был все еще наполовину полон.

Фрелэйн взглянул на свою соседку и почувствовал, как сердце его забилось с новой силой. Это уже было кое-что — выпивать с собственной Жертвой!

— Меня зовут Стентон Фрелэйн, — представился он. На минуту у него мелькнула мысль, что это уже не имеет никакого значения.

— Жанет.

— Жанет, э-э...

— Жанет Патциг.

— Очень приятно, — стараясь выглядеть, насколько можно, более естественным, произнес он. — Скажите, Жанет, а что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером я, вероятно, буду убита, — ответила она очень тихо.

Фрелэйн окинул ее изучающим взглядом. Знала ли она, кто он? Насколько он мог судить, под столом у нее был спрятан направленный на него пистолет.

Он невзначай придвинул руку поближе к кнопке на костюме.

— Вы — Жертва? — спросил он.

— Вы догадливы, — ответила она с саркастической усмешкой. — Кстати, на вашем месте я бы ушла отсюда. Просто глупо получить пулю, предназначенную не вам.

Фрелэйну было непонятно ее спокойствие. Самоубийца? Может, ей действительно на все наплевать? Или просто очень хочет умереть?

— Вы обзавелись сыщиком? — спросил он с изумлением.

— Нет. Она поглядела ему прямо в глаза. И Фрелэйн увидел то, чего раньше не замечал.

Она была очень хороша собой.

— Я дурная, испорченная девчонка, — произнесла она задумчиво. Вбила себе в голову, что мне нравится совершать убийства и зарегистрировалась в Б. Э. К. А потом... потом я не смогла сделать этого.

Слегка симпатизируя ей, Фрелэйн покачал головой.

— Но я, естественно, все еще участник игры. Хотя и не выстрелив, я продолжаю оставаться Жертвой.

— Но почему же не нанять сыщиков? — спросил он.

— Я никого не смогу убить, — ответила она. — Просто не в состоянии. Да у меня даже и пистолета-то нет.

— Надо обладать достаточным мужеством, — произнес Фрелэйн, — чтобы сидеть вот так, на виду. — Сказать по правде, его просто изумляла ее глупость.

— Что делать, — апатично ответила она. — От Охотника не укрыться. Никому не укрыться. И потом, у меня нет таких денег, чтобы куда-то надежно спрятаться.

— Однако, я полагал, когда дело идет о спасении... — начал было Фрелэйн, но она перебила его.

— Нет. Я сама решилась на это. Все плохо... все в целом, вся эта затея. Когда я держала свою Жертву на мушке... когда я поняла, как легко могла бы... могла бы...

Она взяла себя в руки.

— Хватит об этом, — сказала она и улыбнулась.

Ее улыбка очаровала Фрелэйна.

Они разговорились. Фрелэйн рассказал ей о своей работе, она ему — о Нью-Йорке. Ей было двадцать два. Она была неудавшейся актрисой.

Они поужинали вместе. Когда же она приняла приглашение Фрелэйна сходить в Гладиаториум, тот почувствовал себя на седьмом небе.

Вызвав такси, — получалось так, что все свое время в Нью-Йорке он провел в такси, — Фрелэйн открыл перед ней дверцу.

Она села в машину. Фрелэйн заколебался.

Ему ничего не стоило всадить в нее пулю прямо сейчас. Более удобного случая уже не представится.

Но он сдержался. Еще немного...

Гладиаториум здесь был почти таким же, как и везде, разве что уровень исполнителей казался немного повыше. Программа тоже не отличалась разнообразием. Тот же исторический антураж, меченосцы, копьеносцы, дуэли на саблях и рапирах (естественно, все схватки продолжались до смертельного исхода).

Затем следовали поединки с быками, львами и носорогами. В следующем отделении — сценки из более позднего времени. Схватка на баррикадах с луками и стрелами, поединки на высоко натянутой проволоке.

Вечер прошел великолепно.

Провожая ее до дома, Фрелэйн старался скрыть все возрастающее смущение. Никогда еще ни одна женщина не нравилась ему так, как Жанет. И все же она по-прежнему оставалась его Жертвой.

Он не представлял себе, что будет делать дальше.

Она пригласила его войти. Они сели на кушетку. Жанет прикурила от массивной зажигалки и откинулась на спинку.

— Ты скоро уедешь? — спросила она.

— Думаю, да, — ответил Фрелэйн, — Съезд послезавтра закрывается.

Она помолчала. — Мне будет без тебя грустно.

Некоторое время они сидели молча. Потом Жанет ушла на кухню смешать коктейль. Фрелэйн проследил взглядом, как она возвращается. Все, теперь самое время... Он дотронулся рукой до кнопки.

Но момент был безвозвратно упущен. Он вовсе не собирался застрелить ее. Невозможно убить девушку, которую любишь.

Мысль, что он влюбился, привела Фрелэйна в состояние шока. Он приехал в Нью-Йорк, чтобы убить эту девушку, а вовсе не для того, чтобы жениться на ней!

Она вернулась, держа в руках бокалы, и опустилась на кушетку рядом с ним, уставившись в пространство.

— Жанет, — сказал он. — Я люблю тебя.

Она выпрямилась. В глазах ее стояли слезы.

— Не надо, ты не можешь... — произнесла она сдавленным голосом. — Я же Жертва. Я и не успею дожить до...

— Ты не будешь убита. Я — твой Охотник.

Она пристально посмотрела на него, затем неуверенно улыбнулась.

— Ты собираешься меня убить?

— Перестань, — сказал он. — Я собираюсь на тебе жениться.

Она оказалась в его объятиях.

— Боже мой! — задохнулась она. — Это ожидание... Я так издергалась... Какой ужас...

— Все позади, — успокаивал он ее. — Ты только подумай, как мы будем рассказывать всю эту историю нашим детям. Как их папа явился убить их маму, а вместо этого женился на ней...

Она поцеловала его, потом закурила.

— Давай сразу же начнем собираться, — начал Фрелэйн. — Вот что я думаю...

— Погоди, — остановила она его. — Ты даже не поинтересовался, люблю ли я тебя?

— Что?

Она все еще продолжала улыбаться. И ее большая зажигалка была направлена прямо на него. На ее нижнем конце виднелось небольшое черное отверстие. В него как раз могла бы пройти пуля 38-мм калибра.

— Что за шутки? — закричал он, вскакивая с места.

— Я не собираюсь шутить милый, милый, — ответила она.

Секунды оказалось Фрелэйну достаточно, чтобы изумиться, и как ему в голову-то могло прийти дать ей не больше двадцати?! Глядя на нее сейчас — глядя по-настоящему — он понял: ей далеко за тридцать. Каждая минута ее напряженного, ненормального, издерганного существования отражалось на ее лице.

— Я не люблю тебя, Стентон, — тихо произнесла она, играя зажигалкой.

Фрелэйн не намерен был отдавать жизнь без боя. Какая-то частичка его «Я», существующая, казалось, сама по себе, все же смогла отдать должное восхитительному таланту этой актрисы. С самого начала она, должно быть, знала все.

Он нажал кнопку, и пистолет со спущенным предохранителем очутился в руке...

Удар нечеловеческой силы отбросил его на кофейный столик. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев.

Задыхаясь, теряя сознание, он видел, как она внимательно прицелилась для нанесения удара милосердия.

— Теперь-то, наконец, я смогу вступить в Клуб, — последнее, что он услышал, был ее счастливый голос в тот момент, когда она спустила курок.

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой, — сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка. — Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива», — подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться

от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше давления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и размякало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А. Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он; когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик», прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела „Авиньон электрик“».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. «Отличный сегодня денек», — сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. — Все ли в исправности?

— О да, — с энтузиазмом ответил Кэррин. — Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены, — ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно. — Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно, — сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки. — Просто чудесно.

— Очень рад, — сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. — Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, — говорил между тем мистер Пэтис. — У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился. — По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да, — сказал Пэтис, вновь нахмурясь. — В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, — таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. — Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею, — трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако, зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть, — сказал Кэррин. — Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр, — вставил Пэтис, — это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно, — подтвердил Кэррин. — Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно, — с сомнением проговорил Кэррин. Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал, — сказал Кэррин, — дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом. — Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул, — А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис. — Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

* * *

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. — Поглядика.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный, — похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин, — сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо, — апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами. — Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю, — ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. — Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату. Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть, — возразил Билли. — Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет, — сказал Кэррин, — однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину.

— На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый, — сказала Лила. — Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, — угрюмо настаивал мальчик. — Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. — Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо. — Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца, и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр? Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок, — резко произнес он, — ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. — Голос его смягчился. — Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, — ответил мальчик. — Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет, — сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, подхватила мать.

— Конечно, останусь, — отозвался Билл, — Конечно. — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада, — ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал, — попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами, — сказала Лила. — Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина,

автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно, — ответил сменщик. — Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке, — сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке. — Прошла другая машина. Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил; что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке. Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

СТРАЖ-ПТИЦА

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге. Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. «Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, — с кривой усмешкой сказал он себе. — Весьма избранное общество. Если

желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд».

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел ближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство — проблема, старая, как мир, а страж-птица решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже, чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем заключается ваше возражение? — спросил представитель.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно, — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Полагаю, что вы правы, — вставил представитель. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу прежде, чем он совершит убийство. Если мы из

философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно! Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай да наука!

Двое полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских.

— Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих стражптиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. «Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили стражптицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. «Вот смех», — сказал Селтрикс.

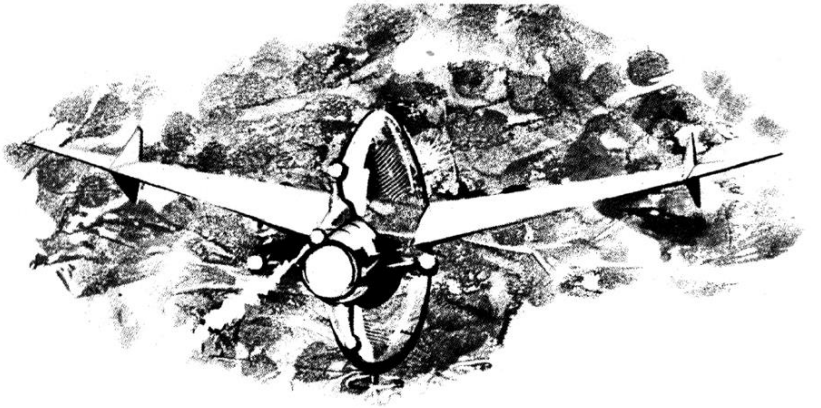
— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.



— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и

химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, ощущала необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично, Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну, почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну, конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю, как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать

им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен. — Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя. На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону. — Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни. — Но выто не изобрели страж-птицу. — Все равно я в ответе, раз я их выпускаю. Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку. — Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлете мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того, есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смерклось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же. Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагаются временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? Всякое живое существо? И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер.

Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать, что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем

же отличается живое существо от неживых предмете. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы. Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы. На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось. Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стадо немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм, ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере я могу теперь заявить: „Говорил я вам!“ Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы — машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины-дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но Страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние и методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки; руки чесались сбить их метким

выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная орда, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Уверяю вас, об этом сейчас нечего беспокоиться, — заговорил представитель. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают, Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель, — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносилен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, сама убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы. Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено

обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же, как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина.

Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому

научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

УЛЬТИМАТУМ

1

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Контакт экспедиции 87С6 с планетой, локально обозначенной как Сол-III, состоялся. Мы посадили корабли возле столиц некоторых государств. Как и ожидалось, это спровоцировало панику и массовые беспорядки.

Во время спуска мы подверглись атакам химического, молекулярного и атомного типов. Атаки были ожидаемы, и, разумеется, мы их нуллифицировали без каких-либо последствий для жизни. Проведя анализ, мы пришли к заключению, что Сол-III не располагает оружием мощнее

атомного. Из чего можно сделать вывод, что непосредственной опасности для нас нет.

Население Сол-III – первостепенные дикари, странные, неадекватные существа. Внешне они похожи на нас и наделены достаточными умственными способностями, чтобы мы могли их обучать.

С психологической точки зрения их можно рассматривать как отклонение от нормы.

Атаки, направленные против нас, преследовали очевидную цель – лишить нас жизни и не решали ни одной из общепризнанных задач войны. Такую ситуацию нельзя назвать уникальной, однако, когда сталкиваешься с ней в реальности, она шокирует.

Предварительное исследование показало: земляне рассматривают лишение жизни как универсальное средство решения проблем. Истоки этого психоза коренятся глубоко в их истории.

Наш обучающий персонал пытается объяснить им, в упрощенной форме, истинную природу того, что они называют войной.

1. Что война, по существу, должна быть символическим действом.

2. Что задачи войны заключаются в (а) захвате символических документов, (б) разрушении боевых механизмов, (в) насаждении ценностей, как преходящих, так и вечных.

Для этого мы обучаем их принципу сообразности. Пока что земляне не проявляют должного понимания этого закона природы.

Рад доложить, что наши действия не причинили их жизням непосредственного вреда. Трагические случаи произошли только по вине самих землян, принимавших участие в беспорядках. Мы прикладываем все усилия для нормализации ситуации.

Во все главные столицы планеты направлен ультиматум следующего содержания: «К двенадцати часам дня местного времени все документы символического

конституционного значения должны быть переданы боевым роботам Нама. Одновременно должны быть сделаны распоряжения о роспуске армий. Функции правительства должны перейти под временное управление должностных лиц Нама».

После выполнения наших требований мы приступим к окультуриванию этой примитивной расы более тонкими средствами.

Ара, только, между нами. Эта планета сводит меня с ума. Ее история – это летопись убийств, грабежей и насилия. Реки крови, океаны крови, даже сама земля этой планеты пропитана кровью. Я не хочу здесь оставаться. Земляне строят против нас козни, я знаю. И пусть их армии скоро расформируют, да и сами они не способны причинить нам вред, ненависть в воздухе почти осязаема.

Однако работа по окультуриванию должна продолжаться.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

* * *

За окном у лестницы Капитолия шумела толпа. Воздух полнился низким однотонным гулом, словно вся толпа ворчала одним голосом. Изредка раздавались выстрелы.

– Уже есть двенадцать? – спросил Киото.

Полковник Калвер взглянул на дорогие наручные часы:

– Нет. Без пятнадцати.

– Ага, – многозначительно протянул Киото и, отвернувшись от окна, посмотрел на Калвера. – Ну и где этот ваш Гримше?

– Будет с минуты на минуту. – Полковник подошел к столу и начал перелистывать брошюру, одну из тех, что распространяли захватчики Нама.

– Он уже должен прийти, – тихо произнес Киото, немного смущаясь своих слов.

Полковник кивнул. Киото почувствовал себя совсем неловко. Он не понимал американцев – даже больше, чем не понимал Нама. Как может полковник сохранять спокойствие, когда робот Нама готовится войти в Капитолий и завладеть американской конституцией? Киото пожалел, что не остался в Японии со своим народом. Но тут же напомнил себе: сейчас главное – остановить Нама, любой ценой. Только Америка владеет оружием, по мощи превосходящим атомное. Перед лицом общего врага Америка рассчитывает на помощь. Если научные знания Киото способны помочь, как сказал полковник, значит они помогут…

Шум толпы усилился. Полковник Калвер сидел на стуле и читал брошюру, покачивая ногой. Киото мерил шагами комнату, нервно ероша волосы. Он надеялся, что жена, получив телеграмму, послушается его совета и тотчас переедет на остров Хонсю. В Токио оставаться рискованно, особенно если Нама вторгнутся в императорский дворец. На Хонсю, в доме его отца, жена и дети будут в безопасности.

– Очень интересно, – пробормотал полковник.

– Что именно? – быстро спросил Киото.

– Их теория сообразности. – Лицо Калвера оживилось. – Вот послушайте. «При столкновении двух сил меньшая трансформируется, чтобы стать похожей на большую. Сила в этом случае подчиняется фундаментальному закону сообразности, или соответствия реальному миру, и физически, и ментально». Что вы на это скажете?

– Метафизика. Какое нам дело до их рационалистических объяснений?

– Прекратите расхаживать, рядовой! – шутливо приказал Калвер. – Конечно, нам есть до них дело, самое непосредственное. Знать о враге как можно больше – первое правило на войне. Вот смотрите: для Нама отнимать чью-то жизнь – основополагающее табу. А на это что вы скажете?

Киото пожал плечами. В других обстоятельствах он бы с удовольствием подискутировал на предложенную тему. Но только не сейчас, когда армии мира расформированы, боевая техника уничтожена и все зависит от одного незаконченного образца оружия и одного человека...

– Мы можем доверять этому Гримше?

– Абсолютно. – Калвер выдвинул ящик и начал выставлять на стол банки с импортным табаком. Последней он достал закопченную глиняную трубку. – Гримше служил под моим началом. Я без колебаний доверю этому большому хмурому человеку свою жизнь.

– Он военнослужащий? – неодобрительно спросил Киото.

– Мастер-сержант.

– Понятно. – Киото снова начал ходить из угла в угол. Вообще-то, он думал, что войну против Нама будут вести ученые, особенно после того, как военные расписались в полной беспомощности. Ученых он понимал. А вот возложить такую ответственность на сержанта...

Калвер, должно быть, услышал мысли Киото.

– Да не волнуйтесь вы так. Гримше – ответственный, целеустремленный и неподкупный человек. Он действует как бульдозер. Дайте ему задание – и он выполнит его, даже если весь мир ляжет трухой у его ног, а человечество превратится в воспоминание. – Калвер улыбкой извинился за излишнее красноречие.

– Очень поэтично, – сказал Киото. Но солдатам он все равно не доверял.

Полковник встал и с сожалением осмотрел свой мундир.

– Переоденусь-ка я лучше в гражданское, – вздохнул он. – По-видимому, армии больше нет.

– Я принесу чемоданчик, – сказал Киото. Подойдя к двери, он остановился. – Сколько сейчас времени?

– Без трех двенадцать, – отозвался Калвер, развязывая галстук цвета хаки.

Снаружи гул толпы звучал все более угрожающе.

Мастер-сержант Эдвин Гримше знал, что не должен оставаться в толпе. Его ждет полковник. Но что-то удерживало его среди людей.

Он мало общался с гражданскими последние двенадцать лет. Действия толпы завораживали и отталкивали одновременно. На текущий момент очарование победило.

Мимо Гримше протискивался мужчина, сжимая метровый отрезок свинцовой трубы.

– Он не войдет в Капитолий, – рычал он. – Мы разнесем его на куски!

Сержант с любопытством посмотрел на мужчину. Он что, собирается атаковать робота, весящего, должно быть, целую тонну, с отрезком трубы? Эти гражданские настроены по-боевому. Правда, хватает их ненадолго. Такие же толпы собирались по всему миру. Их отвага улетучивалась после первой же неудачи.

Гримше взглянул на часы. Без двух двенадцать. Ультиматум истекает ровно в полдень – крайний срок, чтобы передать им Конституцию и Декларацию независимости, которые находились под охраной в Капитолии. Иначе их заберет робот Нама. Пока же огромный золотистый робот бездействовал на ступенях Капитолия.

Гримше остался стоять на месте, когда толпа устремилась вперед. Тысячи человек растеклись широким полукругом вокруг неподвижного робота. Немногочисленные военнослужащие пытались сдерживать людей, чтобы обеспечить пулеметам и

гранатометам зону обстрела. Но разъяренная толпа жаждала мести.

Гримше понимал чувства людей. Он и сам с удовольствием разорвал бы на части кого-нибудь из захватчиков, но ему были чужды скоротечные, легкомысленные страсти толпы. Такие эмоции быстро проходят вслед за первой волной ненависти. Гримше ждал своего часа. И если понадобится, был готов ждать вечность.

Толпа беспокойно ворочалась, словно огромный осьминог. Люди щупальцами вытягивались из толпы, бились о заграждения и втягивались назад. Толпа заходилась в едином крике, наступала и отступала единой волной, сжимала один гигантский кулак.

Двенадцать часов. Робот Нама наклонился вперед и стал подниматься по ступеням Капитолия. Затрещали армейские пулеметы. Пули рикошетили от блестящего корпуса и разлетались во все стороны, в том числе в людей. Кто-то закричал от боли, но крик потонул в реве толпы.

Неодобрительно хмурясь, Гримше смотрел, как толпа прорывает заграждение и бежит вслед за роботом. В тот момент, когда они настигли его, сработали мины, установленные на ступенях Капитолия. Взрывы проделали в толпе большую красную дыру. Прогалина быстро заполнилась людьми. Робот продолжал двигаться в прежнем темпе.

Солдаты прекратили огонь – толпа окончательно окружила робота. Люди бросались на него, колотили по корпусу разводными ключами, монтировками, прикладами. У одного была ацетиленовая горелка; он цеплялся за спину робота и пытался проплавить ему плечи. Робот отрешенно двигался вперед, игнорируя действия людей и аккуратно перешагивая через тела.

Но вдруг настроение толпы изменилось. Гнев уступил место мрачным предчувствиям, первобытному страху и, наконец, панике.

– Он преследует меня! – крикнул кто-то, хотя робот двигался прямо ко входу в Капитолий.

– Он наступает!

Толпа развернулась и обратилась в бегство. У Гримше было преимущество в несколько секунд. Расталкивая людей, он зашагал прочь размашистой походкой крупного человека. Робота он не боялся, а вот толпа затопчет любого, кто окажется на пути. Оглянувшись, он поймал последний отблеск золотистого корпуса: робот беспрепятственно входил в Капитолий.

«Гражданские вели себя глупо, как обычно», – констатировал Гримше.

Все, на экскурсию он потратил достаточно времени.

2

Неподалеку от Капитолия по адресу, который продиктовал полковник Калвер, располагалось узкое коричневое здание. Гримше постучал в дверь и, услышав крик Калвера «открыто», вошел и оказался в гостиной.

Вместо военной формы на полковнике Калвере был серый деловой костюм. Но военная выправка никуда не делась. Костюм был ладно подогнан, а цветок в петлице смотрелся как знак различия. Перед полковником на низком столике стояло с десяток банок импортного табака, рядом лежала глиняная трубка. Калвер смешивал табак в коньячном бокале, принюхиваясь к полученной смеси.

– Вольно, сержант, садись, – сказал Калвер. – Мы больше не в армии.

Гримше промолчал в ответ. Он знал, что они все равно на службе – и не важно, в форме они или нет. Калвер добавил к смеси еще несколько табачных волокон, нежно потряс бокал и начал набивать трубку.

– Что происходит на улице?

– Толпа попыталась остановить робота, – доложил Гримше, присев на край табурета. – Им это не удалось.

– Ничего удивительного. – Калвер раскурил трубку с помощью какого-то сложного приспособления и откинулся в кресле. – Я так и думал. Этих роботов не остановила атомная бомбардировка. Но толпа уверена, что ее праведный гнев прошибет любую броню. – Он сочувственно улыбнулся.

Гримше тоже улыбнулся, прощая полковнику высокопарность речи.

– А теперь перейдем к делу, – сказал Калвер, попыхивая трубкой. – Сразу после приземления кораблей Нама президент провел совещание с начальниками штабов. Они понимали, что любая раса, способная преодолевать межзвездные расстояния, значительно опережает нас в технологическом развитии. Даже наше атомное оружие оказалось неэффективным. Президент представил некоторые положения, касающиеся ведения войны в условиях роспуска правительства и вооруженных сил.

Калвер снова раскурил трубку.

– У нас есть секретное оружие. Оно разрабатывается пять лет и пока не готово. Но что это за оружие! В его основе совершенно новый энергетический принцип – оно аннулирует массу вместо того, чтобы ее разрушать. Президент считает, что оружие и работающие над ним ученые должны быть защищены любой ценой. Улавливаешь, куда я клоню?

– Да, сэр, – ответил Гримше, морща от напряжения лоб.

– Поэтому весь проект ушел в подполье. Поскольку мы не представляем, какие у захватчиков методы разведки, численность подполья поддерживается на минимальном уровне. Меня назначили им руководить.

Гримше одобрительно кивнул. Президент не мог поставить во главе проекта никого из высшего руководства – за ними следили бы. Об ученом не могло быть и речи – ученые непрактичны. А Калвер – чертовски хороший офицер. Даже несмотря на вычурную речь и пристрастие ко всяким изыскам вроде импортного табака, он – лучший офицер из всех, под чьим началом довелось служить Гримше.

– А теперь о твоей роли в этом деле, – продолжил Калвер. – Мне нужен надежный связной, на которого я могу положиться. Подполье разделено на две части. Мы – здесь, в Вашингтоне. А ученые и оружие спрятаны…

Хлопнула дверь. В комнату стремительно вошел невысокий темноволосый мужчина с чемоданчиком в руке.

– У меня здесь почти все, что нужно, – доложил он, переводя дух. – Не удалось найти германий, и отсутствует половина компонентов формулы X524. Но ученые пока могут работать с тем, что есть.

– Гримше, знакомься, – сказал Калвер. – Киото – наш вашингтонский научный руководитель.

Гримше медленно поднялся:

– Японец?

Киото кивнул, неуверенно улыбаясь. Гримше посмотрел на него долгим взглядом, но его жесткие черты не выразили никаких эмоций. Потом он повернулся и отошел к окну.

Улыбка сползла с лица Киото.

– В чем дело, Гримше? – спросил Калвер.

Гримше повернулся:

– Полковник, я могу высказать личное мнение?

– Конечно.

– Я не считаю, что война с Японией окончена. – Лицо Гримше окаменело.

– Договор о капитуляции подписан, – сказал Калвер.

– Клочок бумаги ничего не меняет. Полковник, вы действительно хотите услышать мое мнение?

– Да, конечно. Давайте расставим все точки.

– Хорошо. Я прошел ту войну, и я все помню. Помню погибших на ней парней. Враги не становятся друзьями просто из-за клочка бумаги.

Киото нервно улыбнулся, непроизвольно теребя шевелюру.

– Я лично убежден, что нам не следовало прекращать войну, – сказал Гримше, – до тех пор, пока мы не уничтожим их всех.

– Боюсь, Гримше, политик из тебя никудышный, – вздохнул Калвер. – Войны ведутся не между людьми. Войны – это последствия экономических проблем, поднявшего голову национализма и кучи других факторов.

– Ничего об этом не знаю, сэр. Я просто считаю, что враг остается врагом. Навечно.

– Что ж, раз у сержанта такие взгляды, – сказал Киото, – мне лучше уйти…

– Чепуха! – оборвал его Калвер. – Гримше, вы же знаете, против чего мы восстали; любая помощь для нас на вес золота.

– Знаю, сэр. И я не против, чтобы он с нами работал. Просто я хотел донести до вас, что́ я об этом думаю.

– Это твое право, – кивнул Калвер. – Лучше прояснить все с самого начала. А теперь вернемся к делу. Присаживайтесь оба.

Не глядя друг на друга, Гримше и Киото сели.

– Мы дислоцируемся в Вашингтоне по двум причинам, – начал Калвер. – Во-первых, оружие будет применено именно здесь. Во-вторых, здесь легче найти необходимые материалы. Оружие и его разработчики укрыты в Вирджинии. Ты, Гримше, будешь нашим курьером. Материалы нужно доставить в Вирджинию, а там ученые разберутся, что с ними делать.

Киото выглянул в окно.

– Предлагаю поторопиться, – произнес он извиняющимся тоном. – Нама могут закрыть город.

– Вряд ли, – возразил Калвер. – На этот раз, Гримше, не должно возникнуть никаких трудностей. Побудешь в Вирджинии, пока им не потребуются недостающие компоненты. Тогда вернешься сюда. К тому времени мы соберем все, что нужно.

– Хорошо, сэр.

Калвер достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал Гримше:

– Это пункт назначения. Запомни.

Гримше глянул на листок и вернул Калверу. Тот поднес к нему зажигалку и держал, пока огонь не лизнул пальцы. Остаток бросил на пол.

– В Вирджинии ты должен научиться обращаться с оружием. Мы с Киото относительно немобильны, поэтому за нами легко проследить. Оружие придется применять тебе. Сделаешь это, что бы ни случилось.

– Хорошо, сэр, – сказал Гримше. – Оружие будет применено. – Не глядя на Киото, добавил: – Своих врагов я не забываю.

– Знаю, – ответил Калвер. – А теперь иди.

Гримше отдал честь, поднял чемоданчик и вышел. Как только закрылась дверь, Киото поднялся и посмотрел на Калвера, с трудом скрывая гнев:

– Полковник Калвер, я требую объяснений!

Калвер откинулся в кресле и закрыл глаза, едва заметно улыбаясь.

– Киото, отнеситесь к нему непредвзято. Как и любой человек, он не лишен недостатков. Но разве он не идеальная машина войны?

– Но его позиция...

– Его позиция по отношению лично к вам достойна сожаления. Но в целом она похвальна, ибо, безусловно, способствует выполнению задания. – Калвер открыл глаза и внезапно сел прямо. – Киото, я горжусь своей способностью видеть людей насквозь. Гримше идеально подходит для такой миссии. – Вооружившись спичкой, полковник начал вычищать трубку. – Приходится обращаться с ней крайне осторожно, – проворчал он. – Сувенир из Коннахта. Не хочется возвращаться туда за другой такой...

Киото подошел к окну. Улицы Вашингтона были непривычно пусты. Он попытался собраться с мыслями. Как может Гримше быть подходящим человеком? Разве упрямая,

безрассудная ненависть приведет их к свободе? Очень ненаучно… Впрочем, это ведь дело военных, а у них все по-своему. Может, Калвер и прав.

Киото не знал, да и не хотел знать. Больше всего он хотел оказаться дома, и чтобы его оставили в покое.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Первые два этапа кампании успешно завершены. Мы захватили все символические документы и подготавливаем их к отправке в Музей Отклонений на планету Иллик-II. Уничтожены все механические средства ведения войны, за исключением пока еще не выявленных экземпляров. Все армии Сол-III расформированы решениями правительств, функции которых мы полностью взяли на себя.

Некоторые земляне не оставляют попыток убить нас или вывести из строя наших роботов. Потерь среди Нама пока нет, поэтому прибегать к последнему средству – ликвидации отдельных землян – необходимости не возникало.

Поскольку этот народ – градостроители, мы централизовались. Наша культура прочно овладеет крупными населенными пунктами и после этого выплеснется наружу, в сельские районы. Насколько я могу судить, централизация не

создает для нас опасности. Как я уже упоминал, земляне не управляют энергиями мощнее атомной.

Мы развернулись в полную силу, используя «Методы подсознательного обучения диких народов гуманоидного типа», разработанные Моргишом. Земляне замечают только внешние, видимые аспекты нашей кампании: книги, брошюры, радио– и телепередачи и тому подобное. Эти так называемые методы прямого влияния наталкиваются на ожидаемое сопротивление, в результате чего земляне не будут обращать особого внимания на происходящие в них значительные внутренние перемены.

Земляне уверены, что наша идеологическая обработка не достигает цели. Эта вера основывается на их собственном опыте – неуклюжих попытках вколачивания принципов в голову друг другу на протяжении нескольких тысяч лет. Они не способны понять принцип сообразности, который базируется на том, что истина неопровержима. Их крайний скептицизм играет нам на руку.

Как всегда, интересно наблюдать за проявлениями подсознательного обучения – медленный рост сомнений, ревизия старых идей, чувство неопределенности, приступы задумчивости и так далее.

Скоро мы пройдем точку преломления. Идеи, медленно пускающие ростки, тысячи ростков, – неожиданно расцветут. Земляне даже не поймут, что они изменились. Они просто станут цивилизованными!

Только что я получил информацию, которая меня озадачила. Мой прибор, выявляющий массовые тенденции, обнаружил подозрительный изолированный потенциал в ключевом городе Вашингтон или его окрестностях. Прибор дает вероятность 73 %, что потенциал создается одним лицом, и присваивает ему уровень «плюс двадцать три»!

Значение «плюс двадцать три», конечно же, маловероятно. Даже у меня, Организатора, более низкий коэффициент вероятностного влияния. Прибор я отошлю в ремонт, но, на всякий случай, поручу Грагашу разыскать этого

гипотетического индивидуума и по обнаружении индоктринировать.

Ко времени моего следующего сообщения, я надеюсь, планета будет цивилизована.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

* * *

Гримше без происшествий доставил чемоданчик секретной научной группе в Вирджинию. Но потом он остался не у дел. Немногословным, занятым по уши специалистам центра было не до него. Круглые сутки они работали над оружием, прерываясь только на сон. Гримше пытался им помогать, но только путался под ногами.

Поэтому он уходил в горы: гулял, охотился и ждал, когда его услуги снова потребуются.

Однажды он дошел до ближайшего городка и увидел, что Нама уже здесь. Зрелище пробудило в нем волну бессильного гнева. Вот он, враг, рядом, а сделать ничего нельзя, только ждать. Горожане, казалось, воспринимали захватчиков вполне спокойно. Насколько Гримше мог разобрать издалека, они выглядели вполне довольными.

Это его не встревожило. Гражданские – слабаки. Предателей везде хватало…

Ученые показали ему на модели, как будет работать готовое оружие. Управление оказалось на удивление простым. И не важно, насколько сложное устройство внутри. Главное, чтобы оно работало.

Примерно через месяц оружие было готово, за исключением германиевых вставок и компонентов формулы X524. Гримше надел неброский костюм, вооружился автоматическим пистолетом 45-го калибра и отправился в Вашингтон.

3

Он добрался до столицы на закате дня и сразу же заметил, что город изменился. Но как именно? В чем это выражалось? Так сразу и не скажешь.

Потом он обратил внимание, что в городе очень тихо. Вашингтон – вечно шумный, бурлящий город. Но только не сейчас. Несколько автомобилей катились по улице медленно, почти нерешительно. Люди собирались небольшими группами на углах и разговаривали вполголоса.

Чтобы не выделяться из общей массы, Гримше замедлил шаг.

«Здесь никто никуда не спешит, – подумал он. – Более того, кажется, что никто не идет никуда конкретно».

И в этот момент он заметил человека позади.

Он не знал, как долго тот следует за ним. Подавив импульсивное желание выхватить пистолет, Гримше продолжил идти размеренным шагом. На ближайшем перекрестке он свернул.

Человек свернул тоже.

Гримше обогнул три квартала, человек следовал за ним как привязанный. Гримше юркнул в какое-то здание и спрятался за большой входной дверью. Человек вошел внутрь, осмотрелся, увидел в задней части вестибюля надпись «Выход» и побежал туда.

Гримше выбежал через парадную дверь и стал плутать переулками, внимательно поглядывая по сторонам. Хвост так и не появился. Слегка запыхавшись, Гримше вошел в здание из коричневого камня.

* * *

Киото спал на диване. Калвер сидел в кресле и читал книгу. Полковник был босиком, в футболке и свободных брюках и выглядел абсолютно по-граждански.

– А я все гадал, когда ты вернешься, – лениво проговорил Калвер, опуская книгу. Киото проснулся и сел на диване, сонно потирая глаза. – Как обстоят дела с оружием?

– Почти все готово, заминка из-за германия и компонентов для X524.

Калвер кивнул.

– Быстро они работают, – сказал он Киото. – Тебе не кажется?

– Действительно очень быстро, – согласился Киото.

Снаружи загремел громкоговоритель: «В галактике множество гуманоидных рас. Не забывай о них, когда думаешь о себе».

– Что это? – спросил Гримше.

– Они все время передают какую-то чепуху, – объяснил Калвер. – О других расах, обособленности и сотрудничестве. У них целая кампания.

– Почему не обрежете провода?

– Нет смысла, они снова починят.

– А теперь, – выкрикнул громкоговоритель, – предлагаем вам музыку планеты Инг! Ее тональная система отличается от земной, это совершенно иная концепция звукового мира. Но послушайте сами – оттого, что она другая, она не стала менее прекрасной.

Заиграла музыка.

– Приятная, правда? – улыбнулся Калвер.

– Мне медведь в детстве на ухо наступил, – сказал Гримше.

Полковник достал трубку и стал набивать ее табаком.

– Значит, оружие почти готово? Удивительно быстро…

– Удивительно, – поддакнул Киото.

Гримше удивленно посмотрел на них. Что-то в них изменилось. Киото – еще ладно. Но что с полковником?

Повисло молчание, которое, казалось, ничуть не беспокоило ни Калвера, ни Киото. Потом полковник спросил:

– Сержант, ты проголодался?

– Думаю, да. Сегодня еще не ел.

– Пойдем. – Полковник встал и проводил Гримше на кухню. – Сейчас найдем что-нибудь, что тебе понравится. – Открыв холодильник, он вытащил блюдо, заполненное коричневатой субстанцией. – Вот, попробуй.

– Что это?

– Не знаю. Его раздавали Нама, оно с планеты Мехвис. Вкуснее всего, что ты ел.

– Спасибо, не надо.

Гримше нашел в холодильнике буханку хлеба, салат-латук, холодный стейк и бутылку пива. Пока сержант ел, Калвер задумчиво мурлыкал.

– Сэр, – наконец сказал Гримше. – Что-то не так?

– Ты о чем?

– Не знаю. Но здесь как-то странно. Японец не откалывал номера?

– Киото? Господи, нет! Что тебе взбрело в голову?

– Вы не такой, как прежде, – заметил Гримше.

Калвер размышлял минуту, попыхивая трубкой.

– Возможно, Гримше, ты и прав. Но эти изменения естественны. Мы же испокон веков считали себя единственным разумом во Вселенной. И вдруг встречаем инопланетян. Узнаем о сотнях тысяч обитаемых планет… Это заставляет задуматься…

– Только не меня, – сказал Гримше.

– …и пробуждает интерес к различным вещам. Таким как судьба, мир, война, смысл жизни. И многим другим.

Они вернулись в гостиную. Музыка закончилась, и громкоговоритель объявил:

– Помните: для лучшего понимания учения Нама нужно прочитать учебник номер двадцать три «Эмпирические методы постижения истины».

– Вы достали компоненты для формулы икс пятьсот двадцать четыре? – спросил Гримше. Калвер и Киото выглядели так, как будто вопрос застал их врасплох. Потом Киото подошел к стенному шкафу и вытащил небольшую сумку.

– Здесь все, – сказал он.

– Сэр, готов план атаки? – спросил Гримше у Калвера, принимая сумку.

– Да, конечно, – кивнул Калвер и вдруг зачастил: – Доставишь компоненты в Вирджинию. Когда оружие будет готово, доставишь его сюда. Оно переносимое? Отлично. Ты уже его освоил? Хорошо. Нама концентрируются в одном-единственном здании. Смешно, правда? И новые прибывают каждый день. Идеальная мишень! Мы пойдем туда, прицелимся и – бабах!

Полковник замолчал и почему-то покраснел. Он выглядел сконфуженным.

– О чем я говорил? Ах да, конечно... У тебя приказ, сержант. Между прочим, знаешь, у Нама есть лекарство, которое вылечивает шизофрению за час.

– И процедура что надо, – пробормотал Киото. – А их подход к экономической стабильности...

– Только свободное предпринимательство, – воскликнул Калвер. – При этом они нашли решение циклических кризисов. Гримше, ты должен прочитать их книги. Очень познавательно! Даже выдворив их, мы надолго останемся перед ними в долгу.

Гримше глянул на книгу, которую читал Калвер. Она называлась «Эмпирические методы постижения истины». Он листнул ее наугад и прочел: «Долгое время считали, что истина расплывчата, относительна, имеет спектр оттенков от черного (ложь) до белого (истина). Умозрительность такой точки зрения легко доказуема, стоит лишь рассмотреть...»

Гримше захлопнул книгу.

– Прощайте, – сказал он и вышел.

Проводив сержанта взглядом, Калвер повернулся к ученому:

– Тебе не кажется, что он вел себя как-то странно?

– Теперь, когда ты сказал об этом, – да, кажется. Но в чем именно странность – я не знаю.

– Я тоже.

Некоторое время они сидели молча. Потом Киото сказал:

– Я понял. Уходя, он не назвал тебя «сэр».

– И верно, – задумчиво согласился Калвер. – Не назвал.

Он снова взялся за книгу. Громкоговоритель зарядил делианскую барабанную музыку.

Смеркалось. Гримше на мгновение замер, оглядывая тихую, пустынную улицу. Потом крепче сжал ручки сумки и зашагал вперед.

Что-то было не так, он это чувствовал. Неужели полковник Калвер сдался? Невозможно. Он знает полковника много лет. Нет офицера лучше. А хороший офицер не может взять и вот так измениться. Или может?

Гримше пытался разобраться в своих сомнениях. Нет ничего страшного в том, что Калвер изучает дары Нама. Может, некоторые из них действительно представляют собой что-то ценное. Но факт остается фактом: Нама – оккупанты, враги. А с врагами не дружат, их уничтожают. Всех до последнего.

С полковником будет все нормально, решил Гримше, как только он избавится от японца.

Переходя через улицу, он заметил следующего за ним человека. Гримше нащупал в кармане пистолет, снял с предохранителя и взвел курок. Место было подходящее, не хуже и не лучше любого другого.

* * *

Грагаш улыбнулся про себя, увидев, что землянин остановился и повернулся к нему лицом. Превосходно. Значит, землянин расположен к разговору. Грагаш приблизился нарочито медленно, стараясь не испугать человека.

Землянин был рослый, настороженный и хмурый. Стоял идеально ровно и неподвижно, но было в его позе что-то

неестественное. Как будто человек смотрел на себя со стороны и приговаривал: «Вот так я должен стоять».

Грагаш остановился в трех метрах. Он чувствовал, что землянин его не боится. С этим человеком придется обращаться вежливо и очень осторожно.

– Прошу прощения, могу я с вами поговорить? – спросил Грагаш.

– Конечно.

Грагаш не смог выявить у человека непроизвольного напряжения мышц. Он действительно расслаблен? Или у него самоконтроль, как у сверхчеловека?

– Я – Нама, – прямо сказал Грагаш.

Землянин кивнул.

– Кажется, у вас навязчивое, почти маниакальное предубеждение против нас, – продолжил Грагаш. – Я хотел бы изложить несколько фактов. – Он замялся. Каменное лицо землянина оставалось непроницаемо.

Темнело. Грагаш подумал было включить защитный экран, но потом решил – не стоит. Пусть человек видит, что Нама – друг. К тому же он всегда успеет включить экран, как только заметит напряжение мышц, предупреждающее об атаке.

– Вы несчастливы, – сказал Грагаш. – Я предлагаю вам функциональное объяснение вашего состояния...

Грагаш не заметил, как его настиг удар. Он отшатнулся, пытаясь включить защитный экран и осознавая, насколько сильно он недооценил человека. Мысленный контроль землянина был поразителен и нетипичен. Действие было спланировано, но скрыто. Шизофренические личности способны...

Землянин выставил вперед руку, в ней блеснул металл.

– Стой! – крикнул Грагаш.

Удар сбил его с ног, и мысли оборвались.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Великий день настал! Точка преломления достигнута и успешно пройдена! Еще одна планета вливается в дружную семью цивилизаций!

Но не каждый конкретный человек. Мы не сумели добраться до всех изолированных групп. Но крупные населенные центры – главная часть планеты – цивилизованы. Культура будет распространяться дальше, как круги по воде, и этот процесс не остановить. Здравомыслие на этой планете восторжествовало.

Можете представить себе потрясение землян, когда точка преломления была пройдена? Незабываемое ощущение. Чем-то сродни процессу превращения куколки в бабочку или самому процессу рождения. Вначале земляне были подозрительны. Паника первых часов сменилась ненавистью. Потом пошел медленный процесс осознания. И наконец – понимание!

Поскольку земляне научились рассуждать здраво, мы предоставили им остаток информации.

1. О том, что мы, Нама, вмешались не ради корыстных интересов, а только потому, что Земля оказалась на грани самоуничтожения.

2. О том, что Земля имеет право присоединиться (или не присоединиться, хотя последнее и нетипично) к Конфедерации свободных планет, чтобы разделить с ними процветание, участвовать в торговле, делиться инновациями.

3. О том, что экспедиция Нама покинет планету в полном составе, как только мы соберем оборудование. Нашего внимания требует другая планета, где идет ядерная война.

Земляне без проблем сформируют новые правительства или, как я думаю, единое правительство, поскольку теперь ничто не помешает исполнению их заветной мечты о едином государстве. Мы, как обычно, оставляем им прототипы космических кораблей и многое другое, что, возможно, они найдут для себя полезным.

В отдельном отчете я обрисовал реакции землян. Подытоживая, могу сказать: изначально они воспринимали нас как карательную экспедицию. Узнав же о наших истинных целях, они были потрясены. Альтруизм они считали труднодостижимым идеалом, а не повседневной реальностью. Также, в процессе индоктринации, многие полагали, что их «гипнотизируют» или им «промывают мозги». Как же далеки они были от истины! Уловки использовались лишь для того, чтобы позволить им в полной мере оценить истину, которую мы им принесли.

Однако победа омрачена трагедией. Грагаш убит человеком, которого должен был просветить. Землянин снова исчез из нашего поля зрения. Его коэффициент влияния вырос до плюс двадцати пяти. Следовательно, он должен обладать оружием, использующим трансатомную мощь.

Вынужден признаться, я сильно нервничаю. Грагаш был единственным компетентным следопытом. Влиять на общие тенденции населения нетрудно. А вот выбрать одного человека из миллионов – почти невозможно. Правда, у нас есть козырь – обобщенный образ этого человека, собранный из его личностных качеств, выраженных через его поступки. Я передал его образ боевым роботам. Если они найдут его,

то потребуют от него немедленной сдачи. В случае неповиновения у них есть приказ стрелять на поражение.

Такой шаг, очевидно, говорит о моей несостоятельности, но я должен защитить экспедицию.

Никак не могу понять, зачем он это делает? Он уже должен знать о наших намерениях. Почему он упорствует?

В настоящее время мы стягиваем наши силы в Вашингтон и готовимся к убытию.

С пожеланием мира,

Мордеш Кдак,

Организатор

4

Гримше пришлось прождать еще неделю, пока техники завершили сборку и проверили работоспособность оружия. Напоследок они встроили оружие в небольшой чемоданчик, разместив органы управления наверху рядом с ручкой. Как только все было готово, Гримше уехал.

Помня о почти пустых улицах Вашингтона, он оставил машину в пригороде и пошел пешком.

– Хороший денек, приятель, – окликнул его кто-то.

– Хороший, – вежливо ответил Гримше, держа палец возле спусковой кнопки.

– Вот. – Человек подошел и протянул пачку банкнот. – На, возьми.

Несколько мгновений Гримше колебался, потом взял деньги.

– Почему отдаешь?

– По двум причинам. Во-первых, у меня их полным-полно. Перекомпенсация. Во-вторых, у тебя такой вид, словно ты что-то потерял. Не знаю, так ли это, но надеюсь, что деньги сделают тебя счастливее.

И человек, насвистывая, зашагал прочь. Гримше посмотрел на банкноты и сунул в карман.

«Странный тип, – решил он. – Явно не в порядке».

Однако странно выглядел весь город. Гримше попытался разобраться, в чем дело. Те же самые здания, те же улицы, те же магазины. А вот люди – другие!

Почему другие? И вдруг Гримше понял: они были счастливы, все до единого. Он никогда не видел столько счастливых лиц. Гримше почувствовал отвращение.

На углу собралась группа мужчин. Один из них говорил:

– ...Мне казалось, будто я вывернут наизнанку. Парни, я и вправду увидел себя. Скажу, впечатление не из лучших.

– Увы, мы не совершенны, – посетовал другой.

– Да и слава богу! – воскликнул первый. – Совершенство – недостижимый идеал. Главное, что мы уже не толпа невеж и не ставим друг другу подножки.

Гримше прошел мимо. Похоже, он единственный здравомыслящий человек во всем городе.

«Гражданские, – презрительно думал он, – готовы лизать оккупантам руки».

Пешая прогулка быстро ему разонравилась. Он понял, что у него у одного серьезное, сосредоточенное лицо. Но с этим он ничего не мог поделать.

Гримше остановил такси. Водитель оглянулся на пассажира и медленно покачал головой:

– Приятель, вылезай.

– Почему?

– С тобой что-то не так. Не знаю, что именно, но пять минут в твоем обществе – и плохое настроение обеспечено на весь день.

– Ты не можешь высадить меня просто так, – разозлился Гримше. – Я сообщу в компанию.

– Сообщай. Ну, уволят меня, ну, займусь чем-нибудь поинтереснее. Вот только босс вряд ли станет с тобой разговаривать.

Гримше едва сдержался, чтобы не врезать таксисту по физиономии. Но стоит ли рисковать из-за пустяка? Черт с ним, решил сержант и вылез из машины.

Путь до коричневого дома превратился в кошмар. Гримше с трудом узнавал людей. Это были не земляне. Они были ненормальные. Он ускорил шаг и крепче сжал ручку чемодана. Дважды он замечал вышагивающих по улице огромных роботов Нама и оба раза предпочел обойти их стороной.

Полковник Калвер и Киото потягивали пивко на кухне.

– Проходи, дружище, – обрадовался Киото, увидев вошедшего Гримше. – Присоединяйся!

Пропустив его слова мимо ушей, Гримше посмотрел на Калвера. Полковник указал на стул.

– Оружие готово, – доложил Гримше. – Можно начинать.

– Садись, – сказал Калвер. – Планы изменились.

Гримше сел, зажав чемодан между ног. Сунув руку в карман, сжал рукоять пистолета.

– Это трудно объяснить, если ты не чувствуешь этого сам… – начал Калвер.

– Я слушаю.

– Мы ошибались в отношении Нама, – вклинился Киото, желая помочь полковнику. – Они пришли с единственной целью – помочь нам. Понимаешь, сержант?

– Продолжайте.

– Ты не слушаешь, – сказал Калвер.

– Внимательно слушаю.

– Хорошо. Взгляни на происходящее иначе. – Калвер вынул трубку изо рта и положил на стол. – Мы на Земле сражались, разрушали, убивали, обманывали, лгали с незапамятных времен. Не потому, что мы так хотели! Это наша извечная трагедия. Среди нас мало исчадий ада. Мы стремимся делать добро. Мы ищем смысл жизни, а находим одни миражи.

– Но теперь с этим покончено, – продолжил Киото. – Смысл жизни прост и доступен. Стоит только понять его, и в голове – полная ясность.

– Верно. «Вы все святые», – сказал Гримше. – Я вижу нимбы.

– Нет! – сорвался на крик Калвер. – Мы – люди со всеми присущими людям недостатками. Но теперь мы просвещены и можем работать над этими недостатками. Нам помогает объединенная галактика. Придет время, и она получит помощь от нас.

– И?

– Разумеется, атака отменяется. Сейчас я уничтожу оружие. – Калвер протянул руку к чемодану, но Гримше достал пистолет.

– Атака не отменяется, – сказал он.

– Ты не понимаешь… – начал Киото, но, взглянув в лицо Гримше, отодвинулся к дальнему краю стола.

– Все я понимаю, – сказал Гримше. – Они явились без приглашения. Они ликвидировали армии. Это вторжение. Но война не закончена. По крайней мере, не для меня. До тех пор, пока у меня есть чем ответить.

– Гримше-Гримше, – грустно протянул полковник. – Ты ненормальный. Почему ты не понимаешь, что я тебе говорю? Не было никакой войны! То, что ты замышляешь, – убийство.

– Я не забываю своих врагов. – Гримше встал, не выпуская чемодана из рук.

Калвер помолчал, потом сказал:

– Это моя вина, Гримше. Я сам тебя выбрал и подошел к выбору слишком ответственно. Ты мой персональный монстр, мой Голлем. Я чувствую себя Франкенштейном. И вот ты обратился против своего создателя. – Он шагнул вперед. – Отдай чемодан. Это приказ.

Гримше выстрелил ему в грудь. Сила выстрела отбросила полковника назад, он налетел на кухонный стол. Трубка скатилась на пол и разбилась. Калвер упал на колени и слепо нащупывал осколки. Гримше выстрелил еще раз.

– Теперь твоя очередь, – сказал Гримше забившемуся в угол Киото и выстрелил ему в голову. – Вот мы и в расчете.

Сунув пистолет в карман, он поспешил к двери. Его охватило приятное возбуждение: ставки сделаны, время действовать наконец пришло. Он один отомстит за всю Землю.

На улице его поджидали два робота Нама. Возле них собралась небольшая толпа.

– Сдайся им добровольно, – посоветовал кто-то.

– Ты отвратителен.

– Ненормальный.

Роботы двинулись с места. Гримше нацелил чемодан, быстро выставил дальность и нажал на кнопку. Роботы, толпа и дома́ по соседству исчезли.

Гримше припустил рысью к зданию, в котором окопались Нама. Он надеялся, что по дороге его не подстрелят. Это было бы нечестно. Все вокруг предатели – возможно, все на Земле. Он – последний верный солдат. Но кому есть дело до верности, когда Нама приносят дары? Нама высадились на Землю без приглашения. Достаточная причина, чтобы их уничтожить.

Рано или поздно они доберутся до него, даже несмотря на его чудо-оружие. Но он доберется до них первым.

Он ополовинил толпу предателей, блокировавших проход к зданию Нама.

* * *

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III
ПРИВЕТСТВУЮ!

Это мое последние сообщение с Сол-III, поскольку мы уже приготовились покинуть планету. Моя команда собралась в Вашингтоне и ожидает кораблей. Это была трудная миссия, но она принесла удовлетворение.

Когда мы приземлились на планету воющих дикарей, я испытывал внутренний трепет. Теперь я оставляю после себя мир и взаимопонимание. Планета готова занять свое место в объединенной галактике. Вероятно, вскоре они соберут экспедицию, подобную нашей, и помогут нам сеять разумное, доброе, вечное.

Только что поступил доклад. В городе замечен тот самый землянин. Он уничтожил много людей и двух роботов Нама. Согласно докладу, он движется в нашу сторону. Я отдал приказ о его уничтожении. Слишком много жизней потеряно по его вине.

Забавно, но у землянина тот самый архетип, который всегда тормозил прогресс своего народа. Он убежденный и неподкупный. Более умные люди нашли бы его полезным – к их собственному несчастью, потому что умные люди могут менять точку зрения, а этот человек упрям и целеустремлен. И верх безумия – так закрывать свой разум, чтобы ничего не проникло в него извне.

Прошло несколько минут. Землянин еще жив. Мы не привыкли убивать, наш разум сжимается от такой необходимости. А этот человек – хитрый дикарь. Возможно, мы чересчур цивилизованы.

Ара, эта планета слишком долго купалась в крови... возможно, нужно ее очистить... Ох, какая нелепая мысль! Пожалуйста, вычеркни ее из моего доклада.

Еще одно донесение. Землянин замечен вблизи нашего штаба. Обязательно передай совету, чтобы не судили о планете по одному человеку. Земля прошла подготовку, она цивилизована. Только непредвиденные факторы могли привести к подобному инциденту...

Они приближаются к нему. Стреляют! Но, боюсь, слишком поздно. Даже умирая, он нацеливает оружие...

Серебристо-голубой междугородний автобус въехал в пригород и сбавил скорость.

– Сэр, я могу остановиться, где вам удобно, – предложил водитель.

– Спасибо, здесь вполне подойдет, – сказал Гиббс.

Водитель тормозил большую машину осторожно, будто вез взрывчатку, а не людей. Его поступок не ускользнул от внимания пассажиров. Они расценили его как дань уважения знаменитому мистеру Гиббсу.

– Он что, здесь выходит?

– Тсс! Он может услышать!

– Но почему тут?

– Он до войны здесь жил.

– А почему он едет автобусом?

Автобус мягко остановился в четырех кварталах от центра города. Гиббс поднялся с места и снял с багажной полки потертый кожаный чемодан. Пассажиры заметили, какой Гиббс высокий, сутулый и тощий и выглядит как обычный усталый человек. Теперь они будут рассказывать о нем друзьям.

Женщины обратили внимание на его очки в нелепой стальной оправе и мятый костюм, который стоил, наверное, всего несколько долларов.

В полном молчании все следили за тем, как он отдает корешок билета водителю.

– Приятно было вас подвезти. – Водитель потянул за рычаг, открывающий дверь. – Э... мистер Гиббс, можно у вас спросить, сэр?

Гиббс неопределенно улыбнулся, делая вид, что не расслышал вопроса, и начал спускаться по лесенке.

– Не могли бы вы сказать, сэр, почему вы ехали автобусом, вместо того чтобы переместиться как-то иначе?

Гиббс покачал головой и ступил на асфальт.

– Мистер Гиббс, можно попросить у вас автограф? Мой сынишка…

Гиббс торопливо зашагал прочь от автобуса.

– Урод! – крикнул водитель. Автобус зарычал, трогаясь с места.

Гиббс вытер пот со лба и обнаружил, что у него дрожат руки. Он медленно пошел в сторону центра.

Мимо проезжал старый грузовой пикап. На помятом боку красовалась надпись: «Автомастерская Томми». Водитель притормозил, внимательно осмотрел Гиббса и вжал педаль газа. Древний двигатель яростно застучал клапанами, и грузовичок начал набирать скорость. Водитель еще раз оглянулся и сгорбился за рулем.

«Добро пожаловать домой», – подумал Гиббс.

Взвизгнув тормозами, грузовичок остановился перед баром Джо. Томми Затычка выбрался из машины, стрельнул взглядом вдоль улицы и шмыгнул в бар.

– Эй, угадайте, кого я только что видел?! – крикнул он.

Заведение Джо напоминало пещеру. Свет, проникая сквозь грязные окна с вечно опущенными шторами, становился холодным и нереальным, как будто снаружи не было света вообще. Независимо от времени суток, в баре Джо всегда царил полумрак – полночь самой длинной ночи в году.

Три посетителя бара тоже выглядели как полуночники. Локти на стойке, ноги замысловато обвиты вокруг длинной латунной подножки, спины ссутулены – они как будто родились в этих позах. Со стороны могло показаться, что это не живые люди, а декорации, плоские рекламные фигуры, которые Джо купил, чтобы оживить интерьер.

– А ну, угадайте, кто вернулся в город? – повторил Тони Затычка.

Бармен опустил газету:

– Затычка, нечего так орать.

– Дай-ка мне пива, – попросил Затычка, – и угадай, кого я сейчас видел.

– Авраама Линкольна? – спросил Джим Метис.

– Александра Македонского? – предположил Стэн Дилижанс.

– Юлия Цезаря? – внес лепту Шустрила Эдди.

– Вот твое пиво, – сказал бармен Джо.

Затычка сделал жадный глоток и вытер рот.

– В город вернулся Фрэнк Гиббс.

– Что?

– Шутишь?

– Гиббс не вернется сюда никогда!

– Но он здесь, – сказал Затычка.

– Где?

– Идет по Мэйн-стрит.

– Идет?

Трое товарищей распутали ноги с подножек, бросились к двери и выглянули на улицу. Потом медленно возвратились к стойке.

– Еще пива.

– Сделай два.

– Лучше ущипни меня. Подумать только, Фрэнк Гиббс!

Из туалета вышел Вилли День:

– Ты сказал, Фрэнк здесь?

– Я проехал мимо него, – сказал Затычка.

– Что ж не предложил подвезти?

Затычка почесал затылок:

– Как-то не сообразил. Нельзя ж вот так взять и подвезти Фрэнка Гиббса. Мне что – нужно было остановиться и крикнуть: «Запрыгивай, Фрэнк», будто он один из нас? Он не шел бы пешком, если бы не хотел.

– Ты испугался, – сказал бармен, щурясь на посетителей.

– И вовсе нет!

– Ясно дело, испугался… такой большой, сильный мальчик!

– Ну тебя-то я не боюсь, – буркнул Затычка, скрещивая на груди мускулистые, в пятнах татуировок руки. – Большая дряблая фрикаделька.

– Не обижайся. – Бармен оглядел всю компанию. – Значит, наша местная знаменитость вернулась.

– Думаешь, покажет нам свои медали? – спросил Метис Джим.

– Фрэнк никогда не хвастался, – заметил Вилли День. Он напоминал бойцового петуха: седые волосы топорщатся, глаза красные.

– Ага, как же, – фыркнул Метис. – Он и его волшебные мозги.

– Нельзя винить человека за то, что он умный, – возразил День.

– Думаю, мы бы выиграли войну и без него.

– Откуда такая уверенность? Или просто что-то имеешь против него?

– Не люблю уродов, – проворчал Метис. – Будь на то моя воля, выгнал бы его из города пинком под зад.

– Что ж не попробуешь? – спросил День. – Ты же вдвое больше его, Джим. Иди и рискни.

– С таким справишься, как же. В честном бою я бы надрал ему задницу. А могу накостылять тебе в любое удобное время.

– Скажи, Томми, – вмешался бармен. – Во что Гиббс был одет?

– В костюм, – наморщив лоб, ответил Затычка.

– Была у него шляпа на голове?

– Не думаю. А что?

– Да я тут подумал, что он может носить космошлем Бака Роджерса, – предположил Джо.

Все покатились со смеху, не считая Вилли.

– Не нравится мне это, – сказал Стэн Дилижанс. – Всякий раз, когда Гиббс здесь, у кого-нибудь неприятности. Надо вежливо попросить его, пусть покинет город. Можно собрать делегацию…

– Ты забыл кое-что, – с хитрой улыбкой прервал его Шустрила Эдди.

– Что именно?

– Фрэнк Гиббс может сделать нас богатыми. Вы же знаете? Или нет? – Он выждал, пока все кивнут. – Томми, сгоняй за «Нью-Йорк таймс». Покажу вам, что я имею в виду.

Гиббс увидел, что город почти не изменился. В баре Джо все тот же полумрак, окна по-прежнему зашторены. На стене скобяного магазина Эдди старый след от пулеметной очереди – еще с тех времен, когда русский самолет, отклонившись на несколько километров от цели, поливал все вокруг огнем, пока его не сбил Матадор. Над обувным магазином Стэна Дилижанса новая вывеска, и кто-то открыл химчистку. Но гостиница миссис Ганц никуда не делась, и в табачной лавке миссис Тэйлор все так же висели плакаты с расписанием матчей футбольных команд колледжей.

Он зашел в табачную лавку. Миссис Тэйлор сидела за прилавком и читала детективный журнал. Прищурившись сквозь бифокальные очки, она воскликнула:

– Боже мой! Фрэнк Гиббс!

– Да, мэм. Можно мне две пачки «Лаки Страйк»?

Миссис Тэйлор продолжала рассматривать его:

– Ты вернулся насовсем, Фрэнк?

– Да, мэм. Думаю, я останусь.

– Ох, Фрэнк, мы так гордились тобой, большинство из нас. Мы читали все, что о тебе писали газеты. Подумать только, парень из нашего городка стал знаменитостью!

– Ну теперь все в прошлом, – сказал Гиббс. – Я не хочу говорить об этом.

– И я не виню тебя. Должно быть, тебе пришлось несладко. Но я всегда говорила, что ты необычный ребенок. Помнишь, я заступалась за тебя после смерти твоих родителей?

Гиббс едва улыбнулся:

– Да, конечно, миссис Тэйлор. Как дела у Дэнни?

– Дэнни погиб. В том большом сражении за Порт-Артур. Он ведь был рядовым солдатом.

– Мне очень жаль.

– Он погиб в настоящем сражении с настоящим оружием в руках. Генералы не старались защищать Дэнни.

– Можно мне сигареты?

Миссис Тэйлор вынула две пачки и рассеянно держала в руках.

– Ну, я думаю, каждый сделал все что мог. Я всегда заступалась за тебя, Фрэнк, ты должен помнить. Я не позволяла никому называть тебя уродом в моем присутствии. И не арестовали тебя в тот раз потому, что я встала за тебя горой. Ну и задал же ты тогда им перцу...

– Миссис Тэйлор, я очень устал. Можем мы поговорить в следующий раз, а сейчас...

– Фрэнк, – перебила его миссис Тэйлор, – как бы мне не хотелось просить тебя об этом в первый же день после твоего возвращения, но...

Гиббс протянул руку за сигаретами. Миссис Тэйлор неохотно отдала ему пачки и взяла пятьдесят центов.

– Пожалуйста, послушай меня, Фрэнк. Я прошу только потому, что вы с Дэнни были друзьями и я всегда заступалась за тебя. Они снова подняли налоги на мой крошечный участок за городом, и все это по вине Джо Уолша. Поговори с ним, Фрэнк, ты даже не должен угрожать, просто одно веское слово...

Гиббс поспешно вышел из лавки. Миссис Тэйлор сделала несколько шагов вслед за ним.

– Ну, может быть, потом, когда отдохнешь, – быстро добавила она. – Я знаю, ты не забудешь старых друзей. Фрэнк, а почему ты не носишь форму? На газетных фото ты такой красивый.

– Форма только для вида, – с горечью сказал Гиббс. – Я был не настоящий солдат.

Он перешел улицу к гостинице миссис Ганц.

В полутемном, похожем на пещеру уголке заведения Джо три завсегдатая и бармен столпились вокруг развернутого

на стойке бара старого номера «Нью-Йорк таймс». Их внимание привлекал финансовый раздел.

– Ты и вправду считаешь, что он сможет? – спросил Дилижанс.

– Конечно сможет, – сказал Шустрила Эдди.

– Но захочет ли?

– А почему нет? – удивился Шустрила. – Мы его друзья или нет? Угостим его парой стаканчиков, вспомним школьные годы, потом подсунем список акций. Он посмотрит, так? Гиббс всегда по циферкам сходил с ума. А мы его друзья, правильно?

– Близкие друзья, – уточнил Вилли.

– А потом спросим у него, какие акции пойдут вверх. Все очень просто. Ему нужно будет сказать только пару слов: «Миннесота никель» или «Дакота ураний»?

– Или просто ткнуть пальцем, – добавил бармен. – Может вообще не говорить, если не хочет.

– Ничего он не будет делать, – упрямо сказал Вилли День.

– Всего-то пара минут его драгоценного времени, – сказал Шустрила. – Как, черт возьми, он посмеет сказать «нет»?

Джим Метис покачал головой:

– А вы точно уверены, что он разберется? Даже электрические мозги в Вашингтоне и Гарварде такое не могут.

– Они тоже могут, – заверил Томми Затычка.

– Если могут, тогда почему профессора не разбогатели? – спросил Метис. – Давай-ка объясни!

– Слушай, – вмешался бармен. – Фрэнк запросто передумает эти машины. Он уже делал это в начале войны, когда другие его способности еще не были раскрыты.

– Фрэнк не станет этого делать, – повторил Вилли День. – Сколько людей просили его о помощи, не меньше миллиона. Всем известно о его способностях.

– Но здесь-то его родной город, – возразил Шустрила. – А это все меняет. Он собрался здесь жить. Он желает, чтобы

мы пели ему дифирамбы, вспоминая о его заслугах. Вот что он хочет. Вот почему вернулся.

День несогласно покачал головой:

– Фрэнку некуда больше идти. В этой стране он знаменитость номер один. Его не оставят в покое. Думаю, он хочет найти тишину и покой.

– В таком случае, его великий мозг просчитался, – сказал Метис.

– Пойдем отыщем его. – Шустрила сложил «Таймс». – Попытка не пытка.

– Возьмем с собой квинту виски, – предложил Стэн Дилижанс. – Он сделает глоток-другой – глядишь, и подобреет.

– Отличная мысль.

– Квинту самого лучшего, Джо.

– Кто платит?

– Это твой взнос. Мы ведь все в деле?

– Думаю, да, – согласился бармен и сунул бутылку в бумажный пакет. – Идешь, Вилли?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы, парни, явно спятили. Вот так просто подвалите к Фрэнку? Ой будет беда. Кому-то будет больно.

– Ты просто трусло, Вилли, – сказал Затычка.

Мария Ганц увидела Гиббса, когда тот поднимался по улице, и успела переодеться в свежевыглаженное ситцевое платье, причесаться и подкрасить губы.

Она распахнула перед ним входную дверь.

– Добро пожаловать, Фрэнк!

– Привет, Мария. Как дела?

– Прекрасно. Думаю, немного подросла с тех пор, как ты уехал.

– Да, подросла. Тогда ты была совсем еще девочка…

– А сейчас?

– Сейчас красавица. – Гиббс нервно кашлянул. – Твоя мать здесь?

– Она в больнице. Опять боли в животе.

– Мне очень жаль.

– Она держала твою комнату всю войну, как ты и просил. А я вытирала там пыль каждый день. В ней все осталось по-прежнему.

– Отлично, – сказал Гиббс. – Пожалуй, я поднимусь наверх…

Но он остался на месте. Мария наполовину загородила дверной проем, так что ему пришлось бы протискиваться мимо нее, чтобы войти внутрь.

– Простыни чистые, свежие, – сказала она. – И я убедилась, все на своих местах.

– Спасибо.

– Я знаю, как ты относишься к своим вещам. Я никому не разрешала их трогать.

– Хорошо, спасибо.

– Ты выглядишь усталым, Фрэнк. Ты должен немного развлечься. Сходить на танцы, и вообще.

– Хотела бы потанцевать со мной?

– Конечно хотела бы, Фрэнк.

– И тебе не будет… неуютно рядом со мной?

– Конечно нет, что за глупость!

Наступила неловкая пауза. Потом Мария спросила:

– Чем планируешь заняться, Фрэнки?

– Ничем особенным, – сказал Гиббс. – Хочу немного порисовать…

– Порисовать? Ты?

– Да, я. А что?

– Но, Фрэнк, ты же можешь зарабатывать миллионы!

– Я просто хочу немного порисовать.

– Ну да, можешь себе позволить, – согласилась Мария. – Наверняка же на войне хорошо платили. Могу поспорить, ты получал больше, чем генералы. И это справедливо – с учетом того, что ты сделал.

Гиббс неопределенно улыбнулся, протиснулся мимо нее в дверь и начал подниматься по лестнице.

– Фрэнк…

– Что, Мария?

– Не хочу докучать прямо сейчас, да и вообще не люблю просить…

– Может быть, позже? – Гиббс стал подниматься быстрее.

– Фрэнк, это насчет моей матери. Не думаю, что в больнице ее вылечат. И лечение очень дорогое! Невероятно дорогое.

– Доктора знают, что делают.

– Ты не вылечишь ее, Фрэнк?

Гиббс повернулся на лестнице:

– Я не могу.

– Знаю, можешь. Ты вылечил у матери опухоль тот раз. Она не должна была никому рассказывать, но я ее дочь…

– Я завязал! Все это в прошлом. Теперь я обычный человек и собираюсь стать художником.

– Фрэнк, ну пожалуйста, – взмолилась Мария, – тебе же достаточно щелкнуть пальцами.

– Как ты не понимаешь? Я не могу быть третейским судьей. Не могу выбирать. Если я дам одному, то должен дать всем. А я не могу дать всем. Когда-то я выполнял все, о чем меня просили. Но я устал быть не таким, как все. Теперь я принадлежу самому себе и просто хочу жить как остальные!

– Так ты не поможешь? Всего-то щелкнуть пальцами.

– Я не могу!

– Не думала, что это тебя так смутит. Особенно после того, что ты сделал.

Гиббс побледнел и впился в Марию глазами.

– Конечно, ты можешь убивать, убивать, убивать, если тебя попросит важная шишка. Но ты не вылечишь обычную болезнь. Не буду я встречаться с таким уродом! – Мария сорвалась на крик.

Гиббс медленно спустился по лестнице и подошел к двери.

– О, Фрэнк, прости меня. Я не хотела это говорить. Само сорвалось с языка.

Гиббс открыл дверь.

– Ты же вернешься? На самом деле я не считаю тебя уродом, Фрэнки…

Гиббс вышел и закрыл за собой дверь.

Он сидел на скамейке в небольшом городском парке. Подошли два пацана и уставились на него.

– Эй, вы же Гиббс?

– Точно, это он. Эй, мистер Гиббс, как вам было в космосе?

– Одиноко, – ответил Гиббс.

– Там тепло или холодно?

– Ни то ни другое.

– И сколько вы там летали?

– Недолго. Это была разведка.

– А как вы дышали?

Гиббс промолчал.

– Земляк! А как было на Марсе?

– Одиноко.

– Эй, а покажите какой-нибудь трюк.

– Да! Что-нибудь из вашего репертуара. Ну же!

Гиббс потер глаза.

– Пожалуйста, мистер! Ну хоть что-нибудь!

Выпивохи из бара Джо подошли плотной группой, щурясь от солнечного света.

– Шкеты, проваливайте! – рявкнул Шустрила. – Катитесь подальше! О, кого я вижу! Фрэнки…

– Привет, Эдди, – сказал Гиббс.

– Ты не забыл нас?

– Конечно нет, – сказал Гиббс. – Привет, Джо… Джим… Стэн… Не уверен, что знаю этого господина…

– Я Томми Затычка. Учился на два класса младше. Но я помню вас, мистер Гиббс.

– Это ж сколько прошло времени, – покачал головой Метис. – Не забыл те деньки, Фрэнк?

– Я все помню.

– Тогда мы были неразлейвода, – сказал Джо.

Гиббс улыбнулся.

– Конечно, мы подтрунивали над тобой, Фрэнк, потому что ты был не такой, как все, – сказал Дилижанс. – Но на самом деле мы любили тебя.

– Это факт, – подтвердил Шустрила. – Нет друзей лучше, чем друзья детства. Да, Фрэнки?

– Полагаю, что так, – кивнул Гиббс.

– А с тобой было классно, Фрэнки. Помнишь гараж старика Томпсона, который ты спалил дотла? Как ты это назвал?

– Проявления полтергейста, – ответил Гиббс.

– Точно! И тебя чуть не посадили. Но ты им показал. Всем этим яйцеголовым из Гарварда и Йеля… и потом всей армейской верхушке… ты им всем показал!

– Нужно было держать рот на замке, – сказал Гиббс. – А я был идиот.

– Может, пропустим по глоточку – за старые времена? – Джо достал бутылку из бумажного пакета.

– Спасибо, я не пью, – помотал головой Гиббс. – Мой обмен веществ…

– Да и ладно, Фрэнки. Мы выпьем за тебя. За Фрэнка Гиббса, за мальчугана из нашего городка, который взлетел на самый верх!

Джо откупорил бутылку, отхлебнул и пустил по кругу.

Шустрила Эдди зашелестел газетой.

– Скажи, Фрэнки, – заговорил Метис Джим. – Ты же всегда дружил с цифрами?

Гиббс не ответил.

– Ну, мы с ребятами подумывали прикупить бумаги «Дакоты урания». Это вот здесь. – Он пододвинул газету к Гиббсу. – Что скажешь, Фрэнки?

– Это высокорисковые акции, – сказал Гиббс, не глядя в газету. – На вашем месте я бы не рисковал.

– Да? Ну спасибо большое, Фрэнк. Ты только что спас наши денежки. А какие акции, по-твоему, надо прикупить?

– Не знаю.

– Да брось, все ты знаешь, – сказал Шустрила. – Мы читали в газете, как ты мог предсказывать котировки любых акций, если хотел. Как ты делал это однажды для развлечения. Ты еще сказал репортерам: просто нужно понимать циклы фондового рынка.

– Я ничего вам не подскажу. Постарайтесь понять. Если скажу одному, должен буду…

– Не вешай нам лапшу, Фрэнки, – сказал Метис.

– И не собирался. В молодости я с удовольствием выполнял все, о чем люди меня просили. Я же не думал, что все так закончится. Мне нравилось быть не таким, как все, но теперь – все, хватит. На свете больше нет таких, как я, и места для меня тоже нет.

– То есть ты не поможешь? – спросил Шустрила Эдди.

– Я только что все объяснил.

– Не поможешь старым друзьям, – с досадой произнес Дилижанс.

– Я не могу!

Они повернулись, чтобы уйти.

– Сраный урод, – вполголоса произнес Метис.

Гиббс встал:

– Что ты сказал?

– Ничего.

– А ну повтори.

– Хорошо, повторю, – сказал Метис. – Ты урод, долбаный урод. И к тому же убийца. Скольких ты убил, Фрэнки, сидя в вашингтонском кабинете и напрягая мозги? Миллион, два миллиона? Ты не человек!

– А ты прав, – сказал Гиббс. – Я не человек, не на самом деле. Я мутант, единственный в своем роде, уникальный и невоспроизводимый. Вы завидуете мне и ненавидите меня, но вынуждены просить у меня помощи. Во время войны я, как дурак, делал все, о чем вы меня просили. Я думал, вы – мой народ. Но вы никогда не оставите меня в покое. И никогда не сочтете своим.

– Не распаляйся, Фрэнки. – Шустрила отступил на шаг.

– Я спокоен. Просто безнадежно устал и потерян. Куда мне идти? Везде одно и то же. «Сделайте для меня это, мистер Гиббс, сделайте то. Явите маленькое чудо, мистер Гиббс». А если я отказываюсь – «грязный урод!». Хотите чуда? Правда хотите увидеть?

– Возьми себя в руки, Фрэнки, – сказал бармен.

– Хорошо, я покажу! Хотите, полетаю?

Он оторвался от земли, поднялся метров на пятнадцать в воздух и опустился обратно.

– Вот так я летал в космосе. Хотите, чтобы я зажег огонь?

– Фрэнк, ради бога!

Огонь вырвался из его пальцев, опаляя землю перед ним. Они повернулись, чтобы бежать, и обнаружили, что окружены ревущей стеной пламени.

– Вот так я вызываю огонь! – крикнул Гиббс. – Каких еще представлений желаете? Телепортацию?

Невидимая сила подхватила Метиса и Шустрилу и швырнула на землю. Мертвенно-бледные, они корчились на траве, задыхаясь и закрывая руками лица от жара.

– Что еще могу сделать для вас? – кричал Гиббс. – Мои силы безграничны, прямо как у супермена. Хотите посмотреть, как я управляю ультразвуком? А хотите, сровняю этот город с землей, как сровнял Сталинград? Или, может, хотите узнать, что в действительности случилось с русской Четвертой армией? Так я вам покажу!

Черное пятно возникло над головами людей, увеличилось в размерах и начало обволакивать их тела.

– Фрэнк! – взвыл Метис, выбегая из парка на улицу. – Ради бога, Фрэнк!

Черное облако исчезло. Пламя погасло.

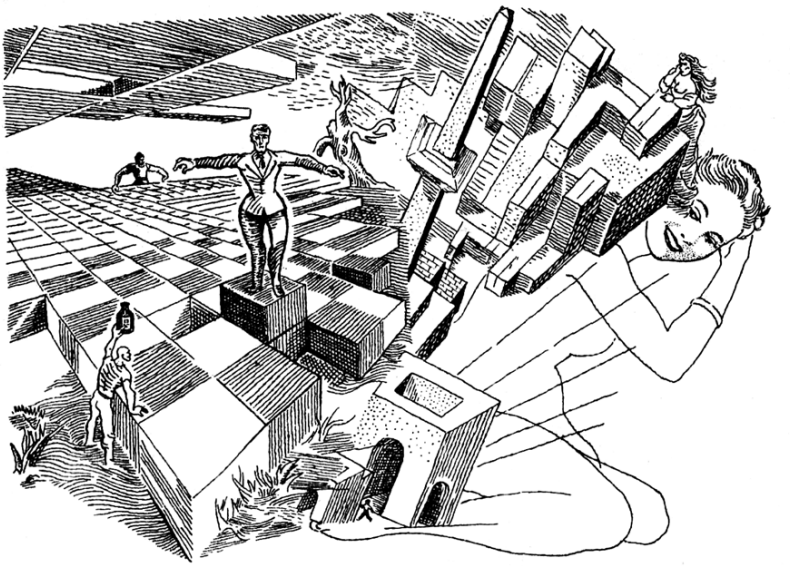
– Хорошо, – произнес Гиббс и поднялся в воздух. – Я улетаю. Черт с вами и вашей поганой расой.

– Ну и вали! – раздраженно проскрипел Дилижанс. – Он чуть не убил нас!

– Я знал, что так будет, – сказал Метис. – Он даже не человек.

– И куда он теперь? – спросил Томми Затычка.

– На Марс, на Венеру, на Луну – какая разница? – отозвался Дилижанс. – Куда бы он ни пошел, везде его ждет одиночество. Но он это стерпит, ведь он супермен!



Фрэнк Гиббс остановился в тридцати метрах над землей, потом медленно опустился назад и приземлился возле Вилли. Он выглядел озадаченным. Вилли День сидел на траве, сложив руки на коленях, на его лице отражалось сожаление.

– Ты не убежал, – сказал Гиббс.

– Нет.

– И не боялся, что я пораню или даже убью тебя?

– Не очень.

– Почему? – удивился Гиббс. – Ведь я убил людей больше, чем кто-либо другой в истории человечества. Почему ты решил, что я остановлюсь именно сейчас?

Вилли День качнул один раз головой. Тень сожаления все еще лежала на его лице.

– То были враги, и ты знал, кто они и чего хотят. Убивая их, ты чувствовал свою правоту. Но я не такой, я не враг, так что ты не убил бы и не поранил меня. И кое-что еще…

– Что?

– Ты человек. Может, следующая ступень в развитии, но все равно человек. А тебя заставили думать, что ты компьютер. Ну да, ты все просчитываешь, но одну вещь все-таки упустил.

Гиббс сел на землю рядом с Вилли:

– Какую?

– Ты не единственный, у кого есть особый талант. На свете много таких людей – ученые, художники, механики, садовники с золотыми руками.

– И?

– Ты не хочешь помогать никому, потому что не можешь помочь всем. Но разве так рассуждает хирург? Или садовник – разве бросает он работу из-за того, что не может позаботиться обо всех садах на свете?

Гиббс долго молчал. С улицы в парк, боязливо поглядывая на Фрэнка, возвращались остальные.

– Я не думал… – начал Гиббс, но осекся и резко повернулся к Вилли. – Ты ведь затеял разговор не просто так. Тебе что-то нужно от меня! Что тебе нужно?

– Ничего, – сказал Вилли День. – То есть нужно, но не для себя. Для тебя.

– Глупости! Чего мне желать, если я и так все могу?

– Например, не думать о себе как об уроде. Ты не перестанешь это делать, пока ты один. Тебе нужна помощь. Здесь, в городе, у тебя есть друзья, и они могут помочь.

Гиббс обвел взглядом остальных. Они несмело закивали.

– Может… по глоточку? – предложил Томми Затычка.

– А знаете что? – сказал Гиббс. – Я ни разу не выпивал в кругу друзей. В общем… кажется, я хочу этого больше всего на свете.

Вилли поднялся на ноги и принялся отряхивать брюки.

– Еще бы, – сказал он. – Ведь ты человек.

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально циркнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного остракизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив «явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

Ферланг — четвертая от солнца планета в системе на краю галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая УУ — официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривают, что Дерани — младшая — потом прошептала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденышке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль кислородного голодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском звезд. Не видя смысла расходовать скудные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится.

Время сковало его густым черным желе. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Ичору, который отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежной смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический штиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади — сообщил он Ичору. — Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Типа О, — ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло еще прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальные курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось

особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Ичор был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав — бодро ответил Детрингер. — Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо; агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его.

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Ичор подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным. В конце концов, резонно заметил он, даже раздобудь они топливо, куда им лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке была равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь, — заявил он.

— Хозяин, — почтительно заметил Ичор, — сие ересь.

— Вероятно, — беззаботно согласился Детрингер. — Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Ичор содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмилан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмилан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой

публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком космосе». Это, да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмилан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайно застенчив. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философе, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. «Как по-вашему?» — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление, сухо отозвался Макмилан.

— Прекрасно, — заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. — Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом, — отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. — Я имею ввиду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, — пожал плечами Макмилан. — Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает, — с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в своих суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный Нью-Йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженни Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть, — добавил Макмилан. — Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман. — Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, — заявил Кеттельман. — Интересно, где остальные?

— Какие «остальные»?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля-космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обусловливает присутствия другого, — заметил капитан Макмилан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, — наставительно сказал Кеттельман. — По тамошним правилам, где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо

лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия, — не согласился Макмилан.

— Ну и что?

Макмилан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас, — заметил Детрингер. — Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность, — отозвался Ичор. — То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили, — согласился Детрингер. — И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, — сказал Ичор. — Но как будете действовать вы на своём месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент, — вздохнул Ичор. — Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко? — поморщился Детрингер. — Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу:

— Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден, — сказал Детрингер. — А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты, — уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было никаких признаков ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку — вероятно, символ власти, — которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах, — решил Детрингер. — Пора выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехонького инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть первые слова? Как бы в этот исторический миг не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Над вашими словами, банальными ли они окажутся или выспренными, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмилан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется тем, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. «Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!» — однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмилан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно находились на грани бегства. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан, — обратился Кеттельман к Макмилану, предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея, — согласился Макмилан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются «Дженни Линд», чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмилану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Финикса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы приземлились на планете земного типа, — объявил Дельгадо, — но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

— Дело в том, — продолжал Дельгадо, — что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело, — сказала Милисент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда». — Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си- Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил, — ответил инженер Дельгадо. Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать, — изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей — что первый в истории человечества инопланетянин стоит столб столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания принял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два, три», — произнес Детрингер, и все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоящим идиотом. Упмана, однако, нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть, лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказывать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживается, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, свое хобби, отозваться о

склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмилан теперь раскаивался, что пренебрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже подался за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — постичь истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмилан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были утрясены, и Детрингер уединился с Макмиланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Ичор остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмиланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, во многом они сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмилан не без удивления отметил, что инопланетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел в совсем ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будут подготовлены необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гммм... — Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гммм», — сказал переводящий компьютер С-31, — это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман. — «Гммм» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник, — подтвердил Детрингер. — Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд» ... — начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет, — возразил компьютер. — Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гммм... — протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Как я и думал, — кивнул Детрингер. — Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений, — сказал Кеттельман. — У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? — поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

— Мы — мирные люди и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова, — вздохнул Кеттельман. — А где гарантии?

— Полковник, — возмутился Детрингер, — вы случайно слегка не... — Он запнулся в поисках подходящего слова... тронулись?

— Он желает знать, — услужливо разъяснил С-31, — не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноценность. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните, — зловеще предупредил он. — Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, наш след уже остынет, и они ни шиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла, — сказал Детрингер, — не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник, — с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал, — признался Кеттельман. Гммм... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну, ладно, — решил он наконец. — Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился в россказни о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он не в малой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено, — сказал Детрингер Ичору. Надо еще шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посылают по одной канистре? — поинтересовался Ичор. — Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты в жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присылаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. — Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации... — начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить, — сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщить и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет... — наконец сказал он. — Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно, верно, — кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него:

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец, — сказал Детрингер.

— Так точно, — подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник. — Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.

— Разумеется, — согласился Детрингер. — Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен, — мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим, — проговорил Кеттельман. — Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым первый официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт, — заметил Детрингер, — но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гммм, — пробормотал Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерил шагами узкую комнату. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло, — произнес Детрингер. — Логика на моей стороне.

— Он прав насчет логики, — вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт, — не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите, — устало проговорил он. — Я пришлю топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею, — отозвался Кеттельман. — Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился.

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал, — сказал Детрингер. — Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали, — печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер сел за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, — если, конечно, ему вообще удастся улететь.

Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присылали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженни Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью Детрингеру сразу предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по сторонам которого замерли вооруженные солдаты. Строгое выражение лица не скрывало злорадства. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмилан.

— Ну, Детрингер, — начал полковник, — что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо, — сказал ферлангец. — Но вижу, вы не собираететсь сдержать свое слово.

— Напротив, — возразил полковник. — Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом своего собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю, — сказал Детрингер. — Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга. — Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмилан подался вперед и спросил:

— Ичор, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный. — Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отводят мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, — не выдержал робот-посудомойщик. — Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, продолжал Ичор. — Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему операцию, — вставил робот-посудомойщик, — хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился на операцию, — продолжал Ичор. — Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история, — обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем, — тихо произнес капитан Макмилан. — Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия.

Ичор кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно, — резюмировал Кеттельман. — Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник, — капитан Макмилан повернулся к Детрингеру: — Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет, — ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом, — сказал капитан Макмилан, — и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен, — произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное, — настаивал капитан Макмилан. — Наши народы не находятся в состоянии войны. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, — сказал полковник. — Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, — при всем к вам уважении.

— Судить буду я, — отчеканил капитан Макмилан. — Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмилан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно, — сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Ичор в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!». Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо, — сказал Кеттельман. — Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам, — продолжал Макмилан, — если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи, — пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый, — констатировал Макмилан. — Его желания не влияют на решения суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем, — подчеркнул Макмилан. — Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле, — зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Ичор — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Ичор.

— К какому-нибудь новому чудесному миру, — ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно, — сказал Детрингер. — Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Ичор заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмилана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять за себя, — отозвался Детрингер.

Там, на Земле, решение капитана Макмилана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

ЗАПОВЕДНАЯ ПЛАНЕТА

– Какой хаос! – воскликнул Гик, с прискорбием глядя на некогда прекрасный заповедник.

Ремонтники кивнули и начали раскладывать инструменты.

Гик безрадостно огляделся. Заповедник являлся одной из достопримечательностей Центральной галактики. Живописная страна чудес привлекала туристов из самых отдаленных уголков Вселенной. И вот планета обезображена.

С первого же взгляда выяснилось, что не хватает многих видов заповедных животных. Так же, как и целых классов птиц. Куда-то пропало большинство насекомых. Редкие растения исчезли без следа.

– Что сделано, то сделано, – вздохнул Гик. Теперь его задача – восстановить разрушенное. Вот только с чего начать? С лесных массивов?

Включив свое чувство глиже, Гик увидел, что в заповеднике повреждено практически все, включая недра.

– Подумать только, – громко произнес он. – Четыре безумца – и такой беспорядок!

Ремонтная братия немедленно подняла головы. Слабоумных рабочих завербовали на небольшой планете Лиз, что на крайнем востоке Центральной галактики. Новости там распространялись с черепашьей скоростью.

– Четыре безумца, сэр? – переспросил один из ремонтников, демонстрируя типичную лизианскую непосредственность.

– Два безумца и две безумицы, – уточнил Гик. – Остальное выстроите путем умозаключений во время работы.

Но никто из обитателей отсталой планеты Лиз не знал, как путем умозаключений выстроить целую историю, основываясь на двух несвязанных фактах.

– Значит, узнаете все, когда вернетесь домой, – сказал Гик.

Рабочие запротестовали. Вид разрушенного заповедника вызвал шок даже у них, несмотря на их притупленные чувства. Ремонтники хотели знать, как все произошло.

– Нет, – отрезал Гик.

– Сэр, – сказал рабочий, – мы будем работать лучше, если будем знать, что же все-таки случилось.

– С чего ты взял?

– Сэр, но ведь доказано, что побуждающие мотивы усиливаются в геометрической прогрессии, когда ограниченные в целом причины любых необратимых действий...

– Вот только не надо вашей ужасной гиплоксианской психологии, – оборвал его Гик. Трудно сохранить самообладание, когда тебе начинают читать лекции слабоумные! Кроме того, терминология у них безнадежно запутана.

Ремонтники столпились вокруг него, потеряв всякий интерес к предстоящей работе. Их туповатые физиономии выражали страстное желание знаний.

– Ну ладно, – сдался Гик. – Я расскажу вам начало, а остальное домантурите сами. Идет?

История началась некоторое время назад. Два психиатра – Олг и Луум – возвращались на корабле в свою психбольницу, расположенную в северном полушарии галактики. Они доставляли особый груз: четырех психотиков – двух мужчин и двух женщин – в четырех клетках, обитых изнутри мягким материалом.

Путешествие через полыхающий центр галактики было долгим и опасным. Психиатры прокладывали путь сквозь скопления ослепительных белых супергигантов, тусклых красных карликов и обжигающих голубых великанов.

Четыре психотика, накачанные транквилизаторами, безмятежно спали.

Психиатры устали и томились жаждой. Завидев пришвартованный к темной звезде уютный павильон «Освежающие напитки», они с вожделением уставились на него.

– Дело – прежде всего, – поторопился заявить Олг.

– Точно, – подтвердил Луум, свесив изо рта все свои языки. – Но если быстренько и всего по одной...

Больше аргументов не потребовалось. И действительно, пациенты благополучно пребывают в стране грез. Из-за своей удивительно короткой продолжительности жизни они, скорее всего, умрут еще до того, как корабль доберется до психбольницы в далеком северном полушарии. Казалось, несколько минут ничего не изменят.

Поэтому они бросили якорь и не мешкая отправились в «Освежающие напитки». Там они приняли по два виша на нос и поспешили назад. Хотя они и отсутствовали всего ничего – по собственной шкале времени психиатров, – корабль с психотиками успел исчезнуть.

– О нет, – прошептал Луум.

– О да, – вздохнул Олг. Они не учли высокую скорость обмена веществ у психотиков, соответствующую их продолжительности жизни. Несколько минут, которые Олг и Луум отсутствовали на корабле, могли стать месяцами для их подопечных. Вполне достаточно, чтобы прийти в себя, освоить управление кораблем и смыться.

– Нам нужно срочно их разыскать! – воскликнул Луум. – Пока они не высадились на какой-нибудь цивилизованной планете.

– Не беспокойся, – сказал Олг. – Любой цивилизованный народ тут же вернет их или их тела в нашу больницу.

– Вернут, если обнаружат! Ты вспомни, хитрости психотиков нет предела. Они могут приземлиться ночью и разбежаться в темноте. Господи, да они способны на что угодно! Они же взорвут планету, если смогут!

– Эти смогут, – подтвердил Олг. – Но не будем волноваться раньше времени. – Он быстро смотался в «Освежающие напитки», принял еще один виш и реквизировал

корабль хозяина павильона. Психиатры сели в судно и безнадежно переглянулись. Вокруг сверкало великое множество звезд Центральной галактики – миллионы солнц с десятками миллионов планет.

– Думай, – сказал Олг. – Что бы ты сделал, будь ты психотиком?

– Я бы слалангнул.

– Вот давай и попробуем.

Они быстро слалангнули корабль в монорадическое пространство, протяженность которого не превышает семидесяти метров в длину. Оно хорошо освещено, и там трудно укрыться. К досаде психиатров, беглецов там не оказалось.

– Обидно, – сказал Луум. – Здесь искать было бы проще всего.

– Н-да. Придется осмотреть все окрестные планеты.

– Я знаю, как вычислить беглецов.

– Как?

– Когда они взорвут планету, мы обязательно увидим вспышку.

В нарушение всех галактических правил движения они разогнали корабль до максимальной скорости и взяли курс на Птис – ближайшую обитаемую планету.

– На этом все, – сказал Гик рабочим. – Остальное домантурите сами. А сейчас за работу!

С помощью чувства глиже он просканировал поверхность планеты. Увиденное не порадовало. Все полезные ископаемые выпотрошены из земли. Вода – загрязнена, леса – уничтожены, почва – варварски перекопана.

– Ты и ты! – приказал Гик. – Спустите железную руду на километр под землю и рассредоточьте ее там. Ближе к поверхности разместите цветные металлы. Давайте же, начинайте!

Большинство рабочих домантурило продолжение истории. Грустно улыбаясь, они принялись за работу.

– Сэр, – обратился один из ремонтников. – Некоторым из нас все же не удалось домантурить.

– Почему?

– Мы очень глупые, – застенчиво сказал рабочий.

– Оно и видно. Но ведь мантурить умеет каждый!

– Только не мы, – горестно признал рабочий.

– Хорошо, я расскажу вам еще немного. Тогда вы сможете индуктировать остальное. Индуктировать-то вы умеете?

Рабочие кивнули. Гик окинул взглядом окрестности, убедился, что команда, восстанавливающая недра, занялась делом, и продолжил рассказ.

Планета Птис доложила, что у них нет никаких признаков психотиков. Поисковые партии на Клиш и Йегл тоже не нашли ничего. Никаких сообщений ни с Маверни, ни из системы Калден, ни от Конфедерации Хабоксу.

– Пока безрезультатно, – констатировал Луум.

– По крайней мере, мы точно знаем, что в непосредственной близости их нет, – сказал Олг. – Действуем дальше. Дайка взглянуть на их документы.

– Они остались на корабле.

– Прекрасно! Ты хоть помнишь, к какому классу они относятся?

Луум глубоко задумался:

– Они двуногие.

– Ох!

– Да. Я уверен. Двуногие с обменом веществ по типу двести двадцать четыре и высокой скоростью размножения.

– Это очень плохо.

– И у них чрезвычайно низкая продолжительность жизни, – добавил Луум. – Вполне возможно, они умерли еще в космосе. Но рисковать мы не можем.

– Конечно не можем. Свяжись с Галактическим центром и запроси список всех миров, населенных двуногими.

Пока Луум запрашивал список, Олг обдумывал ситуацию.

Двуногие психотики – это очень опасно.

Из-за их низкой продолжительности жизни Центр обычно не вмешивался в их дела. Скромные и вежливые, двуногие отличались миролюбивым и дружелюбным характером. Но если в их мир запустить четырех психотиков…

Последствия будут катастрофическими!

Двуногие при всех своих ценных качествах – очень уязвимые творения природы. Психотики заразят значительную часть расы двуногих, если получат возможность бесконтрольно размножаться.

Такое уже случалось. Зараженные двуногие были грозой галактики. Они прославились бесконечными войнами против всех и вся. Будучи прирожденными кочевниками, двуногие расползались по космосу, разрушая любой мир, который оказывался у них на пути. Часто они громили планеты исключительно со злости, иногда делали из них заправочные станции или использовали как большие мишени.

Безусловно, беглые психотики направятся в один из миров двуногих. Прилетят и будут маскироваться под обычных жителей, и их поведение примут за чистую монету.

Олг молился, чтобы местные власти проявили бдительность и арестовали психотиков, прежде чем произойдет межрасовое кровосмешение.

Как только Луум получил список, партнеры помчались на ближайшую планету двуногих и связались с представителем власти.

– У вас есть данные по вспышкам психозов?

– Я должен проверить, – ответил двуногий. Он резво взялся за дело, но не успел ничего выяснить, потому что умер.

Олг и Луум прокляли свое невезение. Им попался мир с необычайно низкой, даже для двуногих, продолжительностью жизни.

Кипя от злости, психиатры ждали, пока почившему назначат преемника.

– Итак, в чем дело? – спросил новый представитель власти.

– Психотики, – выпалил Луум скороговоркой, чтобы двуногому хватило времени на ответ. Но несмотря на все старания психиатра говорить очень быстро, по временно́й шкале двуногих это заняло долгие годы.

– Я не совсем пони… – начал двуногий и умер.

Его преемник, к счастью, оказался совсем юношей. Прежде чем умереть от глубокой старости, он успел проверить записи и дать психиатрам отрицательный ответ.

– Такими темпами, – сказал Луум после возвращения на корабль, – мы не поймаем их никогда.

Олг расстроился. Ясно, почему Центр оставил двуногих в покое. С ними практически невозможно разговаривать в рамках одного поколения.

Психиатры понимали, что психотики могли уже начать заражать население. Их потомки распространят семя разрушения дальше. Если так, нужно найти и изолировать зараженный сегмент расы.

– Сколько еще миров двуногих у нас осталось? – спросил Олг.

– Сто четыре.

Без всякой надежды на успех психиатры продолжили путь.

– Дальнейшее очевидно, – сказал Гик. – Теперь вы легко реконструируете события.

Грубые лица рабочих осветились улыбками. Успешно реконструировав события, они вернулись к работе.

Дела у бригады восстановления недр шли хорошо. Гик взялся лично руководить распределением алмазов, чтобы получилось красиво. Другая бригада воссоздавала горные гряды. После этого ей предстояло перенаправить восемь главных рек в их естественные русла, а сотни миллиардов гектаров земли засеять травой.

И это было только начало.

– Полнейший хаос, – проворчал Гик. Принюхавшись, он решил, что воздух нужно вывезти, почистить и только потом предлагать для дыхания…

– Сэр, – раздался голос у него за спиной.

– Я занят, – бросил Гик.

…А после очищения воздуха неплохо бы восстановить его естественный аромат… для этого потребуется несколько миллионов тонн…

– Сэр, – снова раздался голос.

Гик повернулся и увидел крохотного сморщенного рабочего.

– В чем дело?

– Сэр, я не могу реконструировать.

– Не можешь? Чему же тебя учили в школе?

– Очень немногому, сэр, – с несчастным видом произнес маленький рабочий. – Сэр, не расскажете мне конец истории?

– Отстань, – сказал Гик. – Даже без реконструкции ты должен представлять, чем все кончилось.

– Увы, сэр, – ответил маленький рабочий. – Точно не получается. Я усматриваю, конечно, прямую причинно-следственную связь между разрушенным заповедником и побегом двуногих психотиков с последующей расовой реинтеграцией. Но я спрашиваю себя: что это? Точная релевантная связь, прогрессия в логическом арифметицизме? Или здесь присутствует незаметный, но меняющий смысл подтекст? Или это новые возможности установления связи между реалиями разного порядка? Я спрашиваю себя, в соответствии с первой основной гипотезой: была ли это война, была ли она начата родом психотиков с планеты двуногих и стала ли заповедная планета одним из яблок раздора? Если так, то чего мне ожидать – морфологически? Использовался ли заповедник как: а) заправочная станция, б) пристрелочная мишень, в) база общего назначения, – чтобы мне разрабатывать только самый очевидный из вариантов? Или, если взять в качестве основной другую гипотезу, разве не могли

беглые психотики оказаться на двух разных планетах двуногих? Я бы отнесся со всей серьезностью к возможности такого развития событий, поскольку, как ни крути, для войны нужны две стороны. Одна неполноценная двуногая раса могла бы, предположительно, оставаться под контролем – или же о ее возникновении доложили бы в Центр. С двумя расами – хотя это всего лишь мое предположение, вытекающее из сомнительной гипотезы, – мы имеем все, как будто бы логичные, предпосылки для войны. Тем не менее, возвращаясь к первой основной гипотезе...

– Избавь меня от своей болтовни! – рявкнул Гик.

– Извините, сэр.

– Во-первых, ты не прав...

– Этого я и боялся. – Рабочий расстроенно шмыгнул носом.

– ...и, во-вторых, ты глуп как пробка.

– Это я знаю.

– Возвращайся к работе. Нужно многое сделать.

– Да, сэр.

Сморщенный маленький рабочий отвел назад хвост, готовясь совершить ритуальное самоубийство, вызванное приступом разочарования. Но Гик его остановил.

– У меня нехватка рабочих рук, – сказал он. – Если пообещаешь сразу же вернуться к работе, то я расскажу, чем все закончилось.

– Я обещаю, сэр!

– Отлично. Итак...

Проверив пятьдесят четыре мира, психиатры так и не обнаружили следов сбежавших психотиков. Они обшарили почти всю Вселенную, и, согласно намеченному плану, поиски подходили к концу.

Совершенно ясно, что исходные сумасшедшие давно мертвы. Теперь главная проблема – их потомки, если таковые имеются.

Когда они следовали к пятьдесят пятому миру двуногих, Луум засек биение на волновом детекторе. Он подстроил фокус, и биение превратилось в типичный для психотиков ритмический узор, причем явно усиленный.

Коллеги уточнили местоположение и помчались туда, игнорируя все ограничения скорости. Добравшись до места, экстренно приземлились.

Перед ними предстал странный мир. Обычно двуногие четко придерживались норм размножения, поскольку страдали легкой формой клаустрофобии. Но здесь они плодились как кролики.

Даже при беглом взгляде все признаки заражения были налицо. По всей планете бушевали войны. Миллионы особей голодали. Многие миллионы страдали от болезней и увечий. С помощью мысленного сканирования психиатры обнаружили, что огромное население неспособно было ни прокормить себя, ни контролировать рождаемость.

Бесспорное доказательство безумия.

А хуже всего то, что взаимопомощь, которую так высоко ценят двуногие, здесь проявлялась в лучшем случае эпизодически. В довершение ко всему, местные жители искусственно поделились на расы и субрасы и придумали разные классификации внутри классификаций. А это уже являлось окончательным доказательством психоза. Ведь на самом деле все двуногие – дети одной, и только одной, расы.

Стало ясно: именно здесь когда-то и высадились психотики.

– На повестке дня один вопрос, – сказал Луум, – сколько еще миров они заразили? Сколько планет взорвали, ограбили, разгромили, сделали непригодными для жизни?

Ответ казался очевидным: много. Двуногие – прирожденные космические путешественники, а невменяемые двуногие так и вообще постоянно бродили меж звезд. Мысленно просканировав планету, психиатры начали анализировать информацию.

Первым ответ увидел Олг. Сначала он не поверил. Потом ответ увидел и Луум.

– Эти двуногие, – изумился Луум, – никогда ни с кем не контактировали. Они так и не вышли в космос!

Невероятно, но факт: местные двуногие не сумели освоить космические путешествия. И у них не было соседей, которые помогли бы им.

Олг внимательно просмотрел список миров двуногих. И тогда все окончательно встало на свои места.

Эта планета не была миром двуногих. Сумасшедшие расплодились в заповеднике!

– Вот так, – сказал Луум. – Четверо безумцев приземлились в заповеднике, где никто и не подумал бы их искать. Их потомки одичали, размножились...

– Еще как размножились!

– К сожалению. Все они – потомки безумной четверки.

– Они основательно поизмывались над заповедником, – сказал Олг. – Придется временно реклассифицировать его. Как туземцы прозвали свою планету?

Луум мысленно поискал ответ.

– Они называют ее Землей.

– Вызывай ремонтную бригаду, – сказал Олг. – И поторопись, пока местные не разорвали планету на части.

– По крайней мере, – подытожил Луум, – они не заразили ни одного нормального мира.

– Вот, значит, как, – сказал маленький рабочий.

– Именно, – кивнул Гик. – И теперь не кому-нибудь, а нам с тобой предстоит восстанавливать безжалостно убитую планету.

Рабочий взял в руки инструменты. Потом снова повернулся к Гику.

– А где же ее жители? – спросил он.

– Да уж точно не здесь, – рассеянно ответил Гик. – Психотикам место в лечебнице, в мягких клетках. – Он помолчал немного. – Само собой, местные очень расстроились на

этот счет. Думаю, психиатрам потребовалось семь миллиардов смирительных рубашек... а теперь наконец не будешь ли ты так любезен приступить к работе?

Маленький рабочий кивнул и с ювелирной точностью начал воссоздавать раздробленную гору.

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Я не нуждаюсь в крючьях! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

— А что мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Перед Рэделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда «Элгонквин», теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец, он мягко опустился на поверхность планеты.

— Совсем неплохо, малыш, — похвалил Рэделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу, — сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах вселенной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня, закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Подожди здесь, малыш, — сказал Рэделл кораблю. Он выбрался через последний люк и спустился по трапу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиокомпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включил радио — думал услышать, как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюм холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданным человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед, снег становился все глубже. Рэделл оглянулся. Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

— Если здесь будет колония, — сказал он себе, — ни за что не поселюсь. — Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы.

Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли — это вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыкая песенку, которую, как ему казалось, он слушал, мысли у него были, о чем угодно, только не о Венере, — и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Причин для беспокойства не было. В

чудодейственном костюме ему ничего не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась о пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычайно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

— Черта с два, — Успокаивал себя Рэделл, — костюм ничего не пропустит.

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная снеговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит: «Элгонквин», — повторял он, — вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ... И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит: «Элгонквин» ...

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди, — взывал Рэделл. — Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Объединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывал теплом, и Рэделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло: жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки — «молнии», как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем непростым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь — за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью и разгинались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение, — сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что-же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали, — сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю, — яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин» ...

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

— Говорит: «Элгонквин»! — Надрывался Рэделл.

— Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна — 2...

— Придержите язык хоть на минуту, Луна! — Взмолился Рэделл.

— Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но, с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

Да, придется пожертвовать радио, решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио.

— В мой следующий отпуск... — И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голосов, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающе гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил хоть немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

* * *

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин». Отвечайте, «Элгонквин». Что случилось?

— Не могу добраться до корабля, — бормотал Рэделл в полусне.

— Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костры! Костюм подвел?

— Нет... — вяло бормотал Рэделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэделл был облачен в

сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. «Только заберите меня отсюда», — сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и даны небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных «Правил». Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес его поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь не угасал. Рэделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит ненадолго.

* * *

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. «Когда он будет здесь?» — спросил Рэделл.

— Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль?

— Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме расстаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только вся беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

* * *

— Держись, старина. Мы ближе. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

— Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

Да, он был прав насчет лыж, верно? — Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него не работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из всех когда-либо созданных человеком.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА 7
ПРИЗРАК – 5 26
ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ 46
БЕЛИЧЬЕ КОЛЕСО 59
МЯТЕЖ ШЛЮПКИ 89
НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ 108
БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ 124
ЧАС БИТВЫ 176
ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА ЧЕЛОВЕКА 185
ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ 203
ХРАНИТЕЛЬ 227
МЫ ОДИНОКИ 248
МУЧЕНИК 265
ОРДЕР НА УБИЙСТВО 272
ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР 309
ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ 329
ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ 340
РАСА ВОИНОВ 364
СЕДЬМАЯ ЖЕРТВА 379
СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ 399
СТРАЖ-ПТИЦА 411
УЛЬТИМАТУМ 441
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА 472

ВЫМОГАТЕЛЬ.....488
ЗАПОВЕДНАЯ ПЛАНЕТА 514
ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА 526

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вот так, и только так, я представляю себе эти сборники КЛАССИКОВ ФАНТАСТИКИ.

Для наполнения которых, в сети, можно найти иллюстрации, из первых журнальных публикаций.

Старые иллюстрации, прекрасно передают дух того времени, когда был написан этот рассказ, или повесть.

Ведь каждый художник, иллюстрировавший данные произведения, представлял антураж будущего, через свое сегодняшнее видение.